This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ГАУСТОНЪ СТЮАРТЪ ЧАМБЕРЛЭНЪ

ЕВРЕИ,

ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІЕ

И

ПРИЧИНЫ ИХЪ ВЛІЯНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1907

Print[illegible]SN

Z KSIĘGOZBIORU
Nº .....
H. WRÓBLEWSKIEJ

Chamberlain, H.

Гаустонъ Стюартъ Чамберлэнъ

ЕВРЕИ,

ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІЕ

и

ПРИЧИНЫ ИХЪ ВЛІЯНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1907

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
I. Еврейскій вопросъ	1
II. Чужой народъ	11
III. Историческій обзоръ съ птичьяго полета	17
IV. Consensus ingeniorum	22
V. Монархи и дворянство	25
VI. Внутреннее соприкосновеніе	33
VII. Но кто же еврей?	35
VIII. Планъ изслѣдованія	40
IX. Происхожденіе израильтянъ	45
X. Чистокровный семитъ	55
XI. Сиріецъ	60
XII. Аморей	75
XIII. Цифровыя данныя	83
XIV. Сознаніе племенной вины	87
XV. Homo syriacus	92
XVI. Homo europaeus	96
XVII. Homo arabicus	99
XVIII. Homo judaeus	115
XIX. Разсужденіе о религіи семитовъ	120
XX. Израильтяне и іудеи	165
XXI. Какъ сложился типъ «іудея»	172
XXII. Новый Завѣтъ	196

ждымъ нашей части свѣта, по его собственному признанію, — неразрывно связаннымъ съ тѣмъ Ветхимъ Завѣтомъ, который былъ данъ ему подъ другимъ, отдаленнымъ отъ насъ небомъ». Это совершенно справедливо. Но именно въ теченіе XIX-го столѣтія этотъ чужой намъ народъ — навсегда чужой, потому что онъ, по столь мѣткому выраженію Гердера, неразрывно связанъ съ чуждымъ всѣмъ остальнымъ народамъ и враждебнымъ имъ закономъ, — сталъ несоразмѣрно важной составной частью нашей жизни, имѣющей въ нѣкоторыхъ областяхъ ея несомнѣнно рѣшающее значеніе. Уже сто лѣтъ тому назадъ тотъ же дѣятель долженъ былъ признать съ грустью, что «менѣе цивилизованныя націи Европы являются добровольными рабами еврейскаго лихоимства». Въ настоящее время онъ былъ бы въ правѣ утверждать это о наибольшей части всего цивилизованнаго міра вообще. Но обладаніе денежными капиталами само по себѣ далеко еще не главное; наши правительства, наша наука, наша торговля, наша литература, наше искусство — почти всѣ отрасли нашей жизни обратились въ большей или меньшей степени въ добровольныхъ рабовъ еврейства и влачатъ цѣпи, которыми они скованы, если не всецѣло, то въ значительной мѣрѣ. При этомъ подчеркнутый Гердеромъ «чуждый» элементъ выступаетъ все рельефнѣе и рельефнѣе; столѣтіе назадъ о немъ только догадывались: теперь онъ проявилъ себя на дѣлѣ и доказалъ свою устойчивость,—онъ бросается въ глаза даже самому невнимательному наблюдателю. Побуждаемый къ тому идеальными стимулами, индоевропеецъ дружелюбно открылъ врата: еврей ринулся въ нихъ подобно врагу, взялъ приступомъ всѣ

позиціи и водрузилъ знамя своего навѣки чуждаго намъ «я» надъ брешами, пробитыми имъ въ нашей самобытности, чтобы не сказать—на ея обломкахъ.

Но слѣдуетъ ли за это порицать евреевъ? Это было бы столь же неблагородно, сколь недостойно и неразумно. Евреи заслуживаютъ удивленія, потому что они дѣйствовали съ абсолютной увѣренностью, сообразно логикѣ и сущности своей самобытности; никогда увлеченіе гуманными мечтами (которымъ евреи отдавались всегда лишь по столько, по сколько это было выгодно для нихъ) не отуманивало ихъ настолько, чтобы они забывали изъза нихъ хоть на мгновеніе святость физическихъ законовъ. Посмотрите, съ какимъ неподражаемымъ мастерствомъ они сумѣли использовать законъ «чистокровности» въ видахъ распространенія своего господства: родовой стволъ остается неприкосновеннымъ, ни одна капля чужой крови не приникаетъ въ него; вѣдь въ Торѣ сказано: «Сынъ блудницы не можетъ войти въ общество Господне, и десятое поколѣніе его не можетъ войти въ общество Господне» (Второзак. XXIII, 2). Но вмѣстѣ съ тѣмъ тысячи побочныхъ вѣтвей отсѣкаются и служатъ средствомъ для зараженія индоевропейскаго племени еврейской кровью! Если это будетъ продолжаться такъ еще нѣсколько столѣтій, то въ Европѣ останется лишь одинъ чистокровный народъ — еврейскій, всѣ остальные обратятся въ стадо псевдоевропейскихъ ублюдковъ, и притомъ это несомнѣнно будетъ народъ, выродившійся какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Вѣдь даже великій другъ еврейства—Эрнестъ Ренанъ признался: «Я первый готовъ признать, что семитическое племя, срав-

	стран.
XXIII. Пророки	200
XXIV. Раввины	209
XXV. Мессіанство	216
XXVI. Законъ	226
XXVII. Тора	230
XXVIII. Іудейство	234
ПРИБАВЛЕНІЕ	242

I.

Еврейскій вопросъ.

Пиши я сто лѣтъ тому назадъ—мнѣ едва ли представилась бы надобность посвятить здѣсь вопросу о появленіи евреевъ въ исторіи Европы много страницъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и тогда ихъ причастность къ возникновенію христіанства заслуживала бы серьезнаго вниманія въ виду проникновенія такимъ путемъ въ Европу особаго, окончательно чуждаго арійскому племени, духа; то же относится и къ той экономической роли, которую они играли въ продолженіе всѣхъ вѣковъ христіанской эры; но тогда было бы достаточно упомянуть объ этихъ предметахъ при случаѣ,—больше распространяться о нихъ было бы излишне. Но съ тѣхъ поръ произошла большая перемѣна: теперь евреи играютъ какъ въ Европѣ, такъ и всюду, куда проникли европейцы, другую роль, чѣмъ столѣтіе тому назадъ. Какъ бы мы ни думали объ исторіи ихъ прошлаго, исторія ихъ настоящаго фактически занимаетъ въ нашей жизни такое видное мѣсто, что мы не можемъ отказать ей въ нашемъ вниманіи. Не взирая на выдающуюся гуманность Гердера, онъ говоритъ: «Еврейскій народъ остался и навсегда останется въ Европѣ народомъ азіатскимъ, — чу-

ждымъ нашей части свѣта, по его собственному признанію, — неразрывно связаннымъ съ тѣмъ Ветхимъ Завѣтомъ, который былъ данъ ему подъ другимъ, отдаленнымъ отъ насъ небомъ». Это совершенно справедливо. Но именно въ теченіе XIX-го столѣтія этотъ чужой намъ народъ — навсегда чужой, потому что онъ, по столь мѣткому выраженію Гердера, неразрывно связанъ съ чуждымъ всѣмъ остальнымъ народамъ и враждебнымъ имъ закономъ, — сталъ несоразмѣрно важной составной частью нашей жизни, имѣющей въ нѣкоторыхъ областяхъ ея несомнѣнно рѣшающее значеніе. Уже сто лѣтъ тому назадъ тотъ же дѣятель долженъ былъ признать съ грустью, что «менѣе цивилизованныя націи Европы являются добровольными рабами еврейскаго лихоимства». Въ настоящее время онъ былъ бы въ правѣ утверждать это о наибольшей части всего цивилизованнаго міра вообще. Но обладаніе денежными капиталами само по себѣ далеко еще не главное; наши правительства, наша наука, наша торговля, наша литература, наше искусство — почти всѣ отрасли нашей жизни обратились въ большей или меньшей степени въ добровольныхъ рабовъ еврейства и влачатъ цѣпи, которыми они скованы, если не всецѣло, то въ значительной мѣрѣ. При этомъ подчеркнутый Гердеромъ «чуждый» элементъ выступаетъ все рельефнѣе и рельефнѣе; столѣтіе назадъ о немъ только догадывались: теперь онъ проявилъ себя на дѣлѣ и доказалъ свою устойчивость,—онъ бросается въ глаза даже самому невнимательному наблюдателю. Побуждаемый къ тому идеальными стимулами, индоевропеецъ дружелюбно открылъ врата: еврей ринулся въ нихъ подобно врагу, взялъ приступомъ всѣ

позиціи и водрузилъ знамя своего навѣки чуждаго намъ «я» надъ брешами, пробитыми имъ въ нашей самобытности, чтобы не сказать—на ея обломкахъ.

Но слѣдуетъ ли за это порицать евреевъ? Это было бы столь же неблагородно, сколь недостойно и неразумно. Евреи заслуживаютъ удивленія, потому что они дѣйствовали съ абсолютной увѣренностью, сообразно логикѣ и сущности своей самобытности; никогда увлеченіе гуманными мечтами (которымъ евреи отдавались всегда лишь по стольку, по сколько это было выгодно для нихъ) не отуманивало ихъ настолько, чтобы они забывали изъза нихъ хоть на мгновеніе святость физическихъ законовъ. Посмотрите, съ какимъ неподражаемымъ мастерствомъ они сумѣли использовать законъ «чистокровности» въ видахъ распространенія своего господства: родовой стволъ остается неприкосновеннымъ, ни одна капля чужой крови не приникаетъ въ него; вѣдь въ Торѣ сказано: «Сынъ блудницы не можетъ войти въ общество Господне, и десятое поколѣніе его не можетъ войти въ общество Господне» (Второзак. XXIII, 2). Но вмѣстѣ съ тѣмъ тысячи побочныхъ вѣтвей отсѣкаются и служатъ средствомъ для зараженія индоевропейскаго племени еврейской кровью! Если это будетъ продолжаться такъ еще нѣсколько столѣтій, то въ Европѣ останется лишь одинъ чистокровный народъ — еврейскій, всѣ остальные обратятся въ стадо псевдоевропейскихъ ублюдковъ, и притомъ это несомнѣнно будетъ народъ, выродившійся какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ. Вѣдь даже великій другъ еврейства—Эрнестъ Ренанъ признался: «Я первый готовъ признать, что семитическое племя, срав-

нительно съ индоевропейскимъ, дѣйствительно низшій типъ проявленія человѣческой природы [1]). А въ одномъ изъ своихъ лучшихъ, хотя, къ сожалѣнію, и мало извѣстныхъ, трудовъ тотъ же ученый говоритъ: «Ужасающее однообразіе семитическаго духа сжимаетъ человѣческій мозгъ, закрываетъ къ нему доступъ всѣхъ идей высшаго порядка, всякаго болѣе тонкаго чувства и дѣлаетъ невозможнымъ всякое разумное изслѣдованіе, чтобы поставить его лицомъ къ лицу съ вѣчной тавтологіей: Богъ есть Богъ» [2]); дальше онъ доказываетъ, что будущность культуры обезпечена только въ томъ случаѣ, если христіанская религія, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи, разойдется «съ духомъ еврейства» и «индоевропейскій геній» будетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе значеніе на всѣхъ поприщахъ. Смѣшеніе это, слѣдовательно, ведетъ къ несомнѣнному вырожденію: это справедливо какъ относительно еврея, характеръ котораго слишкомъ чуждъ нашему,—устойчивѣе и сильнѣе его,—чтобы обновиться и облагородиться путемъ притока германской крови въ іудейское племя, такъ и относительно европейца; послѣдній, конечно, можетъ лишь проиграть черезъ скрещиваніе его съ «типомъ низшаго порядка»—я предпочелъ бы сказать: съ столь неоднороднымъ съ нимъ типомъ. Но въ то время, какъ это смѣшеніе продолжаетъ осуществляться, великое коренное племя чи-

[1]) «Histoire générale et système comparé des langues sémitiques», 5 изд., стр. 4. То обстоятельство, что евреи не чистые семиты, а на половину сирійцы, не можетъ существеннымъ образомъ измѣнить это сужденіе.

[2]) «De la part des peuples sémitiques dans l'histoire de la civilisation», стр. 39.

стокровныхъ евреевъ остается нетронутымъ. Въ началѣ XIX столѣтія Наполеонъ обратился къ совѣту еврейскихъ старѣйшинъ съ ультиматумомъ и потребовалъ безусловнаго смѣшенія евреевъ съ остальной націей; онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что, не взирая на эмансипацію, евреи продолжали высокомѣрно держаться прежней своей обособленности, и разгнѣванъ той жадностью, съ которой они, въ качествѣ ростовщиковъ, продолжали пожирать его Эльзасъ, хотя имъ уже были открыты всѣ дороги къ другимъ поприщамъ. Депутаты французскаго еврейства приняли всѣ предписанные имъ пункты, за исключеніемъ одного, а именно: они отвергли тотъ изъ нихъ, который имѣлъ въ виду неограниченную свободу евреевъ вступать въ бракъ съ христіанами. Что касается своихъ дочерей, то имъ они разрѣшали вступать въ бракъ съ лицами, не принадлежащими къ еврейской націи, сыновьямъ же—нѣтъ, и диктаторъ Европы былъ принужденъ уступить. Въ этомъ и заключается тотъ удивительный законъ, на которомъ зиждется истинное еврейство. Въ строгомъ смыслѣ говоря, законъ совсѣмъ не допускаетъ брака между евреями и лицами не-еврейскаго происхожденія; во Второз. гл. VII, 3 написано: «Дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего»; но вообще значеніе придается лишь послѣднему требованію; такъ, напримѣръ, въ Исходѣ Моисея гл. XXXIV, 16 запрещается лишь сыновьямъ брать въ жены дочерей изъ чужого племени, а не наоборотъ; у Нееміи же (XIII) послѣ повторенія обоихъ запрещеній указывается, какъ на «грѣхъ передъ Богомъ», лишь на бракъ сына съ иноплеменной женщиной. И это дѣйствительно единственно правильный взглядъ на вопросъ.

Путемъ брака еврейской дѣвушки съ «гойемъ» чистокровность еврейскаго племени нисколько не нарушается, тогда какъ послѣднее черезъ это пускаетъ корни въ чужомъ лагерѣ; бракъ же еврейскаго юноши съ дочерью «гойя», напротивъ, «дѣлаетъ святое сѣмя подлымъ», какъ объ этомъ рѣзко выражается книга Ездры гл. IX, 8 [1]). Если бы даже допустить, что такая дочь «гойя» перешла въ іудейскую вѣру, то и это оказалось бы безполезнымъ: древнѣйшему закону понятіе о такомъ переходѣ въ еврейство было окончательно чуждо (и это основательно) — вѣдь дѣло здѣсь касается чисто физическихъ условій продолженія рода; новѣйшій же законъ говоритъ съ завидной проницательностью: «Прозелиты (т. е. новообращенные) столь же вредны еврейству, какъ нарывы—здоровому тѣлу» [2]). Такимъ образомъ сохранилась и сохраняется донынѣ чистокровность еврейскаго племени: дѣвушки изъ семьи Ротшильдовъ выходили и выходятъ замужъ за бароновъ, графовъ, герцоговъ и князей; онѣ, безъ дальнѣйшихъ околичностей, принимаютъ крещеніе; но ни одинъ мужской членъ этого рода никогда не вступалъ въ бракъ съ дѣвушкой европейской расы; сдѣлай онъ это, и ему пришлось бы покинуть домъ

---

[1]) Въ новомъ дословномъ переводѣ (на франц.) проф. Луи Сегонда это мѣсто переведено такъ: «Святое племя оскверняется смѣшеніемъ съ чужими народами». Въ переводѣ Де Ветта: «Они смѣшали святое сѣмя съ народами земли». Въ русскомъ переводѣ Библіи: «И смѣшалось сѣмя святое съ народами иноплеменными».

[2]) Изъ Талмуда, по Делингеру: «Vorträge» I, 237. Въ другомъ мѣстѣ Талмуда прозелитовъ называютъ «тяжелой ношей». См. «Israilit. Religionslehre», 1861, II, 189, еврейскаго писателя Филиппсона.

своихъ отцовъ и прекратить всякое общеніе со своими народомъ [1]).

Приведеннымъ разсужденіемъ я въ извѣстномъ отношеніи предвосхищаю то, чему, собственно говоря, мѣсто дальше; но для меня было важно съ самаго начала и безъ излишнихъ подробностей предупредить возраженіе, котораго, къ сожалѣнію, все еще можно ожидать съ разныхъ сторонъ, а именно,—что никакого «еврейскаго вопроса» не существуетъ, изъ чего затѣмъ можно было бы вывести уже заключеніе, будто появленіе евреевъ въ нашей исторіи лишено всякаго значенія. Такъ, напримѣръ, именно Ренанъ на старости лѣтъ любилъ утверждать, что еврейскаго народа совсѣмъ нѣтъ. Это столь легкомысленная острота, что она даже не заслуживаетъ опроверженія [2]). Другіе въ свою очередь говорятъ

---

[1]) Какъ чистокровна еврейская раса еще до настоящаго времени, показало великое антропологическое изслѣдованіе всѣхъ школьниковъ Германіи, произведенное Вирховымъ. Ранке «Der Mensch», 2 изд., II, 293, сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: «Чѣмъ чистокровнѣе племя, тѣмъ меньше въ немъ число смѣшанныхъ формъ. Въ этомъ отношеніи дѣйствительно является весьма важнымъ фактомъ то, что между евреями оказалось наименьшее число смѣшанныхъ типовъ, что служитъ яснымъ доказательствомъ ихъ крайней обособленности въ племенномъ отношеніи среди германскихъ народовъ, съ которыми они живутъ».

[2]) См., наприм., его рѣчь: «Le judaisme comme race et comme religion». Въ качествѣ награды за эту рѣчь, сказанную Ренаномъ 27 января 1883 г., «Общество изученія еврейства», основанное «Еврейскимъ союзомъ» («Alliance Israélite»), обратилось къ нему съ просьбой «сказать слово» и въ его стѣнахъ, что онъ и сдѣлалъ 26 мая того же года, введенный туда

о религіи, что, по ихъ мнѣнію, все дѣло заключается лишь въ различіи религіозныхъ воззрѣній. Говорящіе это упускаютъ изъ виду, что если бъ не было еврейскаго народа, то не существовало бы и еврейской религіи. Но іудейская нація существуетъ. Еврейская номократія (т. е. господство закона) соединяетъ всѣхъ евреевъ, какъ бы они ни были разбросаны по всѣмъ странамъ свѣта, образуя изъ нихъ устойчивое, единое и несомнѣнное политическое цѣлое, въ которомъ общность крови свидѣтельствуетъ о ихъ общемъ прошломъ и служитъ для нихъ залогомъ ихъ общаго будущаго. Если даже нѣкоторые составные элементы не чисто еврейскаго происхожденія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то мощь еврейской крови въ связи съ несравненной силой еврейской идеи такъ велика, что уже давно произошла ассимиляція этихъ чужихъ составныхъ частей; вѣдь съ того времени, когда евреи отказались отъ своей мимолетной склонности къ прозелитизму, прошло уже почти 2000 лѣтъ. Правда, необходимо различать между евреями благороднаго происхожденія и таковыми менѣе благороднаго происхожденія; но то, что̀ крѣпче всего спаиваетъ отдѣльныя части, есть (кромѣ постепеннаго ихъ сплавленія) — необычайная устойчивость еврейской національной идеи.

баронъмъ Альфонсомъ Ротшильдомъ. Рѣчь эта вызываетъ своей низкой лестью, подлостью высказаннаго въ ней лживаго образа мыслей, противорѣчащаго дѣлу всей его жизни, крайнее отвращеніе; она озаглавлена: «Identité originelle et séparation graduelle du judaisme et du christianisme». Такого рода явленія относятся къ числу характерныхъ чертъ 2-й половины XIX столѣтія.

Послѣдняя достигаетъ своего апогея въ непоколебимой надеждѣ на осуществленіе обѣщаннаго евреямъ Іеговой всемірнаго владычества. «Наивные христіане» (говоритъ Ауэрбахъ въ своей монографіи о Спинозѣ) «думаютъ, что евреи отказались отъ этой надежды, но они глубоко ошибаются; ибо «существованіе еврейства обусловливается непоколебимой вѣрой въ пришествіе Мессіи», какъ недавно еще писалъ одинъ изъ очень умѣренныхъ и либеральныхъ евреевъ»[1]). Вѣдь вся еврейская религія зиждется на этой надеждѣ. Іудейская вѣра въ Бога, т. е. то, что̀ можно назвать «религіей» этого народа и что̀ дѣйствительно заслуживаетъ это названіе (такъ какъ оно сдѣлалось источникомъ морали, достойной уваженія), составляетъ лишь часть этой національной идеи, а не наоборотъ. Поэтому утвержденіе, что существуетъ еврейская религія, но нѣтъ еврейскаго народа, равносильно нелѣпости[2]).

Итакъ, появленіе евреевъ въ исторіи западно-европейскихъ народовъ, безъ сомнѣнія, связано съ введеніемъ въ нее опредѣленнаго, рѣзко отличающагося отъ всѣхъ европейскихъ племенъ элемента, являющагося въ

---

[1]) Sreinka, Entwickelungsgeschichte der judischen Dogmen», стр. 75.

[2]) Въ рѣчи, сказанной проф. Кіевскаго университета докторомъ Мандельштамомъ въ засѣданіи еврейскаго конгресса 1898 г. 29 августа, говорится: «Евреи самымъ рѣшительнымъ образомъ отказываются отъ ассимиляціи съ другими націями и остаются вѣрны своей исторической надеждѣ» (т. е. надеждѣ на всемірное владычество). Отчетъ одного изъ участниковъ конгресса въ парижской газетѣ «Temps» отъ 2 сент. 1898 г.

извѣстныхъ отношеніяхъ ихъ крайней противоположностью; элементъ этотъ оставался существенно неизмѣннымъ, тогда какъ европейскія націи переживали самые разнообразные фазисы своего развитія, и въ теченіе всей своей суровой и часто жестокой исторіи ни разу не обнаружили слабости согласиться на предложенія породниться съ другими народностями; напротивъ, онъ считалъ и продолжаетъ считать и въ настоящее время соприкосновеніе съ другими людьми для себя осквернеміемъ, опираясь при этомъ на усвоенную имъ національную идею, на свое національное прошлое и на свое національное будущее; это элементъ, который, въ силу непогрѣшимости своего инстинкта, проистекающей изъ строгаго единства національнаго чувства, всегда глубоко вліялъ на другихъ, тогда какъ наше духовное и культурное развитіе всегда касалось самихъ евреевъ лишь только крайне поверхностно. Чтобы опредѣлить это въ высшей степени своеобразное положеніе дѣлъ съ европейской точки зрѣнія, мы должны опять-таки привести слова Гердера: «Еврейскій народъ—народъ чуждый нашей части свѣта и навсегда останется таковымъ». Съ еврейской точки зрѣнія эта истина формулируется нѣсколько иначе; она была выражена великимъ либеральнымъ философомъ Филономъ: «Одни лишь евреи люди въ собственномъ значеніи этого слова». То, что еврей здѣсь изрекаетъ тономъ высокомѣрной расовой ненависти, высказывается въ болѣе любезной формѣ великимъ Гёте, когда онъ отрицаетъ общее происхожденіе евреевъ и индоевропейцевъ отъ тѣхъ же предковъ, хотя бы и въ самомъ далекомъ прошломъ. Онъ говоритъ: «Мы не будемъ оспаривать у из-

бранаго народа чести его происхожденія отъ Адама. Но у насъ—другихъ народовъ, несомнѣнно, были и другіе предки» [1]).

II.

Чужой народъ.

Результатомъ всего сказаннаго является, что мы имѣемъ право и что на насъ лежитъ обязанность разсматривать появившагося въ нашей средѣ еврея, какъ особенный и притомъ—чуждый намъ элементъ. Съ внѣшней стороны онъ унаслѣдовалъ то же, что и мы, внутренно онъ является носителемъ совершенно иного духа, чѣмъ мы. Достаточно указать на одну лишь черту, чтобы понять почти съ душевнымъ содроганіемъ всю глубину той зіяющей пропасти, которая отдѣляетъ здѣсь душу европейца отъ души еврея: личность Христа лишена всякаго значенія для іудея! Я здѣсь говорю, конечно, не объ ортодоксальномъ благочестіи. Прочтите, напримѣръ, чудныя слова несомнѣннаго вольнодумца—Дидро, написанныя имъ о распятомъ Христѣ; посмотрите, какъ у него удрученный величайшимъ горемъ человѣкъ обращается къ божественному Страдальцу, какъ онъ признаетъ лишь за одной христіанской религіей міровое значеніе: «*Quelle profonde sagesse il y a dans ce que l'aveugle philosophie appelle la folie de la croix! Dans l'état où j'étais, de quoi m'aurait servi l'image*

---

[1]) «Разговоры Гёте съ Эккерманомъ», 7 октября 1828 г. То же утверждалъ Джіордано Бруно, когда онъ училъ, что только одни евреи происходятъ отъ Адама и Евы, остальное же человѣчество—потомки значительно болѣе древней расы. См. «Lo Spaccio della bestia trionfante».

d'un législateur heureux et comblé de gloire! je voyais l'innocent, le flanc percé, le front couronné d'épines, les mains et les pieds percés de clous, et expirant dans les souffrances; et je me disais: Voilà mon Dieu, et j'oses me plaindre. («Какая глубокая мудрость кроется въ томъ, что ослѣпленная философія называетъ безумiемъ креста! Что дало бы мнѣ при тогдашнемъ моемъ состоянiи изображеніе счастливаго законодателя, покрывшаго себя славой? Я видѣлъ предъ собою ни въ чемъ неповиннаго съ прободеннымъ ребромъ, съ терновымъ вѣнцомъ на челѣ, съ руками и ногами, пронзенными гвоздями, и умирающаго въ мученiяхъ; и я говорилъ себѣ: вотъ мой Богъ, а я смѣю роптать!»). Я просмотрѣлъ цѣлую библiотеку еврейскихъ сочиненiй въ надеждѣ найти подобныя слова—конечно, не выраженiе вѣры въ божественное происхожденiе Христа или идей объ искупленiи, а чисто человѣческаго чувства, вызваннаго сознанiемъ значенiя страдающаго Спасителя, но—напрасно. Еврей, способный прочувствовать это, уже не еврей, а отрицатель iудейства. Тогда какъ даже въ Магометовомъ Коранѣ есть нѣчто въ родѣ предчувствiя значенiя Христа, къ личности Котораго онъ относится съ глубокимъ благоговѣнiемъ, цивилизованный вождь еврейства XIX-го столѣтiя называетъ Христа «Новымъ отродьемъ съ маской смерти», нанесшимъ еврейскому народу новыя и тяжкiя раны»,—онъ неспособенъ видѣть въ Немъ ничего иного [1]). Онъ увѣряетъ насъ при видѣ креста, что «евреи совсѣмъ не нуждаются

[1]) Graetz: «Volkstümliche Geschichte der Juden», I, 591.

въ такомъ судорожномъ потрясеніи для своего нравственнаго исправленія», и присовокупляетъ: «въ особенности—не жители среднихъ городскихъ классовъ!» Дальше этого не понимаютъ.

Въ сочиненіи одного испанскаго еврея (Моисея де Леона), переизданномъ въ 1880 г. (!), Іисуса Христа поносятъ такими презрительными словами, какими развѣ только еврейская чернь ругалась, видя Его распятымъ на крестѣ. Замѣчательно, что за послѣднія десятилѣтія XIX-го вѣка усилившіеся и обнаглѣвшіе евреи позаботились о неоднократномъ изданіи (конечно, на еврейскомъ языкѣ) такъ называемыхъ «нецензурныхъ» мѣстъ Талмуда, т. е. тѣхъ мѣстъ, которыя прежде выпускались; въ нихъ Христа называютъ «безумцемъ», «колдуномъ», «безбожникомъ», «идолопоклонникомъ» и т. д., и т. д. Какъ Его, такъ и Его высокую Матерь предаютъ и совѣтуютъ предавать насмѣшкѣ и ненависти[1]).

[1]) См. Laible, «Jesus Christim Talmud», стр. 2 и слѣд. («Schriften des Institutum Judaicum in Berlin», № 10; въ приложеніи даны еврейскіе подлинные тексты). Этотъ вполнѣ безпристрастный іудофильскій ученый свидѣтельствуетъ: «Ненависть и насмѣшки евреевъ были всегда направлены прежде всего противъ личности самого Христа» (стр. 25). «Ненависть евреевъ къ Христу—доказанный фактъ, но они стараются, по возможности, не выставлять ее на показъ» (стр. 3). Тотъ же ученый указываетъ на ненависть евреевъ къ Христу, какъ на «самую національную черту еврейства» (стр. 86); онъ говоритъ: «При столкновеніяхъ съ христіанствомъ евреевъ всегда неминуемо охватываютъ доходящіе до безумія ненависть и гнѣвъ» (стр. 72). И въ настоящее время еще ни одинъ правовѣрный еврей не смѣетъ ни произнести, ни написать имени Христа (стр. 3 и 32); самыя употребительныя ругательства по отношенію къ Нему «Der Bastard», или «Der Hurenson» или «Gehenkte», часто: «Billeam».

Мы, безъ сомнѣнія, не отнесемся несправедливо къ евреямъ, если скажемъ, что личность Христа имъ совершенно непонятна и служитъ для нихъ соблазномъ. Несмотря на то, что она, повидимому, вышла изъ ихъ среды, хотя не изъ ихъ племени, она, тѣмъ не менѣе, является воплощеніемъ отрицанія всего ихъ духовнаго «я»; у евреевъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе тонкое чутье, чѣмъ у насъ. Подчеркивая, какъ глубока пропасть, отдѣляющая насъ, европейцевъ, отъ еврея, я далекъ отъ желанія перенести центръ тяжести занимающаго насъ вопроса на опасную почву религіозныхъ предубѣжденій; но мнѣ кажется, что при созерцаніи этихъ двухъ діаметрально противоположныхъ другъ другу душевныхъ складовъ, мы убѣждаемся въ дѣйствительномъ существованіи этой пропасти; полезно заглянуть въ нее хоть разъ, чтобы не упустить ее изъ виду тамъ, гдѣ происходитъ кажущееся сближеніе.

Но изъ замѣченнаго нами различія вытекаетъ еще другое слѣдствіе. Еврей насъ не понимаетъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; можемъ ли мы надѣяться понять его и отнестись къ нему справедливо? Можетъ быть—да, если правда, что мы дѣйствительно выше его въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, какъ это утверждаетъ Ренанъ въ вышеприведенныхъ словахъ и другіе, быть можетъ, болѣе положительные ученые[1]. Но въ такомъ случаѣ мы обязаны судить о немъ дѣйстви-

---

[1] См. въ особенности знаменитое мѣсто къ сочиненію Lassen'a «Indische Altertumskunde», гдѣ великій оріенталистъ обосновываетъ свое убѣжденіе, что индоевропейская раса «выше и богаче одарена», чѣмъ другія, что въ ней одной выработалось гармоничное равновѣсіе всѣхъ душевныхъ силъ» (I, 414, изданіе 1847 г.).

тельно съ высоты нашего превосходства, а не изъ глубины ненависти и суевѣрія и еще менѣе опираясь на болотистую почву недоразумѣній, въ которой утопаютъ наши законоучители вотъ уже цѣлыхъ 2000 лѣтъ. Очевидно, несправедливо приписывать еврейскому народу идеи, которыхъ у него никогда не было, прославлять его, какъ носителя удивительнѣйшихъ религіозныхъ наитій, свойственныхъ ему меньше, чѣмъ кому-либо изъ остальныхъ смертныхъ, и проявлявшихся, быть можетъ, въ лучшемъ случаѣ лишь въ зародышѣ въ сердцахъ единичныхъ личностей, какъ протестъ противъ особеннаго душевнаго склада собственнаго народа, а затѣмъ,—проклинать его за то, что онъ въ настоящее время иной, совсѣмъ не тотъ, какъ ему слѣдовало бы быть согласно съ этими измышленіями. Это не только несправедливо, но и опасно въ томъ отношеніи, что общественному чувству дается совсѣмъ нежелательное ложное направленіе: въ силу свойственнаго намъ отношенія къ нашей религіозной жизни, приписываемаго нами и еврею, образъ его является какъ бы окруженнымъ ореоломъ, и мы глубоко возмущаемся, когда изъ этого «auréole postiche» на насъ смотритъ не ликъ святого. Мы предъявляемъ къ еврею болѣе высокія требованія, чѣмъ къ самимъ себѣ—лишь потомкамъ язычниковъ. Еврейскія свидѣтельства въ этомъ отношеніи несравненно правдивѣе; они обѣщаютъ такъ мало, что мы искренно рады потомъ, когда намъ удается открыть хоть какую-нибудь благородную черту или найти объясненіе свойственныхъ евреямъ недостатковъ. Іегова, напримѣръ, говоритъ неоднократно: «Я вижу народъ сей, и вотъ, народъ онъ—жестоковыйный» (Исходъ XXXII, 9), а пророкъ Іеремія даетъ намъ характеристику нравственныхъ качествъ евреевъ, которая

яркостью своихъ красокъ могла бы удовлетворить даже требованіямъ Эд. Дрюмона: «Каждый обманываетъ своего друга, и правды не говорятъ; пріучили языкъ свой говорить ложь, лукавствуютъ до усталости» (Іеремія IX, 5). Неудивительно послѣ этого, что Іеремія называетъ евреевъ «скопищемъ вѣроломныхъ» и вздыхаетъ лишь объ одномъ: «О, кто далъ бы мнѣ въ пустынѣ пристанище путниковъ! Оставилъ бы я народъ мой и ушелъ бы отъ нихъ». Итакъ, въ невѣроятномъ невѣжествѣ, царящемъ среди насъ относительно личныхъ свойствъ евреевъ, виноваты мы сами: ни одинъ народъ никогда не давалъ самъ о себѣ такой обстоятельной и искренней характеристики, какъ еврейскій — въ Библіи; набросанная въ ней картина дополняется (насколько я могу судить объ этомъ по отрывкамъ) еще Талмудомъ, хотя, сравнительно, и блѣдными штрихами. — Не отрицая, слѣдовательно, что намъ, «потомкамъ другихъ предковъ», крайне трудно правильно судить о «чуждомъ, азіатскомъ» народѣ, мы все-таки должны признать, что евреи искони съ своей стороны дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы раскрыть непредубѣжденному складъ своей души; обстоятельство это даетъ намъ право надѣяться, что намъ удастся основательно изучить ихъ духовное «я». Собственно говоря, всего происходящаго на нашихъ глазахъ должно бы быть достаточно для этого; развѣ возможно читать ежедневно газеты и не познакомиться съ еврейскимъ образомъ мыслей, съ еврейскимъ внутромъ, съ еврейской нравственностью и съ еврейскими дѣлами? Просмотръ нумеровъ «Archives Israélites» за нѣсколько лѣтъ въ этомъ отношеніи гораздо поучительнѣе, чѣмъ изу-

ченіе цѣлой библіотеки антисемитическихъ сочиненій; при этомъ намъ выясняются не только невыгодныя, но и превосходныя стороны еврейскаго характера. Но я намѣренъ оставить настоящее въ сторонѣ. Чтобы судить правильно и всесторонне на основаніи фактовъ о значеніи въ нашемъ столѣтіи еврея, какъ о нашемъ сотрудникѣ и сотоварищѣ по наслѣдству, мы прежде всего должны выяснить себѣ вопросъ—кто онъ? Зная природныя свойства человѣка, мы можемъ сдѣлать строго логическій выводъ о томъ, какъ онъ будетъ дѣйствовать при извѣстныхъ условіяхъ. Философъ говоритъ: «Operai sequitur esse». Древняя нѣмецкая поговорка выражаетъ ту же мысль добродушнѣе; она гласитъ: «Изъ человѣка можно добыть лишь то, что ему свойственно».

III.

Историческій обзоръ съ птичьяго полета.

Чисто историческій путь въ данномъ случаѣ не является ни кратчайшимъ къ цѣли, ни вѣрнѣйшимъ. Кромѣ того задача моя состоитъ не въ томъ, чтобы написать исторію еврейскаго народа. Я вообще ненавижу списывать съ другихъ. Всѣмъ вѣдь извѣстно, когда и при какихъ условіяхъ евреи появились въ исторіи западно-европейскихъ народовъ: сперва—какъ добровольные переселенцы, затѣмъ—какъ изгнанники, разсѣявшіеся повсюду. Также извѣстна ихъ непостоянная судьба, столь разнообразная въ разныхъ странахъ и въ разные періоды времени, хотя надо признать, что извѣстно много абсолютно ложнаго и неизвѣстно многое, чего не мѣшало бы знать. Но мнѣ, конечно, никому не приходится со-

общать, что евреи всюду играли, въ продолженіе всѣхъ вѣковъ христіанской эры, важную, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и строго ограниченную роль. Они сумѣли пріобрѣсти власть и вліяніе въ качествѣ торговцевъ рабами и посредниковъ при денежныхъ операціяхъ уже въ отдаленнѣйшія времена вестъ-готскаго владычества.

Если они были и не всюду, какъ у испанскихъ мавровъ, могущественными государственными дѣятелями, занимавшими, по примѣру Мардохея, всѣ доходныя должности «толпой своихъ братьевъ», или, какъ въ католической Испаніи,—епископами и архіепископами[1]), то все-таки вліяніе ихъ было всюду и во всѣ времена очень сильно. Уже Бабенбергскіе князья тринадцатаго вѣка подали своимъ преемникамъ примѣръ, поручивъ управленіе государственными финансами евреямъ и наградивъ этихъ управителей титулами. Великій папа Иннокентій III поручалъ евреямъ важныя придворныя должности; французскіе рыцари были принуждены заложить свои имѣнія и имущества евреямъ, чтобы заручиться возможностью участвовать въ Крестовыхъ походахъ; Рудольфъ Габсбургскій покровительствовалъ евреямъ во всѣхъ отношеніяхъ; онъ утвердилъ ихъ слугами своей императорской палаты и чрезвычайно затруднилъ всякую возможность провести какую бы то ни было жалобу противъ евреевъ, изъявъ всѣ касавшіяся ихъ дѣла изъ вѣдѣнія

---

[1]) David Mocatta: «Die Juden in Spanien und Portugal» (нѣм. перев. 1878 г.). Этотъ еврейскій писатель подробно разсказываетъ, какъ въ Испаніи тайно проживало множество еврейскихъ родовъ среди всѣхъ классовъ общества, занимая всевозможныя должности какъ въ государствѣ, такъ въ обществѣ—въ Церкви!

обыкновенныхъ судовъ. Коротко говоря, то, что̀ я понимаю подъ появленіемъ евреевъ въ нашей европейской исторіи, безпрерывно давало себя знать всюду и во всѣ времена. Если бы кто-нибудь былъ способенъ изучать исторію единственно съ цѣлью разобраться въ вопросѣ, каково было вліяніе евреевъ на жизнь другихъ народовъ, то онъ, думается мнѣ, пришелъ бы къ самымъ неожиданнымъ результатамъ. Мы можемъ констатировать это вліяніе несомнѣнно и ясно, не прибѣгая къ детальнымъ изслѣдованіямъ, лишь тамъ, гдѣ число еврейскихъ жителей было довольно значительно. Такъ, напримѣръ, во второмъ столѣтіи евреи составляютъ большинство населенія острова Кипра; рѣшивъ основать тамъ самостоятельное еврейское государство, они для этой цѣли прибѣгаютъ къ средству, уже извѣстному намъ изъ Ветхаго Завѣта: они въ одинъ день убиваютъ все остальное населеніе острова, счетомъ—240,000 душъ, а чтобы новая морская держава не осталась безъ надежной опоры на сушѣ, они одновременно съ этимъ истребляютъ 200,000 не-еврейскихъ жителей города Кирены[1]). Въ Испаніи они ту же цѣль преслѣдуютъ съ большой осторожностью и съ изумительной настойчивостью. Они призываютъ изъ Африки родственныхъ себѣ въ племенномъ отношеніи арабовъ какъ разъ въ царствованіе того самаго вестъ-готскаго короля, который осыпалъ ихъ благодѣяніями: безъ всякой ненависти, лишь потому, что они видятъ въ этомъ свою выгоду, предаютъ они своего великодушнаго защитника. При калифахъ они, затѣмъ, пріобрѣтаютъ мало-по-малу все большее и большее участіе въ государствен-

[1]) Mommsen: «Römische Geschichte», V, 543.

номъ управленіи: «они вполнѣ сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ какъ духовныя, такъ и матеріальныя силы страны», пишетъ несомнѣнно іудофильскій историкъ Геманъ. Правда, цвѣтущее мавританское государство при этомъ погибло какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, но евреи отнеслись къ этому равнодушно, такъ какъ уже успѣли пустить такіе же корни въ томъ христіанскомъ испанскомъ государствѣ, которое было призвано замѣнить собою мавританское. «Движимое богатство страны всецѣло находилось въ ихъ рукахъ; земельная собственность начала также переходить въ ихъ же руки путемъ лихоимства и купли дворянскихъ имѣній, обремененныхъ долгами. Начиная съ государственнаго секретаря и министра финансовъ, всѣ чиновники, имѣвшіе отношеніе къ сбору податей или денежнымъ операціямъ, были евреи. Почти вся Арагонія была въ закладѣ у еврейскихъ ростовщиковъ. Въ городахъ они составляли большинство состоятельнаго населенія. Но и здѣсь, какъ всегда и всюду, у нихъ не хватило смышленности до конца: они воспользовались своей властью, чтобы заручиться всевозможными привилегіями: такъ, напримѣръ, свидѣтельство одного еврея считалось достаточнымъ доказательствомъ, чтобы признать дѣйствительными долговыя обязательства христіанъ (то же, впрочемъ, было и въ великомъ герцогствѣ Австріи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ), тогда какъ свидѣтельское показаніе одного христіанина передъ судомъ противъ еврея было лишено всякаго значенія, и т. п.; они злоупотребляли этими привилегіями такъ безмѣрно, что народъ наконецъ возмутился. То же случилось бы и въ Германіи, если бы Церковь и дальновидные государствен-

ные люди не предупредили этого во-время. Карлъ Великій выписалъ себѣ для управленія своими финансами евреевъ изъ Италіи: они вскорѣ всюду обезпечили себѣ богатство и вліяніе въ качествѣ откупщиковъ податныхъ сборовъ и воспользовались этимъ, чтобы выговорить всему своему народу важныя преимущества: торговыя привилегіи, пониженіе наказаній на нѣсколько степеней за совершенныя ими преступленія и т. д. Дошло наконецъ до того, что все населеніе было принуждено перенести ярмарки на воскресные дни, такъ какъ традиціонная до тѣхъ поръ суббота была неугодна евреямъ, по случаю совпадавшаго съ нею шабаша. Въ то время при дворѣ считалось признакомъ хорошаго тона посѣщать синагоги! Но тутъ вскорѣ началась сильная реакція и притомъ—вовсе не исключительно какъ результатъ поповскаго подстрекательства, какъ большинство историковъ любитъ изображать это,—такія историческія явленія можно назвать скорѣе скорлупой—не зерномъ событія. Нѣтъ, главная причина ея заключалась въ томъ, что германецъ по своей натурѣ въ такой же мѣрѣ промышленникъ и купецъ, въ какой и воинъ. Поэтому, какъ только въ немъ пробудились эти инстинкты, благодаря возникновенію городовъ, такъ онъ понялъ нечистую игру своего партнера и, возмущенный до глубины души, потребовалъ его удаленія. Такимъ же путемъ мы могли бы прослѣдить приливы и отливы еврейскаго вліянія вплоть до нашихъ дней, если бы въ этомъ состояла цѣль данной главы. Всѣ войны девятнадцатаго столѣтія находятся въ крайне своеобразной зависимости отъ еврейскихъ финансовыхъ операцій: это такъ, начиная съ русскаго похода Наполеона и Натана Ротшильда, присутствовав-

шаго въ роли зрителя въ битвѣ при Ватерлоо, и кончая привлеченіемъ родовъ Блейхредера со стороны Германіи и Альфонса Ротшильда—со стороны Франціи къ мирнымъ переговорамъ 1871 года, а также—«коммуной», представляющей, по мнѣнію всѣхъ проницательныхъ людей, съ начала до конца еврейско-наполеоновскую махинацію.

IV.

Consensus ingeniorum[1]).

Объ этомъ политико-соціальномъ вліяніи евреевъ судили весьма различно; но величайшіе политики всѣхъ временъ признавали его пагубнымъ. Напримѣръ, Цицеронъ (если и не великій политикъ, то опытный государственный человѣкъ) проявлялъ неподдѣльный страхъ передъ евреями. Когда судебныя пренія касались ихъ интересовъ, онъ говорилъ такъ тихо, что лишь одни судьи могли разслышать его рѣчь: онъ знаетъ, говорилъ онъ, какъ солидарны всѣ евреи между собою и какъ они умѣютъ губить тѣхъ, кто становится имъ поперекъ дороги; изъ устъ его гремѣли безпощадныя обвиненія противъ грековъ и римлянъ, противъ могущественнѣйшихъ людей того времени, но по отношенію къ евреямъ онъ совѣтовалъ соблюдать осторожность; они въ его глазахъ—таинственная недобрая сила; онъ лишь крайне торопливо и вскользь касается Іерусалима, этой столицы, въ которой царятъ «подозрительность и клевета»: такъ судилъ Ци-

---

[1]) Это латинское выраженіе означаетъ: общее мнѣніе самыхъ выдающихся умовъ.

церонъ во времена консульства Юлія Цезаря![1]) Императоръ Тиверій, считаемый нѣкоторыми историками лучшимъ изъ всѣхъ монарховъ Римской имперіи, признавалъ иммиграцію евреевъ опасной въ національномъ отношеніи (это, слѣдовательно, было еще до разрушенія Іерусалима). Фридрихъ II Гогенштауфенъ, несомнѣнно одинъ изъ геніальнѣйшихъ вѣнценосцевъ и воиновъ всѣхъ временъ, вольнодумецъ сравнительно со всѣми нашими монархами XIX столѣтія, восторженный поклонникъ Востока и великодушный покровитель еврейскихъ ученыхъ, считалъ тѣмъ не менѣе разумнымъ (вопреки обычаямъ своихъ современниковъ) исключить евреевъ изъ всѣхъ общественныхъ должностей и въ видѣ предостереженія указывалъ на то, что всюду, гдѣ еврей допущенъ къ власти, онъ ею злоупотребляетъ; совершенно то же самое проповѣдывалъ другой Фридрихъ II—Гогенцоллернъ, который былъ готовъ даровать всѣ свободы, за исключеніемъ одной—эмансипаціи евреевъ; въ томъ же смыслѣ высказался князь Бисмаркъ на ландтагѣ (1847 г.), когда онъ еще дерзалъ говорить искренно, а знаменитый историкъ Моммзенъ отзывается о еврействѣ, какъ о государствѣ въ государствѣ. Что же касается въ частности ихъ соціальнаго вліянія, то я ограничусь указаніемъ на двухъ мудрыхъ, справедливыхъ людей, сужденія которыхъ не могутъ показаться подозрительными даже евреямъ—на Гердера и Гёте. Первый утверждаетъ: «Министерство, въ которомъ еврей—это хозяйство, въ которомъ еврей распоряжается ключами гардеробной или всей домовой кассы; департаментъ или комиссаріатъ, въ которыхъ евреи за-

[1]) См. рѣчь Цицерона въ защиту Люція Флакка.

правляютъ главнѣйшими дѣлами,—неосушимыя Понтійскія болота; онъ высказываетъ мысль, что наличность въ любомъ государствѣ извѣстнаго числа евреевъ такъ пагубна для него, что въ этомъ случаѣ «нельзя руководствоваться общими гуманными принципами»; дѣло здѣсь касается государственнаго вопроса: поэтому является обязанностью каждаго государства установлять, «какое число этихъ чужестранцевъ можетъ быть терпимо въ странѣ безъ ущерба для туземнаго населенія?»[1]). Гёте касается этого вопроса еще глубже. Онъ говоритъ: «Какъ можемъ мы допустить причастность еврея къ высшей культурѣ, источникъ и происхожденіе которой онъ отрицаетъ?»[2]). Такимъ образомъ Гердеръ и Гёте судятъ совершенно такъ же, какъ великій императоръ изъ дома Гогенштауфеновъ, какъ великій король изъ династіи Гогенцоллерновъ и какъ всѣ великіе люди до и послѣ нихъ: не коря суевѣрно еврейскій народъ его самобытностью, они считаютъ его дѣйствительно опаснымъ для нашей цивилизаціи и для нашей культуры; они несогласны допустить его до дѣятельнаго въ нихъ участія. Вѣдь нѣтъ же никакой возможности перейти безъ дальнѣйшихъ околичностей къ очереднымъ дѣламъ, оставивъ безъ вниманія такой «consensus ingeniorum». Но всѣмъ этимъ тщательно взвѣшеннымъ и серьезно продуманнымъ сужденіямъ, являющимся плодомъ богатаго опыта и проницательности самыхъ выдающихся умовъ, можно противопоставить лишь

---

[1]) Adrastea: «Bekehrung der Juden».

[2]) Гёте, «Вильгельмъ Мейстеръ» («Wanderjahre» III книга, гл. 11).

пустую фразу самаго склоннаго къ фразерству народа, сказанную имъ въ тотъ періодъ его пересыпанной фразами исторіи, когда раздавались самыя трескучія фразы, а именно— «Les droits de l'homme» (Права человѣка) [1]).

V.

Монархи и дворянство.

Съ другой стороны несомнѣнно,—и это заслуживаетъ серьезнаго вниманія,—что если евреи отвѣтственны въ наводящемъ ужасъ развитіи нѣкоторыхъ историческихъ явленій, въ паденіи не одного доблестнаго, исполненнаго

---

[1]) Я намѣренно ограничилъ число своихъ цитатъ. Но я не могу воздержаться отъ попытки быть защитникомъ великаго Вольтера, хотя бы только въ этомъ примѣчаніи, противъ распространившейся теперь всюду басни, что онъ судилъ о вліяніи евреевъ на нашу культуру такъ благопріятно и такъ плоско-гуманно, какъ того желало бы наше столѣтіе. Даже такой широко-образованный еврей, какъ Джемсъ Дармштетеръ («Еврейскій народъ», 2-е изд., стр. 17) печатаетъ имя Вольтера курсивомъ и указываетъ на Вольтера, какъ на одного изъ духовныхъ родоначальниковъ еврейской эмансипаціи. Между тѣмъ справедливо какъ разъ обратное. Вольтеръ совѣтуетъ не разъ выслать евреевъ въ Палестину. Онъ принадлежитъ къ числу изученныхъ мною самымъ тщательнымъ образомъ авторовъ, такъ какъ я предпочитаю интересныя книги скучнымъ, и мнѣ думается, что я легко могъ бы привести сотню цитатъ изъ его сочиненій самаго аггрессивнаго противъ евреевъ характера. Онъ говоритъ въ «Dictionnaire Philosophique», section I: «Vous ne trouverez dans les Juifs qu'un peuple ignorant et barbare, qui joint depuis longtemps la plus sordide avarice à la plus détestable superstition et à la plus invincible haine pour tous les peuples qui les tolèrent et qui les enrichissent»:—«Вы найдете въ евреяхъ лишь невѣжественный и варварскій народъ, соединявшій въ

яркостью своихъ красокъ могла бы удовлетворить даже требованіямъ Эд. Дрюмона: «Каждый обманываетъ своего друга, и правды не говорятъ; пріучили языкъ свой говорить ложь, лукавствуютъ до усталости» (Іеремія IX, 5). Неудивительно послѣ этого, что Іеремія называетъ евреевъ «скопищемъ вѣроломныхъ» и вздыхаетъ лишь объ одномъ: «О, кто далъ бы мнѣ въ пустынѣ пристанище путниковъ! Оставилъ бы я народъ мой и ушелъ бы отъ нихъ». Итакъ, въ невѣроятномъ невѣжествѣ, царящемъ среди насъ относительно личныхъ свойствъ евреевъ, виноваты мы сами: ни одинъ народъ никогда не давалъ самъ о себѣ такой обстоятельной и искренней характеристики, какъ еврейскій— въ Библіи; набросанная въ ней картина дополняется (насколько я могу судить объ этомъ по отрывкамъ) еще Талмудомъ, хотя, сравнительно, и блѣдными штрихами. — Не отрицая, слѣдовательно, что намъ, «потомкамъ другихъ предковъ», крайне трудно правильно судить о «чуждомъ, азіатскомъ» народѣ, мы все-таки должны признать, что евреи искони съ своей стороны дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы раскрыть непредубѣжденному складъ своей души; обстоятельство это даетъ намъ право надѣяться, что намъ удастся основательно изучить ихъ духовное «я». Собственно говоря, всего происходящаго на нашихъ глазахъ должно бы быть достаточно для этого: развѣ возможно читать ежедневно газеты и не познакомиться съ еврейскимъ образомъ мыслей, съ еврейскимъ вкусомъ, съ еврейской нравственностью и съ еврейскими цѣлями? Просмотръ нумеровъ: «Archives israélites» за нѣсколько лѣтъ въ этомъ отношеніи гораздо поучительнѣе, чѣмъ изу-

ченіе цѣлой библіотеки антисемитическихъ сочиненій; при этомъ намъ выясняются не только невыгодныя, но и превосходныя стороны еврейскаго характера. Но я намѣренъ оставить настоящее въ сторонѣ. Чтобы судить правильно и всесторонне на основаніи фактовъ о значеніи въ нашемъ столѣтіи еврея, какъ о нашемъ сотрудникѣ и сотоварищѣ по наслѣдству, мы прежде всего должны выяснить себѣ вопросъ—кто онъ? Зная природныя свойства человѣка, мы можемъ сдѣлать строго логическій выводъ о томъ, какъ онъ будетъ дѣйствовать при извѣстныхъ условіяхъ. Философъ говоритъ: «Operai sequitur esse». Древняя нѣмецкая поговорка выражаетъ ту же мысль добродушнѣе; она гласитъ: «Изъ человѣка можно добыть лишь то, что ему свойственно».

III.

Историческій обзоръ съ птичьяго полета.

Чисто историческій путь въ данномъ случаѣ не является ни кратчайшимъ къ цѣли, ни вѣрнѣйшимъ. Кромѣ того задача моя состоитъ не въ томъ, чтобы написать исторію еврейскаго народа. Я вообще ненавижу списывать съ другихъ. Всѣмъ вѣдь извѣстно, когда и при какихъ условіяхъ евреи появились въ исторіи западно-европейскихъ народовъ: сперва—какъ добровольные переселенцы, затѣмъ—какъ изгнанники, разсѣявшіеся повсюду. Также извѣстна ихъ непостоянная судьба, столь разнообразная въ разныхъ странахъ и въ разные періоды времени, хотя надо признать, что извѣстно много абсолютно ложнаго и неизвѣстно многое, чего не мѣшало бы знать. Но мнѣ, конечно, никому не приходится со-

общать, что евреи всюду играли, въ продолженіе всѣхъ вѣковъ христіанской эры, важную, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и строго ограниченную роль. Они сумѣли пріобрѣсти власть и вліяніе въ качествѣ торговцевъ рабами и посредниковъ при денежныхъ операціяхъ уже въ отдаленнѣйшія времена вестъ-готскаго владычества.

Если они были и не всюду, какъ у испанскихъ мавровъ, могущественными государственными дѣятелями, занимавшими, по примѣру Мардохея, всѣ доходныя должности «толпой своихъ братьевъ», или, какъ въ католической Испаніи,—епископами и архіепископами[1]), то всетаки вліяніе ихъ было всюду и во всѣ времена очень сильно. Уже Бабенбергскіе князья тринадцатаго вѣка подали своимъ преемникамъ примѣръ, поручивъ управленіе государственными финансами евреямъ и наградивъ этихъ управителей титулами. Великій папа Иннокентій III поручалъ евреямъ важныя придворныя должности; французскіе рыцари были принуждены заложить свои имѣнія и имущества евреямъ, чтобы заручиться возможностью участвовать въ Крестовыхъ походахъ; Рудольфъ Габсбургскій покровительствовалъ евреямъ во всѣхъ отношеніяхъ; онъ утвердилъ ихъ слугами своей императорской палаты и чрезвычайно затруднилъ всякую возможность провести какую бы то ни было жалобу противъ евреевъ, изъявъ всѣ касавшіяся ихъ дѣла изъ вѣдѣнія

---

[1]) David Mocatta: «Die Juden in Spanien und Portugal» (нѣм. перев. 1878 г.). Этотъ еврейскій писатель подробно разсказываетъ, какъ въ Испаніи тайно проживало множество еврейскихъ родовъ среди всѣхъ классовъ общества, занимая всевозможныя должности какъ въ государствѣ, такъ въ особенности—въ Церкви!

обыкновенныхъ судовъ. Коротко говоря, то, что̀ я понимаю подъ появленіемъ евреевъ въ нашей европейской исторіи, безпрерывно давало себя знать всюду и во всѣ времена. Если бы кто-нибудь былъ способенъ изучать исторію единственно съ цѣлью разобраться въ вопросѣ, каково было вліяніе евреевъ на жизнь другихъ народовъ, то онъ, думается мнѣ, пришелъ бы къ самымъ неожиданнымъ результатамъ. Мы можемъ констатировать это вліяніе несомнѣнно и ясно, не прибѣгая къ детальнымъ изслѣдованіямъ, лишь тамъ, гдѣ число еврейскихъ жителей было довольно значительно. Такъ, напримѣръ, во второмъ столѣтіи евреи составляютъ большинство населенія острова Кипра; рѣшивъ основать тамъ самостоятельное еврейское государство, они для этой цѣли прибѣгаютъ къ средству, уже извѣстному намъ изъ Ветхаго Завѣта: они въ одинъ день убиваютъ все остальное населеніе острова, счетомъ—240,000 душъ, а чтобы новая морская держава не осталась безъ надежной опоры на сушѣ, они одновременно съ этимъ истребляютъ 200,000 не-еврейскихъ жителей города Кирены[1]). Въ Испаніи они ту же цѣль преслѣдуютъ съ большой осторожностью и съ изумительной настойчивостью. Они призываютъ изъ Африки родственныхъ себѣ въ племенномъ отношеніи арабовъ какъ разъ въ царствованіе того самаго вестъ-готскаго короля, который осыпалъ ихъ благодѣяніями: безъ всякой ненависти, лишь потому, что они видятъ въ этомъ свою выгоду, предаютъ они своего великодушнаго защитника. При калифахъ они, затѣмъ, пріобрѣтаютъ мало-по-малу все большее и большее участіе въ государствен-

[1]) Mommsen: «Römische Geschichte», V, 543.

номъ управленіи: «они вполнѣ сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ какъ духовныя, такъ и матеріальныя силы страны», пишетъ несомнѣнно іудофильскій историкъ Геманъ. Правда, цвѣтущее мавританское государство при этомъ погибло какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, но евреи отнеслись къ этому равнодушно, такъ какъ уже успѣли пустить такіе же корни въ томъ христіанскомъ испанскомъ государствѣ, которое было призвано замѣнить собою мавританское. «Движимое богатство страны всецѣло находилось въ ихъ рукахъ; земельная собственность начала также переходить въ ихъ же руки путемъ лихоимства и купли дворянскихъ имѣній, обремененныхъ долгами. Начиная съ государственнаго секретаря и министра финансовъ, всѣ чиновники, имѣвшіе отношеніе къ сбору податей или денежнымъ операціямъ, были евреи. Почти вся Арагонія была въ закладѣ у еврейскихъ ростовщиковъ. Въ городахъ они составляли большинство состоятельнаго населенія. Но и здѣсь, какъ всегда и всюду, у нихъ не хватило смышленности до конца: они воспользовались своей властью, чтобы заручиться всевозможными привилегіями: такъ, напримѣръ, свидѣтельство одного еврея считалось достаточнымъ доказательствомъ, чтобы признать дѣйствительными долговыя обязательства христіанъ (то же, впрочемъ, было и въ великомъ герцогствѣ Австріи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ), тогда какъ свидѣтельское показаніе одного христіанина передъ судомъ противъ еврея было лишено всякаго значенія, и т. п.; они злоупотребляли этими привилегіями такъ безмѣрно, что народъ наконецъ возмутился. То же случилось бы и въ Германіи, если бы Церковь и дальновидные государствен-

ные люди не предупредили этого во-время. Карлъ Великій выписалъ себѣ для управленія своими финансами евреевъ изъ Италіи: они вскорѣ всюду обезпечили себѣ богатство и вліяніе въ качествѣ откупщиковъ податныхъ сборовъ и воспользовались этимъ, чтобы выговорить всему своему народу важныя преимущества: торговыя привилегіи, пониженіе наказаній на нѣсколько степеней за совершенныя ими преступленія и т. д. Дошло наконецъ до того, что все населеніе было принуждено перенести ярмарки на воскресные дни, такъ какъ традиціонная до тѣхъ поръ суббота была неугодна евреямъ, по случаю совпадавшаго съ нею шабаша. Въ то время при дворѣ считалось признакомъ хорошаго тона посѣщать синагоги! Но тутъ вскорѣ началась сильная реакція и притомъ—вовсе не исключительно какъ результатъ поповскаго подстрекательства, какъ большинство историковъ любитъ изображать это,—такія историческія явленія можно назвать скорѣе скорлупой—не зерномъ событія. Нѣтъ, главная причина ея заключалась въ томъ, что германецъ по своей натурѣ въ такой же мѣрѣ промышленникъ и купецъ, въ какой и воинъ. Поэтому, какъ только въ немъ пробудились эти инстинкты, благодаря возникновенію городовъ, такъ онъ понялъ нечистую игру своего партнера и, возмущенный до глубины души, потребовалъ его удаленія. Такимъ же путемъ мы могли бы прослѣдить приливы и отливы еврейскаго вліянія вплоть до нашихъ дней, если бы въ этомъ состояла цѣль данной главы. Всѣ войны девятнадцатаго столѣтія находятся въ крайне своеобразной зависимости отъ еврейскихъ финансовыхъ операцій: это такъ, начиная съ русскаго похода Наполеона и Натана Ротшильда, присутствовав-

шаго въ роли зрителя въ битвѣ при Ватерлоо, и кончая привлеченіемъ родовъ Блейхредера со стороны Германіи и Альфонса Ротшильда—со стороны Франціи къ мирнымъ переговорамъ 1871 года, а также—«коммуной», представляющей, по мнѣнію всѣхъ проницательныхъ людей, съ начала до конца еврейско-наполеоновскую махинацію.

IV.

Consensus ingeniorum[1]).

Объ этомъ политико-соціальномъ вліяніи евреевъ судили весьма различно; но величайшіе политики всѣхъ временъ признавали его пагубнымъ. Напримѣръ, Цицеронъ (если и не великій политикъ, то опытный государственный человѣкъ) проявлялъ неподдѣльный страхъ передъ евреями. Когда судебныя пренія касались ихъ интересовъ, онъ говорилъ такъ тихо, что лишь одни судьи могли разслышать его рѣчь: онъ знаетъ, говорилъ онъ, какъ солидарны всѣ евреи между собою и какъ они умѣютъ губить тѣхъ, кто становится имъ поперекъ дороги; изъ устъ его гремѣли безпощадныя обвиненія противъ грековъ и римлянъ, противъ могущественнѣйшихъ людей того времени, но по отношенію къ евреямъ онъ совѣтовалъ соблюдать осторожность; они въ его глазахъ—таинственная недобрая сила; онъ лишь крайне торопливо и вскользь касается Іерусалима, этой столицы, въ которой царятъ «подозрительность и клевета»: такъ судилъ Ци-

---

[1]) Это латинское выраженіе означаетъ: общее мнѣніе самыхъ выдающихся умовъ.

церонъ во времена консульства Юлія Цезаря![1]) Императоръ Тиверій, считаемый нѣкоторыми историками лучшимъ изъ всѣхъ монарховъ Римской имперіи, признавалъ иммиграцію евреевъ опасной въ національномъ отношеніи (это, слѣдовательно, было еще до разрушенія Іерусалима). Фридрихъ II Гогенштауфенъ, несомнѣнно одинъ изъ геніальнѣйшихъ вѣнценосцевъ и воиновъ всѣхъ временъ, вольнодумецъ сравнительно со всѣми нашими монархами XIX столѣтія, восторженный поклонникъ Востока и великодушный покровитель еврейскихъ ученыхъ, считалъ тѣмъ не менѣе разумнымъ (вопреки обычаямъ своихъ современниковъ) исключить евреевъ изъ всѣхъ общественныхъ должностей и въ видѣ предостереженія указывалъ на то, что всюду, гдѣ еврей допущенъ къ власти, онъ ею злоупотребляетъ; совершенно то же самое проповѣдывалъ другой Фридрихъ II—Гогенцоллернъ, который былъ готовъ даровать всѣ свободы, за исключеніемъ одной—эмансипаціи евреевъ; въ томъ же смыслѣ высказался князь Бисмаркъ на ландтагѣ (1847 г.), когда онъ еще дерзалъ говорить искренно, а знаменитый историкъ Моммзенъ отзывается о еврействѣ, какъ о государствѣ въ государствѣ. Что же касается въ частности ихъ соціальнаго вліянія, то я ограничусь указаніемъ на двухъ мудрыхъ, справедливыхъ людей, сужденія которыхъ не могутъ показаться подозрительными даже евреямъ—на Гердера и Гёте. Первый утверждаетъ: «Министерство, въ которомъ еврей—это хозяйство, въ которомъ еврей распоряжается ключами гардеробной или всей домовой кассы; департаментъ или комиссаріатъ, въ которыхъ евреи за-

[1]) См. рѣчь Цицерона въ защиту Люція Флакка.

правляютъ главнѣйшими дѣлами,—неосушимыя Понтійскія болота»; онъ высказываетъ мысль, что наличность въ любомъ государствѣ извѣстнаго числа евреевъ такъ пагубна для него, что въ этомъ случаѣ «нельзя руководствоваться общими гуманными принципами»; дѣло здѣсь касается государственнаго вопроса: поэтому является обязанностью каждаго государства установлять, «какое число этихъ чужестранцевъ можетъ быть терпимо въ странѣ безъ ущерба для туземнаго населенія?»[1]). Гёте касается этого вопроса еще глубже. Онъ говоритъ: «Какъ можемъ мы допустить причастность еврея къ высшей культурѣ, источникъ и происхожденіе которой онъ отрицаетъ?»[2]). Такимъ образомъ Гердеръ и Гёте судятъ совершенно такъ же, какъ великій императоръ изъ дома Гогенштауфеновъ, какъ великій король изъ династіи Гогенцоллерновъ и какъ всѣ великіе люди до и послѣ нихъ: не коря суевѣрно еврейскій народъ его самобытностью, они считаютъ его дѣйствительно опаснымъ для нашей цивилизаціи и для нашей культуры; они несогласны допустить его до дѣятельнаго въ нихъ участія. Вѣдь нѣтъ же никакой возможности перейти безъ дальнѣйшихъ околичностей къ очереднымъ дѣламъ, оставивъ безъ вниманія такой «consensus ingeniorum». Ибо всѣмъ этимъ тщательно взвѣшеннымъ и серьезно придуманнымъ сужденіямъ, являющимся плодомъ богатаго опыта и проницательности самыхъ выдающихся умовъ, можно противопоставить лишь

---

[1]) Adrastea: «Bekehrung der Juden».

[2]) Гёте, «Вильгельмъ Мейстеръ» («Wanderjahre» III книга, гл. 11).

пустую фразу самаго склоннаго къ фразерству народа, сказанную имъ въ тотъ періодъ его пересыпанной фразами исторіи, когда раздавались самыя трескучія фразы, а именно— «Les droits de l'homme» (Права человѣка) [1]).

V.

Монархи и дворянство.

Съ другой стороны несомнѣнно,—и это заслуживаетъ серьезнаго вниманія,—что если евреи отвѣтственны въ наводящемъ ужасъ развитіи нѣкоторыхъ историческихъ явленій, въ паденіи не одного доблестнаго, исполненнаго

---

[1]) Я намѣренно ограничилъ число своихъ цитатъ. Но я не могу воздержаться отъ попытки быть защитникомъ великаго Вольтера, хотя бы только въ этомъ примѣчаніи, противъ распространившейся теперь всюду басни, что онъ судилъ о вліяніи евреевъ на нашу культуру такъ благопріятно и такъ плоско-гуманно, какъ того желало бы наше столѣтіе. Даже такой широко-образованный еврей, какъ Джемсъ Дармштетеръ («Еврейскій народъ», 2-е изд., стр. 17) печатаетъ имя Вольтера курсивомъ и указываетъ на Вольтера, какъ на одного изъ духовныхъ родоначальниковъ еврейской эмансипаціи. Между тѣмъ справедливо какъ разъ обратное. Вольтеръ совѣтуетъ не разъ выслать евреевъ въ Палестину. Онъ принадлежитъ къ числу изученныхъ мною самымъ тщательнымъ образомъ авторовъ, такъ какъ я предпочитаю интересныя книги скучнымъ, и мнѣ думается, что я легко могъ бы привести сотню цитатъ изъ его сочиненій самаго аггрессивнаго противъ евреевъ характера. Онъ говоритъ въ «Dictionnaire Philosophique», section I: «Vous ne trouverez dans les Juifs qu'un peuple ignorant et barbare, qui joint depuis longtemps la plus sordide avarice à la plus détestable superstition et à la plus invincible haine pour tous les peuples qui les tolèrent et qui les enrichissent»:—«Вы найдете въ евреяхъ лишь невѣжественный и варварскій народъ, соединявшій въ

жизни и силы народа, то отвѣтственность эта лежитъ въ еще большей степени на главахъ тѣхъ европейцевъ, которые всегда поощряли и защищали разлагающую

себѣ искони самую грязную скупость съ самымъ отвратительнымъ суевѣріемъ и непобѣдимѣйшей ненавистью ко всѣмъ народамъ, которые терпятъ и обогащаютъ его». Въ сочиненіи «Dieu et les hommes» («Богъ и люди») онъ называетъ евреевъ: «la plus haissable et la plus honteuse des petites nations» («самой ненавистной и самой постыдной изъ всѣхъ мелкихъ націй»). Больше этого, право, нельзя требовать отъ человѣка, если желаешь выяснить себѣ его взглядъ на предметъ! Но мнѣніе это слѣдовало бы признать имѣющимъ особое значеніе въ виду того, что именно Вольтеръ изложилъ въ большомъ числѣ своихъ обширныхъ сочиненій обстоятельныя изслѣдованія по части еврейской исторіи и еврейскаго характера (обстоятельность эта такова, что прослывшаго «поверхностнымъ диллетантомъ» автора при случаѣ цитируетъ такой современный первостепенный спеціалистъ ученый, какъ Вельгаузенъ). Поэтому заслуживаетъ вниманія, когда онъ пишетъ въ «Essai sur les moeurs», гл. XLII: «La nation juive ose étaler une haine irréconciliable contre toutes les nations, elle se révolte contre tous ses maîtres; toujours superstitieuse, toujours avide du bien d'autrui, toujours barbare,—rampante dans les malheurs et insolente dans la prospérité» («Еврейская нація осмѣливается проявлять непримиримую вражду противъ всѣхъ націй, она возстаетъ противъ всѣхъ своихъ господъ; всегда суевѣрная, всегда жадная къ чужой собственности, всегда варварская, она—пресмыкается въ несчастіи и дерзка въ благоденствіи»). И о духовныхъ качествахъ евреевъ онъ высказывается коротко и убѣдительно: онъ утверждаетъ: «Les Juifs n'ont jamais rien inventé»—«La défense de mon oncle», гл. VII («Евреи никогда ничего не изобрѣли»—«Въ защиту моего дяди», гл. VII), а въ «Essai sur les moeurs» онъ доказываетъ въ нѣсколькихъ главахъ, что евреи всегда учились у другихъ народовъ и никогда ничему не научили другія націи; даже ихъ музыка, восхваляемая почти всѣми, нена-

дѣятельность евреевъ изъ самыхъ низкихъ побужденій. Это были прежде всего монархи и дворянство и притомъ — начиная съ I столѣтія нашего лѣтосчисленія и

вистна Вольтеру; онъ пишетъ: «Retournez en Judée le plus vite que vous pourrez... vous y exécuteriez à plaisir dans votre détestable jargon votre détestable musique» — 6-me lettre du Dictionnaire («Возвращайтесь по возможности скорѣе въ Іудею—тамъ вы можете вволю исполнять на своемъ отвратительномъ жаргонѣ вашу отвратительную музыку»). Эту своеобразную духовную безплодность евреевъ онъ объясняетъ въ другомъ мѣстѣ ихъ непомѣрной жадностью къ золоту: «L'argent fut l'objet de leur conduite dans tous les temps» — «Dieu et les hommes» XXIX («Деньги обусловливали во всѣ времена ихъ образъ дѣйствія»). Вольтеръ безчисленное множество разъ издѣвается надъ евреями; напр. въ «Задигѣ», гл. X, гдѣ еврей возсылаетъ къ Богу торжественную молитву за удавшійся ему обманъ; самой злой изъ всѣхъ существующихъ вообще сатиръ на евреевъ является, безъ сомнѣнія, статья: «Un Chrétien contre six Juifs» («Одинъ христіанинъ противъ шести евреевъ».—И все-таки надо сказать, что всѣ приведенныя изреченія отличаются извѣстной сдержанностью въ виду того, что они предназначались для печати; но въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кавалеру де-Люиню (отъ 15 дек. 1773 г., слѣдовательно, написанномъ не подъ вліяніемъ увлеченій юности, а на склонѣ лѣтъ) Вольтеръ высказалъ свое мнѣніе открыто, безъ утайки. Онъ пишетъ: «Que ces déprépucés d'Israël se disent de la tribu de Naphthali ou d'Issahar, cela est fort peu important; ils n'en sont pas moins les plus grands gueux, qui aient jamais souillé la face du globe» («Причисляютъ ли себя эти обрѣзанные евреи къ колѣну Нафѳалимову или Иссахарову, это имѣетъ весьма мало значенія; они, во всякомъ случаѣ, всѣ величайшіе плуты, когда-либо осквернявшіе собой земную поверхность»). Мы видимъ, что увлекающійся французъ судитъ о евреяхъ, какъ фанатичный епископъ; онъ отличается отъ послѣдняго развѣ только тѣмъ, что повторяетъ отъ времени до времени послѣ своихъ рѣзкихъ вы-

кончая нашимъ временемъ. Загляните въ исторію любого европейскаго народа: лишь только еврейское населеніе начинаетъ достигать значительнаго числа и «заявлять о себѣ», какъ въ народѣ, въ купечествѣ, въ кругу ученыхъ и поэтовъ начинаютъ раздаваться горькія жалобы на нихъ; монархи же и дворянство всегда и вездѣ являются ихъ защитниками: первые—потому, что имъ нужны деньги для веденія войнъ, второе—потому, что оно привыкло къ легкомысленной жизни. Такъ, напримѣръ, Эдмундъ Бёркъ въ своей «Исторіи Англіи» разсказываетъ о Вильгельмѣ Завоевателѣ, что онъ, въ виду того, что его доходы, состоявшіе изъ всевозможныхъ

ходовъ: «Il ne faut pourtant pas les brûler» («Тѣмъ не менѣе ихъ не слѣдуетъ сжигать»). Далѣе разница между нимъ заключается въ томъ, что онъ былъ гуманнымъ, терпимымъ и ученымъ человѣкомъ и, тѣмъ не менѣе, высказалъ такой рѣзкій приговоръ. Но какъ объяснить себѣ этотъ безсмыслый, односторонній, безнадежный образъ мыслей у такого либерала, какимъ былъ Вольтеръ? Вѣдь возгрѣнія его относительно ихъ крайней неуживчивости являются намъ въ очень невыгодномъ свѣтѣ при сопоставленіи ихъ съ вышеприведенными изреченіями нѣмецкихъ мудрецовъ. Наше время могло бы здѣсь научиться многому, если бы желало. Изъ сказаннаго очевидно, что въ основѣ французскаго стремленія къ равенству и свободѣ не лежатъ ни любовь къ справедливости, ни уваженіе къ личности; а изъ этого можно вывести дальнѣйшее заключеніе: знаніе дѣйствительности вытекаетъ не изъ принциповъ, возможность жить вмѣстѣ въ мирѣ и согласіи обусловливается не человѣколюбіемъ: лишь исключительно признаніе того, что составляетъ отличающую насъ самобытность и особенность нашихъ личныхъ интересовъ, можетъ вывести насъ справедливое отношеніе и къ чужимъ особенностямъ и къ чужимъ интересамъ.

обременительныхъ для народа налоговъ, не удовлетворяли его требованіямъ, отъ времени до времени конфисковалъ или скупалъ насильственнымъ образомъ за безцѣнокъ у евреевъ векселя; вслѣдствіе этого самъ король становился безжалостнымъ, суровымъ кредиторомъ своихъ именитѣйшихъ подданныхъ, такъ какъ почти все англо-норманское дворянство XI-го столѣтія находилось въ рукахъ еврейскихъ ростовщиковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ покровительствовалъ евреямъ и даровалъ имъ всевозможныя привилегіи. Привожу одинъ этотъ примѣръ вмѣсто тысячи другихъ [1]). Если такимъ образомъ евреи имѣли сильное и въ историческомъ отношеніи пагубное вліяніе, то это происходило въ значительной степени благодаря соучастію упомянутыхъ двухъ элементовъ, которые преслѣдовали евреевъ и въ то же время пользовались ихъ услугами для своихъ цѣлей самымъ безсовѣстнымъ образомъ. И это продолжалось вплоть до нашего столѣтія: гр. Мирабо еще до революціи находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ евреями [2]).

---

[1]) Знаменитый политико-экономъ д-ръ В. Куннингамъ въ своей книгѣ «The Growth of englisch industry» (3 изд. 1896 г., стр. 301) сравниваетъ дѣятельность евреевъ въ Англіи, начиная съ X-го столѣтія, съ губкой, которая всасываетъ въ себя все благосостояніе страны и задерживаетъ такимъ путемъ всякое экономическое развитіе ея. У него же приведено интересное доказательство тому, что уже въ тѣ отдаленныя времена законодательство пыталось заставить евреевъ приняться за приличныя ремесла и честный трудъ, какъ бы съ цѣлью вызвать сліяніе ихъ съ остальнымъ населеніемъ, но—совершенно безуспѣшно.

[2]) О вліяніи на Мирабо «умныхъ женщинъ изъ среды еврейства» (какъ говоритъ Генцль) и о принадлежности его

Князь Талейранъ является въ учредительномъ собраніи безусловнымъ поборникомъ ихъ эмансипаціи въ борьбѣ противъ представителей буржуазныхъ сословій; Наполеонъ заступался за нихъ, когда всего нѣсколько лѣтъ спустя во всей Франціи начали раздаваться жалобы и къ правительству были обращены просьбы о защитѣ противъ нихъ; онъ дѣлалъ это вопреки собственнымъ словамъ, сказаннымъ имъ въ государственномъ совѣтѣ: «Эти евреи—саранча и гусеницы, они пожираютъ мою Францію!» Но ему были нужны ихъ деньги; князь Дальбергъ продалъ франкфуртскимъ евреямъ, на-зло всѣмъ гражданамъ города, всѣ гражданскія права за ½ милліона гульденовъ (1811); Гарденбергъ и Меттернихъ попали на Вѣнскомъ конгрессѣ въ сѣти банкирскаго дома Ротшильдовъ и являлись, вопреки голосамъ всѣхъ остальныхъ союзныхъ представителей, защитниками выгодъ евреевъ противъ интересовъ Германіи; въ концѣ концовъ они добились своего, и оба наиконсервативнѣйшихъ государства, представителями которыхъ они были, оказались первыми, пожаловавшими потомственное дворянство тѣмъ членамъ «чуждаго азіатскаго народа», которые въ годы всеобщей нужды и народнаго бѣдствія

къ тайнымъ, тоже преимущественно еврейскимъ союзамъ см. у Греца: «Volkst. Geschichte der Juden» III, стр. 600, 610 и слѣд., въ особенности—у Абрама Лемана: «L'entrée des Israélites dans la société française», кн. III, гл. 7; въ качествѣ принявшаго христіанство еврея, этотъ авторъ понимаетъ многое, чего другіе не понимаютъ, и говоритъ то, о чемъ еврейскіе писатели умалчиваютъ. Весьма важнымъ обстоятельствомъ въ жизни Мирабо былъ, быть можетъ, тотъ фактъ, что онъ съ раннихъ лѣтъ сильно задолжалъ евреямъ (Карлейль: «Опыты»—«О Мирабо»).

пріобрѣли нечистыми путями несмѣтныя богатства: честные и заслуженные евреи этого никогда не удостоивались [1]). Итакъ, если евреи являлись для насъ пагубнымъ сосѣдствомъ, то справедливость требуетъ признать, что они дѣйствовали сообразно со своими природными инстинктами и способностями; при этомъ они служатъ удивительнымъ примѣромъ вѣрности самимъ себѣ, своей націи и вѣрѣ своихъ отцовъ; соблазнителями и предателями были не они, а мы сами. Мы самые преступные сообщники евреевъ—какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ: мы оказались предателями относительно того, что почитается святыней наипрезрѣннѣйшимъ обитателемъ «гетто» (еврейскаго квартала), именно—относительно чистоты унаслѣдованной нами крови; и это было такъ въ прошломъ и повторяется нынѣ чаще, чѣмъ когда-либо. Одна лишь христіанская Церковь среди остальныхъ великихъ державъ, повидимому, отнеслась къ нимъ мудро и справедливо (при этомъ, конечно, не имѣются въ виду тѣ епископы, которые, въ сущности, были свѣтскими монархами, и нѣкоторые папы). Церковь держала евреевъ въ повиновеніи, смотрѣла на нихъ, какъ на чужестранцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ защищала ихъ отъ преслѣдованій. Всякое, повидимому, «церковное» преслѣдованіе на самомъ дѣлѣ коренится въ экономическихъ условіяхъ; ярче всего это проявилось въ Испаніи.

---

[1]) Впрочемъ таковъ всегдашній обычай монарховъ не только относительно евреевъ; уже Мартинъ Лютеръ говорилъ: «Монархи вѣшаютъ воровъ, укравшихъ гульденъ или 1/2 гульдена, а сводятъ дружбу съ тѣми, которые обираютъ весь свѣтъ и крадутъ больше, чѣмъ всѣ другіе вмѣстѣ» («Von Kaufhandlung und Wucher»).

Въ настоящее время, когда общественное мнѣніе такъ сильно вводится въ заблужденіе тѣмъ, что евреи обнаруживаютъ главнымъ образомъ непримиримую вражду противъ всѣхъ проявленій христіанской вѣры, полезно напомнить о томъ, что послѣднимъ актомъ подготовительнаго собранія къ синедріону, созванному впервые въ наше время въ 1807 г., было добровольное выраженіе благодарности духовнымъ лицамъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій за оказанную ими въ теченіе многихъ столѣтій защиту евреямъ [1]).

---

[1]) Діогенъ Тама: «Collection des actes de l'Assemblée des Israélites de France et du royaume d'Italie» (Парижъ, 1807 г., стр. 327, 328; авторъ—еврей и состоялъ секретаремъ еврейскаго депутата департ. Bouches-du-Rhône, М. Константини). Послѣ подобнаго обоснованія вопроса, упомянутый документъ оканчивается такъ: «Les députés israélites arrêtent: Que l'expression de ces sentiments sera consignée dans le procès verbal de ce jour pour qu'elle demeure à jamais comme un témoignage authentique de la gratitude des Israélites de cette Assemblée pour les bienfaits que les générations qui les ont précédés ont reçus des ecclésiastiques des divers pays d'Europe» («Еврейскіе депутаты постановляютъ: что изъявленіе этихъ чувствъ будетъ занесено въ протоколъ этого дня, дабы оно навсегда осталось, какъ достовѣрное свидѣтельство благодарности евреевъ этого собранія за благодѣянія, оказанныя предшествовавшимъ поколѣніямъ духовными лицами разныхъ странъ Европы»). Предложеніе было внесено Исаакомъ Самуэлемъ Авигдоромъ, представителемъ евреевъ департамента Alpes-Maritimes. Тама присовокупляетъ, что рѣчь Авигдора была встрѣчена одобреніями и внесеніе ея цѣликомъ въ протоколъ было рѣшено тутъ же. Теперешніе еврейскіе историки не сообщаютъ ни слова объ этомъ важномъ событіи. Не только Грецъ, но и Бедарридъ («Les Juifs en France», 1859 г.) замалчиваютъ его, хотя послѣдній дѣлаетъ видъ, что передастъ всѣ подробности съ точностью протокола.

VI.

Внутреннее соприкосновеніе.

Но приведенныхъ историческихъ отрывковъ достаточно: они показываютъ намъ, что появленіе евреевъ среди европейскихъ народовъ имѣло не малое вліяніе на ходъ исторіи послѣднихъ, начиная съ перваго столѣтія нашей эры, и что оно во многихъ отношеніяхъ было для насъ роковымъ. Но этимъ сказано еще немного о личности самого еврея; фактъ, что сѣверо-американскіе индѣйцы вымираютъ вслѣдствіе соприкосновенія съ индоевропейцемъ, еще не можетъ служить доказательствомъ тому, что индоевропеецъ дурной человѣкъ, гибельно вліяющій на окружающихъ; указаніе на вредъ или пользу, приносимые намъ евреемъ, во многихъ отношеніяхъ настолько условно, что мы не можемъ составить себѣ на этомъ основаніи сужденія о его личности. Вообще еврей, живя среди насъ вотъ уже девятнадцать вѣковъ какъ болѣе или менѣе желанный пришелецъ, связанъ съ нашей культурой не только съ внѣшней стороны, но и внутренно.

Изъ его среды, если и не изъ его племени съ свойственнымъ ему духомъ, вышли Іисусъ Христосъ и первые исповѣдники христіанской религіи. Еврейская исторія, еврейскія понятія и еврейскій образъ мыслей стали важными составными частями нашей психической жизни. Поэтому нѣтъ возможности окончательно разграничить упомянутое внѣшнее треніе отъ этого внутренняго проникновенія (еврейскими элементами). Не возведи мы сами еврея на пьедесталъ, не признай мы его старшимъ надъ собою,—онъ аклиматизировался бы у насъ такъ

же мало, какъ мавръ или какъ тѣ остатки полу-семитическихъ народностей, которые только путемъ безусловнаго подчиненія южно-европейскимъ націямъ отстояли свое существованіе, но не свою индивидуальность. Еврей же былъ всегда существомъ неприкосновеннымъ; если его отъ времени до времени и влекли на костеръ, то уже одинъ тотъ фактъ, что онъ распялъ Христа, окружалъ его торжественнымъ, наводившимъ ужасъ, ореоломъ. Онъ, такимъ образомъ, приковывалъ къ себѣ вниманіе народа; ученые же и святые отцы тѣмъ временемъ денно и нощно изучали еврейскія книги; и вотъ памятники искусства, какихъ съ тѣхъ поръ не видѣлъ больше свѣтъ, пали, пораженные изреченіями еврейскихъ пастуховъ, каковыми были Амосъ и Михей; наука была обречена презрѣнію и жалкому прозябанію въ силу издѣвательства надъ нею еврейскихъ священниковъ; по желанію евреевъ же, Олимпъ и Валгалла лишились своихъ жителей; Іегова, сказавшій народу Израилеву: «Ты мой народъ, и я твой Богъ!» сталъ Богомъ индоевропейцевъ; наконецъ, отъ евреевъ мы переняли роковое ученіе о безусловной религіозной нетерпимости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы позаимствовали и сильныя, возвышенныя душевныя движенія; мы познакомились съ ученіемъ пророковъ, проповѣдывавшихъ такую суровую, чистую мораль, подобная которой могла появиться лишь на почвѣ дальней Индіи; мы узнали такую живую и животворящую вѣру въ высшее, божественное могущество, что она неминуемо должна была преобразить нашу душу и дать ей новое направленіе: если великимъ зодчимъ ея и былъ Христосъ, то архитектуру мы всетаки заимствовали у евреевъ. Исаія, Іеремія и авторы псалмовъ стали и продолжаютъ быть донынѣ живыми силами нашей психической жизни.

VII.

Но кто же еврей?

Въ наше время, когда это внутреннее соприкосновеніе начинаетъ ослабѣвать, тогда какъ вышеупомянутое наружное треніе съ каждымъ днемъ усиливается, когда мы лишены всякой возможности избѣжать непосредственной близости евреевъ, мы уже не въ правѣ довольствоваться знаніемъ, что почти всѣ выдающіеся и свободные люди, начиная съ Тиверія и кончая Бисмаркомъ, считали пребываніе еврея въ нашей средѣ опаснымъ въ соціально-политическомъ отношеніи; мы должны быть въ состояніи сами составить себѣ опредѣленное мнѣніе на основаніи достаточныхъ фактическихъ знаній, чтобы затѣмъ дѣйствовать сообразно съ нимъ. Существуютъ такъ называемые «антисемитическіе катехизисы», въ которыхъ собраны сотни изреченій знаменитыхъ людей; но помимо того, что многія изъ нихъ, вырванныя изъ общей связи съ сочиненіями, изъ которыхъ они взяты, передаютъ мысль автора не совсѣмъ правильно, и что нѣкоторыя служатъ выраженіемъ невѣжественныхъ, слѣпыхъ предразсудковъ,—собственное мнѣніе, конечно, болѣе цѣнно, чѣмъ 200 чужихъ, которыя машинально повторяются за другими; но я не знаю, какъ бы мы могли составить себѣ компетентное мнѣніе иначе, какъ вставъ на болѣе высокую точку зрѣнія, чѣмъ чисто политическая, и я не знаю также, какъ добиться этого,— если мы не перейдемъ на историческую почву; но не на почву нашей современной исторіи, потому что здѣсь мы оказались бы одновременно и судьями и сторонами, а исторіи, касающейся вопроса возникновенія и развитія

еврейскаго народа. Документовъ по этой части и у насъ великое множество: въ теченіе именно XIX-го столѣтія они подверглись изслѣдованію, критическому анализу и исторической классификаціи, благодаря безкорыстному труду многихъ ученыхъ, по большей части нѣмецкихъ, но есть между ними и выдающіеся французы, голландцы и англичане; впереди еще много работы, но того, что̀ сдѣлано, уже достаточно, чтобы составить себѣ, вообще говоря, ясный и вѣрный взглядъ на одну изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ человѣческой исторіи. Этотъ еврей, кажущійся намъ такимъ неизмѣннымъ, такимъ, по мнѣнію Гёте, упорнымъ типомъ, всетаки—результатъ процесса, медленнаго и даже «искусственнаго» процесса! Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что онъ, какъ и все «созданное», когда-нибудь исчезнетъ. Уже одно это сознаніе приближаетъ его къ намъ, какъ человѣка. Что такое «семитъ»?—Этого не можетъ сказать ни одинъ смертный. Сто лѣтъ тому назадъ ученые думали, что могутъ отвѣтить на этотъ вопросъ: «семиты—потомки Сима»; теперь отвѣтъ становится все неопредѣленнѣе; одно время думали, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ на основаніи филологическаго критерія; какое заблужденіе!—Хотя понятіе о «семитѣ» и крайне неопредѣленно, но безъ него обойтись всетаки нельзя, такъ какъ оно обнимаетъ собою сложную комбинацію историческихъ явленій во всей ихъ совокупности; но очертанія этого этнографическаго представленія стушевываются и сплываются съ другими. Въ концѣ концовъ «семитъ» представляетъ какъ бы понятіе о первобытномъ племени, подобно тому, какъ и «аріецъ»; это тѣ условные знаки, безъ которыхъ мы перестали бы

понимать другъ друга, но которые ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ принимать за чистую монету. Дѣйствительно звонкой монетой являются, напротивъ, тѣ національныя индивидуальности, которыя получились историческимъ путемъ изъ эмпирическихъ данныхъ; я говорилъ о нихъ въ предыдущей главѣ,—къ нимъ относятся и евреи. Раса не есть явленіе первичное, она—результатъ сложнаго процесса: физіологически она создается путемъ характернаго племеннаго смѣшенія съ послѣдующимъ затѣмъ соблюденіемъ закона чистокровности (Inzucht); психически — благодаря вліянію, которое продолжительно дѣйствующія историко-географическія условія производятъ на указанный особый, специфическій въ физіологическомъ отношеніи складъ.

Если мы, слѣдовательно, хотимъ спросить у еврея: кто ты? (а я думаю, что это и составляетъ важнѣйшую задачу настоящей книги), то мы должны сперва изслѣдовать, нѣтъ ли въ основѣ этой, столь рѣзко выраженной, индивидуальности племеннаго смѣшенія, а затѣмъ, если отвѣтъ будетъ утвердительный, намъ предстоитъ прослѣдить, какъ происшедшая такимъ путемъ душа постепенно дифференцировалась при своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Именно здѣсь, на евреѣ, можно изучить это явленіе во всѣхъ его фазахъ такъ, какъ нигдѣ, потому что вся еврейская національная исторія подобна безпрерывному процессу выдѣленія; характеръ еврейскаго народа становится все индивидуальнѣе, особенности его выступаютъ все рѣзче, онъ дѣлается все менѣе и менѣе сложнымъ; въ концѣ концовъ отъ всего душевнаго склада остается какъ бы только одинъ скелетъ, лишенный конечностей; медленно созрѣвшій плодъ утрачиваетъ

свою мягкую, яркую оболочку, лишается своихъ мясистыхъ частей въ виду того, что онѣ могли бы подвергнуться загрязненію или порчѣ извнѣ; продолжаетъ существовать только одно твердое зерно; хоть оно и засохло и съежилось, но всетаки не утратило способности сопротивляться вліянію времени. Но, какъ уже сказано, это было не всегда такъ. То, что̀ перешло изъ священныхъ еврейскихъ книгъ въ христіанскую религію, не есть плодъ этого старческаго возраста специфическаго іудейства; оно получило начало отчасти въ періодъ самаго расцвѣта народа израилева, отличавшагося отъ іудейскаго племени своей болѣе широкой натурой и болѣе развитой фантазіей, отчасти—въ дни возмужалости іудея, только что обособившагося отъ израиля, но еще не отвернувшагося высокомѣрно отъ всѣхъ остальныхъ націй земного шара. Еврей сталъ такимъ, какимъ мы его знаемъ и видимъ за дѣломъ, лишь постепенно, но не въ продолженіе среднихъ вѣковъ христіанской эры, какъ все еще продолжаютъ ложно утверждать многіе, а на національной почвѣ, въ эпоху своей самостоятельной исторіи; еврей самъ создалъ свою судьбу; первое «гетто» было устроено имъ уже въ Іерусалимѣ, гдѣ высокая стѣна отдѣляла правовѣрнаго и законнорожденнаго іудея отъ «гойя» и преграждала послѣднему доступъ въ главную часть города. Ни Іаковъ, ни Соломонъ, ни Исаія не признали бы своего потомка въ равви Акибѣ (великомъ изслѣдователѣ Талмуда), а тѣмъ болѣе — въ баронѣ Гиршѣ или Діамантъ-Бернато [1]).

---

[1]) Мечта евреевъ позднѣйшаго времени (въ противоположность прежнимъ израильтянамъ съ болѣе широкими взглядами)

Попытаемся же кратчайшимъ и простѣйшимъ путемъ составить себѣ по возможности ясное представленіе о существенныхъ чертахъ этой самобытной народной души и о томъ, какъ она съ теченіемъ времени становилась все одностороннѣе и характернѣе. Для этого не требуется никакой учености, потому что, какъ уже было сказано, на вопросъ—кто ты? самъ еврей, а также его предокъ—израильтянинъ—искони давали намъ самый ясный отвѣтъ. Къ этому, затѣмъ, слѣдуетъ прибавить всю совокупность научныхъ трудовъ, начиная съ работъ Эвальда до сочиненій Вельгаузена и Рамзая, съ изслѣдованій Де Ветта и кончая таковыми Рейсса, Дума и Шейне; намъ предстоитъ лишь сдѣлать изъ всего этого выводъ, какъ это необходимо для человѣка практики, который хочетъ, среди окружающей его бури жизни, опереться въ своемъ сужденіи на опредѣленныя научныя данныя.

заключалась въ окончательномъ закрытіи всякаго доступа въ Іерусалимъ другимъ націямъ, когда осуществится пришествіе Мессіи—см. у пророка Іоиля, III, 22. А такъ какъ этотъ пророкъ, относящійся уже къ позднѣйшей, эллинской эпохѣ, также говоритъ, что Богъ будетъ жить въ Іерусалимѣ и въ одномъ лишь Іерусалимѣ, то вышеуказанное запрещеніе равносильно удаленію всѣхъ народовъ съ глазъ Божіихъ. Такова была терпимость евреевъ! Что большинство раввиновъ исключаютъ всѣхъ людей не-еврейскаго происхожденія изъ числа причастныхъ будущей жизни, другіе же согласны терпѣть ихъ тамъ лишь въ качествѣ презрѣнной толпы,—только логично (См. «Traktat Gittin», листъ 57, о «Babylonischen Talmud» и Weber—«System der altsynagogalen palästinschen Theologie», стр. 372, nach Laible). Но что при этомъ комично, такъ это заявленія теперешнихъ евреевъ, считающихъ свою вѣру «религіей гуманности»!

Позволю себѣ еще лишь два замѣчанія, относящіяся исключительно къ методу изложенія. Такъ какъ о евреѣ говорилось обстоятельно уже раньше, въ книгѣ «Явленіе Христа», то здѣсь я могу ограничиться изслѣдованіемъ одного лишь коренного вопроса. Что касается источниковъ, которыми я пользовался, то я былъ принужденъ, не ограничиваясь одной лишь Библіей и нѣкоторыми основательно изученными мною новѣйшими писателями, обращаться за справками и къ многимъ ученымъ нееврейскаго происхожденія; это было неизбѣжно при изученіи пророковъ и для усвоенія правильнаго взгляда на ходъ историческихъ событій. Но безусловные антисемиты по принципу совсѣмъ не были приняты мною въ соображеніе; это было сдѣлано въ интересахъ предстоящаго изложенія.

VIII.

Планъ изслѣдованія.

Наука за послѣднее время пролила много свѣта на предметъ, имѣющій, на мой взглядъ, очень важное значеніе, а именно—на антропологію народа израилева, то есть на исторію физическаго возникновенія и развитія этого особеннаго народнаго племени. Конечно, и здѣсь, какъ всюду, мы наталкиваемся на такое отдаленное прошлое, которое останется навсегда неизслѣдованнымъ; кромѣ того, безъ сомнѣнія, многое по части результатовъ, скорѣе отгаданныхъ смѣлыми археологами въ силу ихъ удивительно изощреннаго инстинкта, чѣмъ добытыхъ на основаніи достовѣрныхъ фактовъ, будетъ впослѣдствіи значительно исправлено и дополнено новыми изслѣдованіями и открытіями. Но все это не имѣетъ здѣсь

значенія для насъ. То, что̀ дѣйствительно важно и составляетъ надежное пріобрѣтеніе исторіи, какъ науки, слѣдующее: во-первыхъ, еврейскій народъ продуктъ многократнаго племеннаго смѣшенія и притомъ—не родственныхъ другъ другу человѣческихъ типовъ (какъ это было у древнихъ грековъ и нынѣшнихъ англичанъ), а типовъ рѣзко отличавшихся между собой какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ; во-вторыхъ, чисто семитическая кровь (если вообще допустить, что это вспомогательное понятіе не лишено всякаго смысла) едва ли составляетъ даже половину этой смѣси. Это несомнѣнные результаты, добытые точными изслѣдованіями анатомической антропологіи и исторіи—двухъ отраслей науки, оказавшихъ здѣсь другъ другу взаимную помощь. Третій выводъ дополняетъ два приведенныхъ; мы ими обязаны критическимъ трудамъ библейскихъ археологовъ, внесшихъ, наконецъ, свѣтъ въ крайне запутанную хронологію книгъ Ветхаго Завѣта, написанныхъ въ разныя столѣтія и затѣмъ собранныхъ совершенно произвольно, но не безъ предвзятаго плана. Археологія говоритъ намъ, что не слѣдуетъ отождествлять истаго іудея съ израильтяниномъ въ широкомъ значеніи этого слова, что колѣно Іуды уже во времена переселенія евреевъ въ Палестину нѣсколько отличалось какъ своими склонностями, такъ и примѣсью чужой крови отъ рода Іосифа (обнимавшаго всѣ остальныя колѣна), и притомъ различіе это обусловливало извѣстную духовную зависимость іудея отъ потомка Іосифа; только сравнительно поздно—уже послѣ своего насильственнаго отдѣленія отъ другихъ колѣнъ—іудей пошелъ своей дорогой,—дорогой, приведшей его къ іудейству въ соб-

ственномъ значеніи слова и вскорѣ окончательно отдѣлившей его отъ всего остального міра, когда законъ чистокровности былъ возведенъ имъ въ религіозный принципъ. Іудей можетъ быть названъ израильтяниномъ въ качествѣ отпрыска этого рода; израильтянинъ же, въ томъ числѣ и потомокъ Іуды, не былъ сперва іудеемъ; типъ іудея началъ складываться лишь тогда, когда болѣе сильныя сѣверныя племена израильтянъ были истреблены ассиріянами. Итакъ, чтобы опредѣлить, кого слѣдуетъ понимать подъ словомъ іудей, надо прежде всего узнать, кто былъ израильтянинъ, а затѣмъ уже можно будетъ приступить къ разрѣшенію вопроса: какимъ путемъ израильтяне изъ колѣна Іуды (а также Веніамина) обратились въ іудеевъ? При этомъ необходимо соблюдать нѣкоторую осторожность относительно источниковъ. Надо замѣтить, что специфическій іудейскій характеръ былъ искусственно введенъ въ Библію лишь послѣ Вавилонскаго плѣненія; для этой цѣли были сочинены цѣлыя книги и приписаны Моисею; кромѣ того, нерѣдко стихъ за стихомъ подвергались исправленіямъ и поддѣлкѣ, чтобы изгнать изъ нихъ болѣе широкіе взгляды израильтянъ и замѣнить ихъ узкимъ іерусалимскимъ культомъ Іеговы, какъ будто послѣдній существовалъ всегда, согласно божественному закону. Это обстоятельство надолго затмило пониманіе постепеннаго и чисто человѣчески-историческаго хода развитія еврейскаго національнаго характера. Теперь, наконецъ, внесенъ свѣтъ и въ эту область знанія. И здѣсь мы можемъ сказать, что мы добились надежнаго вклада путемъ научнаго изслѣдованія. Ничто ужъ не [illegible] истины, что іудейство, въ собственномъ значеніи этого слова, съ его своеобразной вѣрой въ Іегову

и своимъ исключительнымъ господствомъ установленнаго священниками закона—результатъ весьма замѣчательнаго историческаго сцѣпленія обстоятельствъ и вмѣшательствъ отдѣльныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ вполнѣ цѣлесообразно.

Эти три факта служатъ главнымъ основаніемъ для всякаго изученія іудейскаго душевнаго склада; они не должны оставаться достояніемъ ученаго меньшинства; напротивъ, всѣ образованные люди должны проникнуться сознаніемъ ихъ достовѣрности. Привожу ихъ еще разъ, формулируя ихъ точно:

1. Народъ израилевъ—результатъ племенного смѣшенія крайне разнородныхъ человѣческихъ типовъ.

2. Семитическій элементъ былъ, можетъ быть, въ нравственномъ отношеніи самымъ мощнымъ (среди другихъ составныхъ частей), но физически онъ участвовалъ при образованіи новой этнографической индивидуальности развѣ только на половину; поэтому израильтянъ нельзя называть просто «семитами»; различные человѣческіе типы, вошедшіе въ составъ израильскаго племени, и степень ихъ причастности къ этому требуютъ какъ количественнаго, такъ и качественнаго анализа.

3. Іудей, въ собственномъ значеніи этого слова,—результатъ постепеннаго, длившагося цѣлыя столѣтія физическаго выдѣленія изъ остального рода израильтянъ, а также—прогрессивнаго развитія въ немъ отдѣльныхъ душевныхъ свойствъ и систематическаго подавленія другихъ; его нельзя назвать продуктомъ нормальной національной жизни; онъ, нѣкоторымъ образомъ,—искусственный продуктъ, созданный кастой жрецовъ, которая навязала сопротивлявшемуся народу, при помощи чуже-

земныхъ царей, законъ и вѣру, установленные священниками. Изъ сказаннаго вытекаетъ планъ нашего дальнѣйшаго изложенія. Сперва мы обратимся за справками къ исторіи и антропологіи, чтобы узнать, изъ какихъ человѣческихъ типовъ вышло новое племя израильтянъ, послужившее затѣмъ іудейскому основаніемъ; затѣмъ намъ придется изслѣдовать степень участія указанныхъ различныхъ человѣческихъ типовъ въ этомъ смѣшеніи въ физическомъ и въ особенности—въ нравственномъ отношеніяхъ, причемъ наше вниманіе будетъ обращено, конечно, прежде всего на ихъ религіозное міровоззрѣніе, такъ какъ въ основѣ іудейства лежитъ исповѣдуемая имъ вѣра; поэтому мы не можемъ правильно судить о евреѣ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, когда онъ живетъ среди насъ, если мы не выяснимъ себѣ вполнѣ его религіи; наконецъ, я постараюсь показать, какъ специфическое іудейство явилось результатомъ совмѣстнаго вліянія удивительныхъ историческихъ событій и какъ оно прочно окрѣпло, достигнувъ безпримѣрной своеобразности. Этимъ исчерпывается задача настоящей книги, какъ я опредѣлилъ ее выше; если іудейское племя впослѣдствіи отъ времени до времени и воспринимало нѣкоторые новые элементы, то оно все-таки, вообще говоря, сохранило свою чистокровность въ такой степени, какъ ни одна другая человѣческая раса; іудейская нація по существу своему была съ самаго начала «идеальной» націей, т. е. она существовала въ силу своей вѣры въ извѣстную національную идею, а не въ силу основаннаго ею свободнаго государства и не благодаря общей совмѣстной жизни и дѣятельности ея членовъ на родной почвѣ; идея эта въ настоящее время

все та же, что и 2000 лѣтъ тому назадъ. А племенное происхожденіе и идеалъ, вмѣстѣ взятые, составляютъ человѣческую личность; они отвѣчаютъ на вопросъ: «кто ты?»

IX.

Происхожденіе израильтянъ.

Израильтяне[1]) результатъ племенного смѣшенія трехъ (а можетъ быть и четырехъ) различныхъ человѣческихъ типовъ: семитическаго, сирійскаго (или, вѣрнѣе сказать, хеттейскаго) и индоевропейскаго (возможно также, что въ жилахъ ихъ предковъ текла и туранская или, какъ принято говорить въ Германіи, сумеро-аккадійская кровь).

Чтобы читателю было вполнѣ ясно, какъ произошло это смѣшеніе, мнѣ придется предпослать дальнѣйшему изложенію небольшой историческій очеркъ; цѣль его—освѣжить въ памяти читателя общеизвѣстные факты и подготовить его къ болѣе легкому усвоенію исторіи происхожденія іудейскаго племени.

Если понятіе о «семитѣ», поскольку видятъ въ немъ искони существовавшее чистокровное, самостоятельное племя,—такъ сказать, особое твореніе Божіе—лишь отвлеченная идея, то оно всетаки болѣе опредѣленно,

---

[1]) И не только они, но и ихъ родичи—амонитяне, моавитяне и идумеи, которые составляютъ вмѣстѣ съ ними родъ «евреевъ»,—имя, несправедливо приписываемое однимъ израильтянамъ или даже исключительно іудеямъ (См. Wellhausen, «Israelitische und jüdische Geschichte», 3 изд., стр. 7; къ тому же роду принадлежатъ еще мадіанитяне и измаильтяне (Maspero: «Histoire ancienne», изд. 1895, II, 65).

чѣмъ понятіе объ «арійцѣ», потому что и теперь, на нашихъ глазахъ, существуетъ народъ, сохранившій, повидимому, чистый, непомутившійся типъ первобытнаго семита: это бедуины аравійской пустыни [1]). Оставимъ воображаемаго «первобытнаго семита» и обратимся къ дѣйствительно-существующему бедуину аравійской пустыни. Не безъ основанія думаютъ, что уже за нѣсколько столѣтій до Р. Хр. весьма похожіе на нынѣшнихъ бедуиновъ люди двинулись почти непрерывнымъ потокомъ изъ Аравіи на востокъ и сѣверъ, въ бассейнъ двуріѣчія Тигра и Евфрата. Климатъ Аравіи здоровъ, вотъ почему ея населеніе быстро растетъ; почва ея крайне безплодна,—это причина, заставляющая часть ея населенія искать себѣ пропитанія внѣ ея предѣловъ. Повидимому, такія выселенія иногда предпринимались большими толпами хорошо вооруженныхъ людей: накопившійся избытокъ жителей въ такихъ случаяхъ выбрасывался изъ родины съ неодолимой силой и обрушивался на сосѣднія страны въ качествѣ завоевателя; въ другихъ случаяхъ, напротивъ, единичные роды переходили со сво-

---

[1]) Это подтверждаютъ единогласно почти всѣ авторы. Дальше я ссылаюсь въ этой книгѣ на Буркгардта, здѣсь же на новый и всѣми признанный авторитетъ—на William Robertson Smith'a (Вильяма Робертсона Смита). Въ своемъ сочиненіи «Religion of the Semites», изд. 1891, стр. 8, онъ говоритъ: «Можно принять за достовѣрное, что арабы, жившіе въ пустынѣ, искони составляли чистокровное племя». Одновременно этотъ же авторъ указываетъ на то, что вавилонянъ, финикіянъ и др. неосновательно называютъ просто «семитами», такъ какъ пока установлено лишь сродство ихъ языковъ; между тѣмъ всѣ эти такъ называемыя «семитическія націи»—продуктъ смѣшенія разнообразныхъ племенъ.

ими стадами совершенно мирно черезъ границу Аравіи, нигдѣ точно не опредѣленную, и перекочевывали съ пастбища на пастбище. Если они не направлялись на западъ, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ нихъ, то случалось, что они достигали береговъ Евфрата и, постепенно двигаясь вдоль этой рѣки, поднимались высоко на сѣверъ. У насъ есть памятные историческіе примѣры вышеупомянутыхъ вооруженныхъ набѣговъ, являвшихся слѣдствіемъ слишкомъ густого населенія Аравіи [1]) (во времена римскаго владычества и послѣ Магомета). Мы видимъ процессъ такого же массоваго семитизированія, хотя и болѣе мирнаго характера, въ большихъ культурныхъ государствахъ, которыя были расположены между Евфратомъ и Тигромъ. Тамъ, гдѣ семиты наталкивались на сильную, уже вполнѣ развившуюся, способную къ сопротивленію культуру, какъ это было въ вавилонской Аккадіи, они побѣждали ее тѣмъ, что сливались съ нею; процессъ этотъ теперь можно прослѣдить для Вавилона шагъ за шагомъ [2]).

[1]) Послѣдній примѣръ въ этомъ родѣ представляетъ намъ конецъ XIX-го столѣтія: арабы, всегда выселявшіеся не только на сѣверъ и востокъ, но и на западъ и югъ, на этотъ разъ окончательно опустошили большую часть внутренней Африки. Обширнѣйшія государства, густо населенныя и прекрасно воздѣланныя до 1880 г., съ тѣхъ поръ обратились въ пустыню. Стэнли утверждаетъ, что одинъ изъ арабскихъ вождей опустошилъ область въ 2000 кв. миль! (См. сочиненія Стэнли, Виссмана, Гинде и др. и короткое резюме ихъ у Ратцеля—Ratzel: «Völkerkunde», 2 изд. II, 430).

[2]) Объ исчезнувшемъ человѣческомъ типѣ аккадіевъ или сумеріевъ, основателей грандіозной вавилонской культуры, и ихъ постепенномъ осемитизированіи см. Hommel, Sayce, Budge, Maspero.

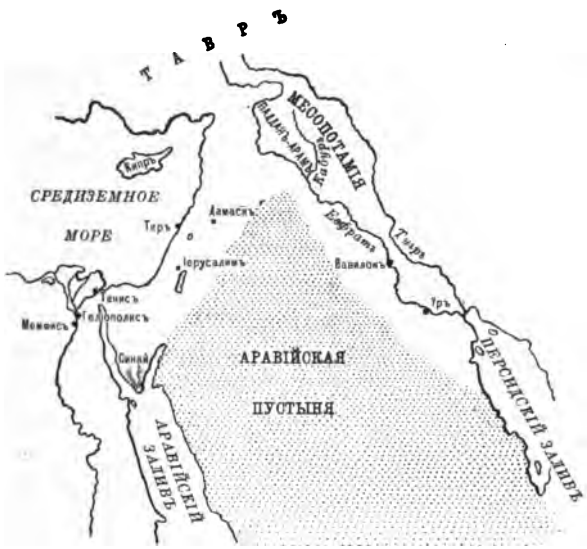
Племя Бени-Израиль покинуло Аравію путемъ выселенія изъ нея маленькими группами простыхъ пастуховъ; въ силу своей малочисленности и чтобы сохранить въ цѣлости свои стада, оно было принуждено тщательно избѣгать всякихъ военныхъ предпріятій и столкновеній. Конечно, библейскія сообщенія о первыхъ странствованіяхъ этого бедуинскаго рода являются лишь слабымъ откликомъ древнихъ устныхъ преданій, притомъ сильно искаженнымъ всевозможными недоразумѣніями, теоріями и намѣреніями позднѣйшихъ переписчиковъ; тѣмъ не менѣе нѣтъ основаній сомнѣваться въ справедливости ихъ общихъ указаній, въ особенности потому, что они не содержатъ ничего невѣроятнаго. Правда, все представлено въ сильномъ ракурсѣ: цѣлые роды слились въ одно лицо (это общеупотребительный у семитовъ пріемъ, «встрѣчающійся лишь у нихъ», говоритъ Вельгаузенъ); другія собственныя имена, относящіяся яко бы къ людямъ, оказываются названіями тѣхъ мѣстечекъ и городовъ, въ окрестностяхъ которыхъ израильтяне жили болѣе продолжительное время; передвиженія, перемѣщенія, заполнявшія жизнь нѣсколькихъ поколѣній, совершаются здѣсь однимъ лицомъ. Эта потребность въ упрощеніи сложнаго, въ сжатомъ изображеніи того, что̀ на самомъ дѣлѣ было отдѣлено другъ отъ друга большими промежутками времени, свойство прирожденное, присущее въ данномъ случаѣ въ той же мѣрѣ и народу, и сознательно творящему поэту. Такъ, напримѣръ, Библія сообщаетъ, что Авраамъ, уже женатымъ человѣкомъ, выселился изъ окрестностей г. Уръ, лежавшаго на берегу нижняго теченія Евфрата, въ сѣверную Месопотамію, находившуюся у подножія

армянской горной страны; эта страна—Падданъ-Арамъ, о которой такъ часто упоминается въ книгѣ Бытія, она находилась по ту сторону Евфрата, между этой рѣкой и ея притокомъ Кабуромъ (По прямой линіи это около 600 километровъ, но если придерживаться рѣчной долины и пастбищъ, то надо пройти по крайней мѣрѣ 1,500 килом. отъ Ура до Падданъ-Арама). Но этого еще недостаточно: тотъ же Авраамъ,—повѣствуетъ Библія,—затѣмъ направляется изъ Падданъ-Арама на юго-западъ въ землю Ханаанскую, отсюда далѣе въ Египетъ и наконецъ (я умалчиваю о его маленькихъ странствованіяхъ) опять обратно въ Ханаанъ; все это онъ совершаетъ въ сопровожденіи такихъ огромныхъ стадъ скота, что принужденъ разстаться со своими ближайшими родственниками, чтобы не дѣлить съ ними необходимыхъ ему самому пастбищъ (кн. Бытія XIII). Не взирая на такое сокращеніе перспективы, это древнее еврейское сказаніе содержитъ въ себѣ все, что̀ намъ необходимо знать, въ особенности тамъ, гдѣ древнѣйшее преданіе дошло до насъ почти въ неискаженномъ видѣ; въ настоящее время критика въ состояніи дать на этотъ вопросъ обстоятельный отвѣтъ [1]). Итакъ мы узнаемъ изъ этого преданія, что упомянутый бедуинскій родъ прежде всего направился въ южную часть бассейна рѣки Евфрата и пробылъ нѣкоторое, довольно продолжительное, время въ окрестностяхъ города Ура, находившагося на южномъ берегу этой большой рѣки и служившаго Халдейской землѣ крайнимъ передовымъ постомъ. Затѣмъ

[1]) Срав. въ особенности съ Gunkel's «Handkommentar zur Genesis», 1901.

кочевники въ первый разъ столкнулись съ цивилизаціей. Хотя пастухамъ и не удалось проникнуть въ самое ея сердце, такъ какъ вся область была застроена прекрасными городами и каждая пядь ея земли воздѣлана самымъ тщательнымъ образомъ, благодаря процвѣтавшей тамъ высокой культурѣ, но они тѣмъ не менѣе вынесли неизгладимыя впечатлѣнія и нѣкоторыя знанія, о которыхъ я скажу подробнѣе дальше. Даже такія имена, какъ Авраамъ и Сарра, были впервые услышаны ими тамъ и переняты впослѣдствіи путемъ столь излюбленной у нихъ игры словъ въ ихъ языкѣ (кн. Бытія XVII, 1—6). Но имъ не жилось долго по сосѣдству съ столь развитой культурой, а можетъ быть ихъ и вытѣснили другія, послѣдовавшія за ними, толпы сыновъ пустыни. И вотъ мы видимъ, какъ они начинаютъ постепенно передвигаться на сѣверъ [1]), пока они не достигаютъ малонаселеннаго въ то время Падданъ-Арама, гдѣ и остаются, вѣроятно, довольно долго—по крайней мѣрѣ нѣсколько столѣтій. Но когда пастбища Месопотаміи перестали удовлетворять требованіямъ возросшаго

[1]) Направленіе было имъ предуказано; они не могли выбрать другого, уходя изъ области Ура: на протяженіи нѣсколькихъ сотъ километровъ пустыня тянется параллельно Евфрату, и только узкая полоса орошенной земли отдѣляетъ ее отъ нея; но внезапно на самой 35-й параллели пустыня прекращается, и къ западу, югу и сѣверу отъ нея открывается равнина Сиріи, простирающаяся на югъ до Египта, на западъ до Средиземнаго моря, на сѣверъ до Тавра, на востокъ, въ настоящее время, до Евфрата; но, согласно преданію, при прежнихъ условіяхъ она обнимала также лежащую по ту сторону средняго теченія Евфрата Месопотамію, въ которой и поселились потомки Авраама на нѣсколько столѣтій (См. схематическую карту на стр. 51).



Схематическая карта.

численно племени и его стадамъ, часть его выселилась изъ сѣверо-восточной области Сиріи Падданъ-Арама въ юго-западную, граничившую съ Египтомъ—Ханаанъ, гдѣ она нашла гостепріимный пріемъ по сосѣдству съ осѣдлымъ земледѣльческимъ народомъ, разрѣшившимъ ей пасти стада на близлежащихъ горахъ. Но Месопотамія (т. е. Падданъ-Арамъ) долго жила въ памяти сыновъ Авраамовыхъ, какъ истинная ихъ родина. Самъ Іегова называетъ Падданъ-Арамъ «землей Авраама» (кн. Бытія XII), и миѳическій Авраамъ говоритъ уже долго спустя послѣ своего переселенія въ землю Ханаанскую съ душевной тоской о своей далекой «отчизнѣ» и отпра-

шись въ Палестину, израильтяне, хотя и признавали амонитянъ, идумеевъ и другихъ евреевъ своими дальними родственниками по крови, но чувствовали къ нимъ, вмѣсто прежней пріязни, ненависть и презрѣніе; это ихъ отношеніе къ родственнымъ имъ народамъ нашло себѣ крайне наивное выраженіе въ генеалогіи Библіи, согласно которой нѣкоторыя изъ этихъ племенъ—плодъ кровосмѣшенія, другія—потомки непотребныхъ женщинъ и т. д.

Объ израильтянахъ можно говорить, какъ о народѣ историческомъ, въ собственномъ значеніи этого слова, лишь начиная съ того момента, когда они, въ качествѣ завоевателей, вторглись въ землю Ханаанскую; они тогда представляли собою хотя и малочисленный, но всетаки сплоченный народъ, который, послѣ бѣгства изъ Египта, напалъ на Ханаанъ, чтобы основать тамъ государство; хотя судьба послѣдняго и была по большей части печальная и богатая испытаніями, такъ какъ Палестина (подобно всей Сиріи) находилась какъ бы между молотомъ и наковальней, то есть между постоянно враждовавшими другъ съ другомъ великими державами, но оно тѣмъ не менѣе просуществовало и сохранило свою независимость почти въ теченіе 700 лѣтъ. Что численность этого израильскаго народа была не очень велика, необходимо особенно подчеркнуть здѣсь; это важно какъ въ историческомъ, такъ и въ антропологическомъ отношеніяхъ, потому что этому обстоятельству слѣдуетъ приписать, что прежнее, дѣйствительно осѣдлое населеніе Ханаана (смѣсь хеттеевъ и амореевъ, индоевропейскаго племени) никогда не было истреблено окончательно и продолжало составлять и даже соста-

Штаде), пространная и легко написанная «Histoire du peuple d'Israël», Renan'a («Исторія народа Израилева» Ренана), обнимающая широкій кругозоръ «Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique» Maspero [1]) («Древняя исторія народовъ классическаго Востока» Масперо).

Мы же можемъ, пока, довольствоваться вышеизложеннымъ наброскомъ, чтобы выяснить себѣ въ общихъ чертахъ антропогенію израильтянъ и выразить этотъ, повидимому, запутанный въ фактическомъ отношеніи вопросъ въ возможно простой, легко запоминаемой формѣ. Я теперь попытаюсь достичь этого,—мы увидимъ, какъ чистокровный первоначально семитическій переселенецъ обратился сперва въ еврея, а потомъ—въ израильтянина.

X.

Чистокровный семитъ.

Предпосланный историческій очеркъ указалъ намъ на бедуинскій родъ [2]), какъ на исходную точку. Установимъ прежде всего слѣдующее: этотъ неподдѣльный семитъ,

---

[1]) Я перечисляю только новѣйшія, замѣчательнѣйшія и заслуживающія наибольшаго довѣрія сочиненія, написанныя истинными учеными, но доступныя и неученымъ людямъ. Изъ прежнихъ трудовъ «Geschichte des Altertums» Dunker'a имѣетъ во многихъ отношеніяхъ первенствующее значеніе для исторіи израильтянъ.

[2]) Впрочемъ, согласно господствующему теперь почти всюду взгляду, семитъ вообще, въ томъ числѣ и упомянутый неподдѣльный типъ бедуина, представляетъ по самому существу своему абсолютную помѣсь, и притомъ самую невообразимую,—плодъ скрещиванія негра съ европейцемъ! Гобино утверждалъ

первобытный выходецъ изъ аравійскихъ пустынь, былъ и останется двигающей силой, жизненнымъ принципомъ, душою новой этнографической единицы, которая получилась въ результатѣ многочисленныхъ племенныхъ скрещиваній, т. е. израильтянина. Если даже съ теченіемъ времени потомки его какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ пріобрѣли массу свойствъ, рѣзко отличающихъ ихъ отъ первобытнаго ихъ праотца—бедуина, что̀ произошло не только подъ вліяніемъ ихъ исторіи, но и преимущественно вслѣдствіе ихъ смѣшенія съ крайне разнородными человѣческими типами, то онъ всетаки остается во многихъ отношеніяхъ ихъ «spiritus rector» какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ. Изъ числа двухъ или трехъ душъ, живущихъ въ израильтянинѣ позднѣйшихъ временъ, эта оказалась самой устой-

---

это 50 лѣтъ тому назадъ и былъ осмѣянъ; теперь его мнѣніе считается ортодоксальнымъ. Ранке резюмируетъ его въ своемъ сочиненіи «Völkerkunde» II, 399, слѣдующимъ образомъ: «Семиты относятся къ мулатообразнымъ переходнымъ формамъ между бѣлой и черной расами». Но мнѣ кажется, что здѣсь неприменнимъ совѣтъ: «Passons au déluge!» («сошлемся на потопъ!»). Мы не будемъ изслѣдовать вопроса, не скороталъ ли Ной, отецъ Сима, однообразныхъ долгихъ дней, проведенныхъ имъ въ ковчегѣ, въ обществѣ негритянки. Во всякомъ случаѣ то, что̀ происходитъ на нашихъ глазахъ, едва ли подтверждаетъ предположеніе, что изъ мулатовъ могъ выработаться устойчивый, неизмѣнный, способный пережить всѣ невзгоды времени, человѣческій типъ; сыпучіе пески дюнъ менѣе зыбки и болѣе устойчивы, чѣмъ эта племенная помѣсь; намъ, слѣдовательно, пришлось бы допустить относительно бедуиновъ, что здѣсь, вопреки всякому опыту, осуществилось нѣчто немыслимое, нигдѣ не виданное. Сравни также съ August Forel'я «Ausführungen», изд. 1900 г.

чивой, самой навязчивой. Но съ указаннымъ племеннымъ смѣшеніемъ можно только поздравить этотъ бедуинскій родъ, такъ какъ высокія качества неподдѣльнаго, чистокровнаго семита-кочевника, говорятъ, не выдерживаютъ перемѣны образа жизни. Сайсъ, одинъ изъ самыхъ іудофильскихъ ученыхъ нашего столѣтія, пишетъ: «Когда бедуинъ, житель пустыни, дѣлается осѣдлымъ, то онъ почти всегда соединяетъ въ себѣ всѣ пороки, свойственные какъ кочевнику, такъ и земледѣльцу. Онъ лѣнивъ, коваренъ, жестокъ, жаденъ, трусливъ, такъ что всѣ другіе народы справедливо смотрятъ на него, какъ на отребье человѣчества» [1]). Еще задолго до того, какъ родъ Бени-Израиль сталъ осѣдлымъ, онъ, къ счастью своему, избѣжалъ этой жестокой участи путемъ многократнаго племеннаго скрещиванія съ народностями несемитическаго происхожденія.

Мы уже видѣли, какъ первобытный бедуинскій родъ сперва пробылъ болѣе продолжительное время на берегахъ южнаго теченія Евфрата, близъ города Ура. Спрашивается, произошло ли уже тамъ племенное смѣшеніе? Утверждали, что да. И такъ какъ главный контингентъ коренного населенія Вавилонскаго царства тогда, вѣроятно, состоялъ изъ довольно чистокровныхъ сумероаккадійцевъ—семиты лишь завоевали ихъ государство и присвоили себѣ ихъ высоко-развитую цивилизацію: сами они не были способны ни къ духовному, ни къ ручному труду [2]),—то предполагаютъ, что родъ Авраа-

[1]) Sayce, «The rases of the Old Testament», стр. 106.

[2]) См. главнымъ образомъ Sayce, «Assiria», стр. 24, и его же «Social Life among the Assyrians and Babylonians» также Winckler, «Die Völker Vorderasiens», 1900.

мовъ уже тогда былъ обновленъ притокомъ сумеро-аккадійской крови. То обстоятельство, что у евреевъ встрѣчаются такія чуждыя имъ имена, какъ Авраамъ (такъ звали миѳическаго основателя и перваго царя Ура у сумерійцевъ), повидимому, подтверждаетъ это предположеніе, а также воспринятыя и плохо понятыя ими крохи туранской [1]) мудрости и туранской миѳологіи, вошедшія въ составъ первыхъ главъ книги Бытія.

Но такія предположенія носятъ характеръ гипотезы и поэтому пока не заслуживаютъ серьезнаго обсужденія. Въ данномъ случаѣ вѣроятность даже мало говоритъ за нихъ: цивилизація коснулась этихъ бѣдныхъ пастуховъ лишь вскользь; кому могло придти въ голову искать сближенія съ ними?

Что же касается присвоенія себѣ столь скудныхъ космогоническихъ представленій, какія мы находимъ въ Библіи, то для этого было достаточно сношеній съ другими еврейскими племенами; вѣдь миѳологія, наука и культура сумерійцевъ получили широкое распространеніе (и въ настоящее время мы еще причастны ихъ цивилизаціи, благодаря воспринятымъ нами идеямъ о сотвореніи міра и грѣхопаденіи, подраздѣленію времени на года и недѣли, началамъ геометріи и изобрѣтенію письменныхъ знаковъ).

Египтяне были ихъ учениками [2]), а семитъ, неспособный къ столь глубокому мышленію, какъ египтянинъ,

---

[1]) Слово «туранская» сорвалось у меня съ пера, потому что нѣкоторые авторы считаютъ сумеро-аккадійцевъ туранцами. См. въ особенности—Hommel, «Geschichte Babylons und Assyriens», стр. 124, 244 и слѣд.

[2]) См. Hommel, «Der babylonische Ursprung der ägyptischen Kultur», изд. 1892 г.

уже задолго до начала странствованія Бени-Израиля присвоилъ себѣ то изъ этой культуры, что̀ ему казалось полезнымъ и практичнымъ, и разнесъ это, въ качествѣ дѣятельнаго посредника, во всѣ концы свѣта. Племенное смѣшеніе рода Бени-Израиль съ сумеро-аккадійцами, слѣдовательно, столь же невѣроятно, сколь и не доказано.

Но съ того момента, какъ наши переселенцы начинаютъ передвигаться на сѣверъ и на западъ, мы попадаемъ на твердую почву. Теперь они проникаютъ въ самое сердце Сиріи съ тѣмъ, чтобы уже никогда больше не покидать его (исключеніе составляетъ лишь періодъ ихъ временнаго пребыванія въ пограничной египетской области Гесемъ). Здѣсь, въ Сиріи, чистокровный бедуинскій родъ измѣнился; здѣсь, вслѣдствіе племенного смѣшенія, его члены обратились при скрещиваніи ихъ съ человѣческимъ типомъ совершенно иного рода, а именно — съ сирійскимъ, въ евреевъ, подобно тому, какъ это уже было не разъ раньше и случалось затѣмъ впослѣдствіи съ многими другими бедуинскими колонистами. Затѣмъ необходимостью было вызвано переселеніе части этого рода изъ сѣверо-восточной страны—Месопотаміи—въ крайнюю юго-западную, т. е. въ землю Ханаанскую, гдѣ онъ въ еще большей степени подвергся подобнымъ же и еще болѣе опредѣленнымъ вліяніямъ, поведшимъ къ образованію новаго человѣческаго типа. Только здѣсь, въ землѣ Ханаанской, еврейскіе потомки Авраама мало-по-малу обратились въ настоящихъ израильтянъ.

Въ эту самую Ханаанскую землю возвратились израильтяне, численно сильно возросшіе, послѣ своего пре-

бываніе въ Египтѣ въ качествѣ завоевателей; кромѣ притока чужой крови, они здѣсь пріобрѣли, какъ даръ, чужую культуру, которая обратила ихъ изъ кочевниковъ въ осѣдлый земледѣльческій народъ и въ мирныхъ городскихъ жителей.

Мы можемъ, слѣдовательно, безъ риска ошибиться, указать на двѣ антропологическія сферы вліяній, дѣйствовавшія одна послѣ другой: первая, болѣе общая, обусловливается появленіемъ рода Бени-Израиль въ Сиріи вообще и его долгимъ пребываніемъ въ Месопотаміи въ частности; о ней у насъ нѣтъ точныхъ историческихъ данныхъ, но мы заключаемъ о ней по извѣстнымъ намъ въ настоящее время этнологическимъ фактамъ и можемъ и должны такъ поступить; вторая сфера вліяній, болѣе спеціальная—ханаанская, относительно которой мы имѣемъ возможность сослаться на Библію. Скажемъ сперва о болѣе общей сферѣ такого вліянія, а затѣмъ—о частной.

XI.

Сиріецъ.

Если мы заглянемъ въ какой-нибудь учебникъ географіи или въ толковый сковарь, то найдемъ въ нихъ указаніе, что теперешнее населеніе Сиріи составляютъ «главнымъ образомъ семиты». Это невѣрно: это такъ же ложно, какъ и свѣдѣніе, почерпаемое изъ того же источника, что армяне—«арійцы». Здѣсь повторяется столь распространенное смѣшеніе двухъ понятій о языкѣ и о племени. Если допустить его, то тогда можно сдѣлать

логическій выводъ, что сѣверо-американскіе негры—англо-саксонцы. Научная антропологія установила за послѣдніе годы, на основаніи обстоятельнѣйшихъ изслѣдованій дѣйствительно громаднаго количества матеріала, слѣдующіе неопровержимые факты: коренное населеніе Сиріи, начиная съ древнѣйшихъ временъ, къ которымъ относятся добытые раскопками доисторическіе памятники, принадлежало къ человѣческому типу, рѣзко отличавшемуся въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ отъ семитическаго, а также и отъ всего, что̀ принято причислять къ коллективному понятію объ «арійцѣ». И это относится къ населенію не только Сиріи, но и всей Малой Азіи, sensu proprio, и къ великой области, называемой нами теперь Арменіей. Существуютъ племена, у которыхъ страсть къ бродячей жизни—свойство врожденное (напр. бедуины, лопари и др.); другимъ присуща необычайно сильно развитая способность расширяться (напр. германскимъ народностямъ); упомянутый же житель Сиріи и Малой Азіи, повидимому, отличался упорной привязанностью къ родной почвѣ и неодолимой физической выносливостью—свойства эти присущи ему и въ настоящее время. Несмотря на то, что занятая имъ съ древнѣйшихъ временъ область была искони ареной народныхъ столкновеній, что самъ онъ при этомъ почти всегда являлся побѣжденнымъ, что великія державы, такъ сказать, постоянно попирали его ногами, ведя свои нескончаемыя кровопролитныя войны,—онъ все-таки пережилъ ихъ всѣхъ, и кровь его оказалась столь мощной, что сирійскій семитъ въ настоящее время скорѣе семитъ по языку, чѣмъ по племенному составу, а у слывущаго за арійца армянина фригійскаго происхожденія

въ жилахъ едва ли больше 10% индоевропейской крови. Нынѣшнихъ же сирійца, еврея и армянина можно отличить другъ отъ друга лишь съ трудомъ, что легко объясняется тѣмъ, что связывающее ихъ всѣхъ коренное племя продолжаетъ сглаживать въ нихъ ихъ специфическія особенности. Къ этому сирійскому племени какъ нельзя болѣе относятся слова хора изъ «Мессинской Невѣсты» Шиллера:

Чужеземные завоеватели приходятъ и уходятъ;
Мы повинуемся, но остаемся неизмѣнно на мѣстѣ.

Этому могучему этнографическому вліянію въ теченіе многихъ вѣковъ—по крайней мѣрѣ тысячелѣтіе, а можетъ быть и больше—былъ подчиненъ народъ, появившійся впослѣдствіи въ исторіи подъ именемъ израильтянъ. Въ этомъ и состоитъ то, что̀ я выше назвалъ общей сферой вліяній, обратившей чистокровный бедуинскій родъ въ группу такъ называемыхъ еврейскихъ племенъ. Евреи—помѣсь семитовъ съ сирійцами. Мы не должны представлять себѣ, что процессъ этотъ произошелъ моментально, что пастухи-кочевники сейчасъ же послѣ своего появленія въ Сиріи смѣшались съ чуждымъ имъ племенемъ; напротивъ, дѣло, вѣроятно, происходило такъ: они, съ одной стороны, уже застали на мѣстѣ въ довольно большомъ числѣ полуевреевъ, которые и послужили имъ въ данномъ случаѣ посредниками; съ другой стороны, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что они покорили первобытныхъ жителей страны (на что̀ указываетъ господство семитическихъ языковъ—еврейскаго, арамейскаго и др.) и имѣли дѣтей отъ своихъ сирійскихъ рабынь; мы видимъ впослѣдствіи

(во времена уже полуисторическія), что они добровольно вступаютъ въ бракъ съ членами независимыхъ родовъ чужого народа, и это, конечно, обратилось въ обычай и практиковалось въ продолженіе многихъ вѣковъ. Но какъ бы мы ни представляли себѣ этотъ процессъ смѣшенія, несомнѣнно, что онъ дѣйствительно произошелъ.

Было бы цѣлесообразно, для бо̀льшаго удобства при дальнѣйшемъ изложеніи, дать упомянутому сирійскому человѣческому типу названіе. Извѣстный мюнхенскій ученый Гоммель (Hommel) называетъ его «алародійцемъ» [1]) (der Alarodier); онъ предполагаетъ, что это племя распространилось и въ значительной части южной Европы, и считаетъ иберійцевъ и теперешнихъ басковъ его потомками. Однако лица, не принадлежащія къ сонму ученыхъ, должны быть крайне осторожны, ссылаясь на такія гипотезы; возможно, что алародійцы окажутся уже старымъ хламомъ, выкинутымъ наукой за бортъ, прежде чѣмъ книга эта появится въ печати. Достойнымъ подражанія кажется мнѣ примѣръ, поданный французскимъ зоологомъ и антропологомъ Г. де Лапужемъ (G. de Lapouge), который даетъ различнымъ физическимъ типамъ названія по Линнеевой системѣ, не обращая при этомъ никакого вниманія на исторію и племенное происхожденіе; наприм.: Homo europaeus, Homo Afer, Homo contractus и т. д. Упомянутый мало-азіатскій типъ подошелъ бы, относительно формы головы, ближе всего

[1]) Онъ заимствовалъ это названіе у Геродота, упоминающаго его, говоря о племени, жившемъ у подножія Арарата.

подъ опредѣленіе Homo alpinus Лапужа [1]), но мы будемъ называть его просто Homo syriacus, что̀ значитъ—первобытный житель Сиріи, не входя въ дальнѣйшія разсужденія по этому вопросу. Совершенно такъ же, какъ для семитическаго типа намъ послужилъ точкой опоры бедуинъ, мы находимъ особенно характернаго представителя сирійскаго человѣческаго типа въ племени хеттеевъ; правда, оно уже не существуетъ среди насъ какъ національная индивидуальность, но мы имѣемъ о немъ свѣдѣнія изъ исторіи и день ото дня знакомимся съ нимъ ближе, благодаря многочисленнымъ изображеніямъ: важное значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что именно съ этимъ племенемъ израильтяне вступили въ Палестинѣ въ особенно близкія сношенія. Этотъ Homo syriacus отличается вполнѣ опредѣленнымъ, выдающимся, въ анатомическомъ отношеніи характернымъ признакомъ: онъ принадлежитъ къ числу круглоголовыхъ или, какъ говорятъ естествоиспытатели, — къ «брахицефаламъ» (brachycephalus), то есть у нихъ широкій черепъ: ширина его почти равна длинѣ [2]). Бедуинъ же, а также и всякій

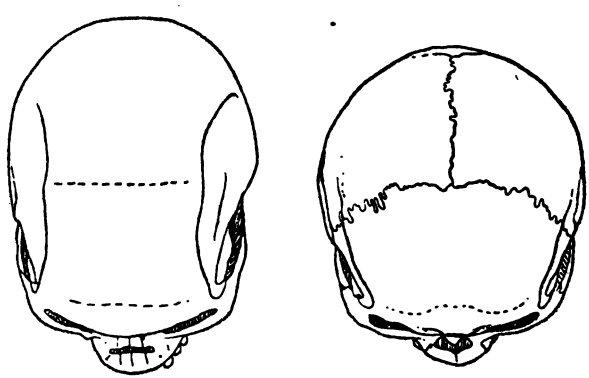
---

[1]) Lapouge, «La dépopulation de la France», «Revue d'Antropol.», 1888, стр. 79. Ф. фонъ Люшанъ (F. von Luschan) особенно подчеркнулъ сходство сирійскаго человѣческаго типа съ савоярскимъ (Относительно этихъ же вопросовъ о племенахъ см. и въ прибавленіяхъ).

[2]) У типичнаго долихоцефала отношеніе ширины черепа къ его длинѣ не должно превышать 75 : 100; у типичнаго брахицефала отношеніе ширины къ длинѣ равняется или превышаетъ 80 : 100. Когда я слушалъ лекціи антропологіи у Карла Фохта, у всѣхъ слушателей были сдѣланы краніометрическія измѣренія съ цѣлью практическихъ занятій по этому предмету. У

мало-мальски чистокровный семитъ, — несомнѣнные «долихоцефалы», т. е. длинноголовые (dolichocephali). Фонъ Люшанъ говоритъ: «Продолговатыя, узкія головы— самая выдающаяся особенность нынѣшнихъ бедуиновъ: ее же мы должны были бы приписать въ той же степени древнѣйшимъ арабскимъ племенамъ, даже въ томъ случаѣ, если бы это предположеніе не нашло себѣ подтвержденія въ многочисленныхъ, къ счастью, сохранившихся на египетскихъ памятникахъ до нашего времени, изображеніяхъ[1]). Конечно, дѣло не ограничивается однимъ

одного изъ насъ былъ констатированъ рѣдкій показатель—92, то есть голова его была почти шаровидна; это былъ армянинъ—



Долихоцефалъ. Брахицефалъ.

(По de Mortillet).

типичнѣйшій представитель упомянутой формы сирійскаго черепа!

[1]) F. von Luschan: «Die anthropologische Stellung des Juden» (лекція, читанная въ общемъ собраніи Нѣм. Антрополог. Общества въ 1892 г.). Изъ этой лекціи, кратко резю-

этимъ анатомическимъ признакомъ; круглой головѣ соотвѣтствуетъ тучная фигура; это выраженіе совсѣмъ особеннаго физіологическаго склада. Но при сравнительныхъ изслѣдованіяхъ черепъ является для опредѣленія уже давно отжившихъ человѣческихъ племенъ какъ самой удобной, такъ и самой знаменательной частью скелета; рядомъ съ безконечно разнообразными индивидуальными чертами черепъ упорно сохраняетъ свою типичную форму. Но кромѣ того хеттея характеризуетъ еще другая, гораздо болѣе рѣзкая особенность, къ сожалѣнію, весьма тлѣнная, такъ какъ основой ей служатъ не кости, а хрящи; но она прекрасно сохранилась на изображеніяхъ и знакома намъ изъ личныхъ наблюденій: это носъ. Такъ называемый «еврейскій носъ»—хеттейское наслѣдіе! У истаго аравитянина, то есть у чистокровнаго бедуина, обыкновенно «короткій, маленькій и мало загнутый носъ» (я ссылаюсь на фонъ Люшана и на приложенные рисунки человѣческихъ типовъ), и даже тамъ, гдѣ у него нѣчто въ родѣ орлинаго носа, онъ никогда не принимаетъ формы «гасильника» («Löschhorn», по выраженію филолога фонъ Цезена), какъ специфическій, всѣмъ извѣстный армяно-еврейскій носъ. Вслѣдствіе непрерывнаго племеннаго смѣшенія съ круглоголовымъ типомъ чужого народа, израильтянинъ съ теченіемъ времени утратилъ свою узкую, продолговатую голову и взамѣнъ ея получилъ въ подарокъ такъ называемый «еврейскій носъ». Несомнѣнно, продолговатая

мирующей обширные научные труды, я впослѣдствіи приведу нѣсколько выдержекъ; она помѣщена въ «CorrespondenzBlatt» упомянутаго Общества за 1892 г. №№ 9 и 10.

Хеттей.

голова еще встрѣчалась у израильтянъ, въ особенности у высшаго класса она, вѣроятно, сохранилась дольше, чѣмъ у низшихъ; и среди теперешнихъ евреевъ насчитываютъ еще нѣкоторый незначительный процентъ дѣйствительныхъ долихоцефаловъ, но число ихъ все убываетъ. При діагнозѣ на принадлежность къ еврейскому племени ни въ какомъ случаѣ нельзя полагаться исключительно на форму носа; и понятно,—почему: это наслѣдіе перешло ко всѣмъ народностямъ, смѣшавшимся съ сирійскимъ племенемъ. Все сказанное объ антропологическихъ признакахъ хеттея не гипотеза, подобно тѣмъ, которыя встрѣчаются въ такомъ изобиліи въ богословскихъ критическихъ трудахъ, а это несомнѣнный результатъ точнаго научнаго изслѣдованія, произведеннаго надъ богатымъ, вполнѣ достаточнымъ по количеству матеріаломъ[1]).

Хеттей.

Матеріалъ этотъ относится какъ къ самымъ древнѣйшимъ эпохамъ и къ нашему времени, такъ и ко всѣмъ промежуточнымъ вѣкамъ; добытые изъ него результаты удивительно подтверждаются найденными въ Египтѣ и Сиріи изображеніями, касательно которыхъ удалось мало-по-малу устано-

[1]) Von Luschan'a «Mittheilungen» des Jahres 1892. Свѣдѣнія эти основаны на 60.000 измѣреніяхъ (!)

[illegible] они относятся. [illegible] извѣстной сте- [illegible] обращенія из- [illegible] изъ нихъ [illegible] ве- [illegible] сравни- [illegible] ѣхамъ еврейской [illegible] сталъ [illegible] лишь въ царствованіе [illegible] израильскихъ воиновъ [illegible] хеттей и полу-хеттей, только лишь [illegible] могли бы въ крайнемъ случаѣ сойти за физіономіи бедуиновъ, но они нерѣдко еще больше напоминаютъ обыкновенныя еврейскія черты (см., наприм., изображеніе, слывущее за портретъ царя Ровоама, сына Соломона).

Послѣ этихъ замѣчаній мы переходимъ отъ общей доисторической сферы вліяній къ частной—ханаанской, дѣйствіе которой также обнимало тысячелѣтіе слишкомъ: относительно ея въ нашемъ распоряженіи большое число вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ. Еще до того, какъ евреи-израильтяне удостоились быть увѣковѣченными египетскими художниками, они переселились изъ Месопотаміи въ землю Ханаанскую. Мы здѣсь должны отличать первое ихъ появленіе въ этой странѣ отъ второго: въ первый ихъ приходъ они были тамъ пастухами-кочевниками и жили въ мирѣ и согласіи съ законными владѣльцами тамошнихъ городовъ и воздѣланной земли, во второй—они явились въ страну въ качествѣ завоевателей. Въ первомъ случаѣ они были малочисленнымъ племенемъ, во второмъ—цѣлымъ народомъ. Какъ бы сомнительны и

спорны ни были нѣкоторыя историческія частности, слѣдующій фактъ установленъ, какъ нѣчто достовѣрное: при своемъ первомъ появленіи въ Ханаанской землѣ евреи застали тамъ, въ качествѣ коренного населенія, хеттеевъ, тѣхъ самыхъ хеттевъ, которые были однимъ изъ самыхъ значительныхъ отпрысковъ вышеупомянутаго homo syriacus.

Авраамъ говоритъ жителямъ Хеврона, «сынамъ Хетовымъ», какъ онъ называетъ ихъ: «Я у васъ пришелецъ и поселенецъ» (кн. Бытія XXIII, 3—4), и онъ проситъ «въ собственность мѣсто для гроба», чтобы схоронить умершую жену свою Сарру, какъ можетъ просить только терпимый среди чужого народа гость. Старшій сынъ Исаака Исавъ женатъ лишь на дочеряхъ хеттеянъ (кн. Бытія XXVI, 34), младшаго—Іакова отправляютъ въ далекую Месопотамію, чтобы онъ выбралъ себѣ въ жены еврейскую дѣвушку. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что таковыхъ въ Палестинѣ или совсѣмъ не было, или тамъ были только такія, которыя въ имущественномъ отношеніи считались недостойными его. Исаакъ, повидимому, не настаивалъ на этомъ: онъ согласился бы на бракъ сына и съ богатой хеттейкой, но Ревекка, его жена, родомъ изъ Месопотаміи, не ладила со своими хеттейскими невѣстками, женами Исава, и заявила: «Я жизни не рада отъ дочерей хеттейскихъ; если Іаковъ возьметъ жену изъ дочерей хеттейскихъ, каковы эти, изъ дочерей этой земли: то къ чему мнѣ и жизнь?» (кн. Бытія XXVII, 46). Изъ числа сыновей Іакова сообщается о Іудѣ, что онъ былъ женатъ на хеттейкахъ (I кн. Паралипоменонъ II, 3). Эти народныя сказанія поучительны въ историческомъ отно-

шеніи: они убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ памяти евреевъ сохранилось ясное воспоминаніе о ихъ пребываніи, въ качествѣ очень малочисленнаго пастушескаго племени, среди чужого имъ цивилизованнаго народа, который жилъ въ городахъ и отнесся къ нимъ дружелюбно; богатые старѣйшины этого рода могли позволять себѣ роскошь вывозить для своихъ сыновей женъ изъ прежней родины; но сыновья ихъ охотнѣе слѣдовали влеченію собственнаго сердца, чѣмъ принципу обособленности: они вступали въ бракъ съ окружавшими ихъ дѣвушками, съ которыми они видѣлись; исключеніе составляли развѣ такіе безсердечные дѣльцы, какимъ былъ несимпатичный Іаковъ. Что касается юношей изъ бѣдныхъ слоевъ народа, то они, конечно, довольствовались такими женами, какія попадались имъ подъ руку. Кромѣ того, надо еще имѣть въ виду дѣтей, рожденныхъ рабынями. Такъ, напримѣръ, у Іакова изъ двѣнадцати сыновей четверо—дѣти рабынь, но они пользуются тѣми же правами, какъ и остальные. Все это относится

Истый бедуинъ нашего времени [1]).

[1]) Съ фотографіи, помѣщенной въ Ratzel's «Völkerkunde». Остальные рисунки взяты съ извѣстныхъ рельефовъ на египетскихъ памятникахъ.

къ упоминаемому Библіей первому столкновенію евреевъ съ хеттеями. Затѣмъ, согласно сказанію, послѣдовало ихъ долгое пребываніе въ пограничной египетской области Гесемъ. Но и здѣсь израильтяне не были окружены со всѣхъ сторонъ хеттеями. Хеттейское населеніе простиралась вплоть до Египта, гдѣ въ то время царствовали родственные имъ въ племенномъ отношеніи гиксосы. Городъ Танисъ (Tanis), служившій центромъ, вокругъ котораго расположилось еврейское населеніе Гесема, былъ по существу своему хеттейскимъ городомъ; онъ съ древнѣйшихъ временъ находился въ сношеніяхъ съ Хеврономъ; двинувшись со своими стадами изъ Хеврона въ окрестности Таниса, израильтяне остались въ той же этнографической сферѣ [1]). Когда же они, впослѣдствіи, возвратились въ Ханаанъ въ качествѣ завоевателей и покорили съ теченіемъ времени хананеянъ, въ составъ которыхъ входили главнымъ образомъ хетте, то вступили съ послѣдними въ еще болѣе близкія сношенія. Мною уже раньше было указано на то обстоятельство, что хананеянинъ не исчезъ. Прочтите 1-ю главу книги Судей. Вельгаузенъ также удостовѣряетъ, что: «Израильтяне покоряли первоначальное на-

Израильтянинъ-аморей, по предположенію, сынъ Соломона Ровоамъ.

[1]) Сравни Renan'a «Israël» I, гл. 10.

селеніе страны (Палестины) безъ всякой системы; они врѣзались въ него какъ бы клиномъ... Объ окончательномъ покореніи всей страны не можетъ быть и рѣчи». А о томъ, какъ эта чужая, несемитическая кровь постепенно проникала все глубже и глубже въ еврейскую, тотъ же авторъ сообщаетъ: « Самый знаменательный процессъ періода Судей—сліяніе новаго населенія страны (израильтянъ) съ коренным,—вообще говоря, совершился безшумно. Въ израильтянахъ временъ царей была весьма значительная примѣсь хананейской крови; они никоимъ образомъ не были чистокровными потомками израильтянъ, нѣкогда пришедшихъ изъ Египта. Если бы израильтяне истребили давнишнее осѣдлое населеніе страны, то они обратили бы ее въ пустыню и сами лишили бы себя плодовъ своего завоеванія. Щадя его и какъ бы жертвуя собою для него, израильтяне постепенно сжились съ его культурой и усвоили ее себѣ. Такъ они поселились въ домахъ, построенныхъ не ими, и захватили въ свои руки поля и сады, воздѣланные тоже другими; они всюду явились счастливыми наслѣдниками своихъ предшественниковъ, воспользовавшись плодами ихъ труда. Такимъ путемъ съ ними произошла знаменательная по своимъ послѣдствіямъ внутренняя перемѣна: они быстро обратились въ культурной народъ»[1]. Еще раньше израильтяне переняли у хеттеевъ письменные знаки[2] (быть можетъ, въ Хевронѣ,

[1] Wellhausen. «Israelitische und jüdische Geschichte». 3-е изданіе. стр. 37, 46 и 48.

[2] Benzinger. «Israël». I. стр. 156.

а можетъ быть—и въ Танисѣ. Теперь они научились у нихъ земледѣлію и винодѣлію и заимствовали у нихъ же искусство строить города и управлять ими; словомъ, благодаря ихъ посредничеству, они стали цивилизованными людьми. Имъ же обязаны они основаніемъ своего государства: эти разнородныя племена, недовѣрчиво обособленныя и вѣчно ревновавшія другъ друга, никогда не сплотились бы воедино, если бъ хананеяне не сыграли тутъ роли «связавшаго ихъ въ одно государство элемента». Но этимъ дѣло не ограничилось; религіозныя ихъ представленія также получили отъ хананеянъ особенную окраску и организацію: Ваалъ, богъ земледѣлія и мирнаго труда, слился съ Іеговой, богомъ войны и разбойничьихъ набѣговъ. До какой степени Ваалъ былъ въ почетѣ у израильтянъ, видно изъ слѣдующихъ фактовъ (вопреки всѣмъ позднѣйшимъ поправкамъ іудеевъ): перваго израильскаго героя на палестинской почвѣ звали Іерооваломъ [1]) (кромѣ того онъ взялъ себѣ въ жены хеттейку): первый царь израильскій Саулъ называетъ одного изъ своихъ сыновей Ешбаломъ, Давидъ одного изъ своихъ—Ваалиадой, Іонаѳанъ своего единственнаго сына—Мерибаломъ и т. д. Институтъ пророковъ израильтяне тоже заимствовали у хананеевъ, а также весь внѣшній культъ и преданія, относившіяся къ святымъ мѣстамъ [2]). Нѣтъ надобности приводить

[1]) Это фактъ, который позднѣйшая редакція Библіи стремилась скрыть (кн. Судей VI, 32), тогда какъ древнѣйшая и не подумала объ этомъ (I кн. Царствъ XII, 11).

[2]) Сравни съ Wellhausen, вышеназв. соч., стр. 40 и слѣд. 102 и слѣд. О святыхъ мѣстахъ см. сочиненіе того же автора: «Prolegomena zur Geschichte Israels», 4-ое изд., стр. 18 и слѣд.

здѣсь то, что всякій можетъ найти въ Библіи (правда, часто скрытымъ за такой массой чуждыхъ нашему слуху именъ, что трудно разобраться въ этомъ безъ надежнаго путеводителя), а именно: какую значительную роль играли въ исторіи израильтянъ хеттеи и родственное имъ племя филистимлянъ. Пока сліяніе этихъ народностей съ израильтянами не достигло весьма широкихъ размѣровъ, такъ что различіе въ названіяхъ изгладилось, можно всюду указать чужеземныя имена. Въ особенности часты они среди лучшихъ воиновъ; а между тѣмъ сколько именно изъ этихъ данныхъ, вѣроятно, исчезло потомъ изъ Библіи, вслѣдствіе ея позднѣйшей іудейской редакціи, которая стремилась по возможности изгнать изъ нея все чужое и вызвать фикцію о чистокровномъ происхожденіи іудейскаго племени отъ Авраама. Отрядъ тѣлохранителей Давида состоялъ, если не всецѣло, то по большей части, изъ людей, не принадлежавшихъ къ израильскому племени: хеттеи и [illegible] занимали въ немъ отвѣтственныя мѣста вождей: эллины и филистимляне, а также [illegible] другихъ чужеземныхъ народностей, отчасти сирійскаго, отчасти [illegible] еврейскаго происхожденія, [illegible] главный контингентъ [illegible] Давидъ [illegible]

[illegible]

ще завоевалъ себѣ престолъ лишь при помощи филистимлянъ и, вѣроятно, въ качествѣ ихъ вассала[1]). Онъ и дѣлалъ все, что̀ отъ него зависѣло, чтобы ускорить слія-ніе израильтянъ съ сосѣдними племенами, и самъ подавалъ къ тому примѣръ, вступая въ бракъ съ дочерьми сирійцевъ и индоевропейцевъ.

XII.

Аморей.

Такъ какъ у меня сорвалось съ пера слово «индоевропеецъ», то я теперь же скажу нѣсколько подробнѣе о фактѣ, котораго я до сихъ поръ касался лишь вскользь. Населеніе Ханаана состояло по преимуществу, но не исключительно, изъ хеттеевъ; въ тѣсной связи съ ними жили амореи, занимавшіе, однако, нерѣдко цѣлые отдѣльные округа, почему они въ значительной степени сохранили чистокровность своего племени. Амореи эти были бѣлокуры, голубоглазы, высокаго роста и отличались бѣлизной своей кожи; они вторглись въ Ханаанъ «съ сѣвера», то есть они пришли изъ Европы, почему египтяне называли ихъ «тамегу» («tamehu»), что̀ значитъ «сѣверяне»; они, повидимому, пришли въ Палестину незадолго до возвращенія израильтянъ изъ Египта[2]) (но

---

[1]) Wellhausen, «Israelitische und jüdische Geschichte», 3-ье изданіе, стр. 58.

[2]) Въ книгѣ Бытія (XIV, 13) говорится о томъ, что уже Авраамъ жилъ мирно въ союзѣ съ тремя амореями въ долинѣ Хеврона, но это не имѣетъ, конечно, значенія въ историческомъ отношеніи.

это, конечно, проблематично). На востокъ отъ Іордана ими были основаны могущественныя государства, съ которыми израильтянамъ пришлось впослѣдствіи вести не разъ войну; часть ихъ проникла въ самую глубь Палестины, гдѣ они жили въ тѣсной дружбѣ съ хеттеями [1]). Наконецъ, часть изъ нихъ присоединилась къ филистимлянамъ и притомъ—въ такомъ большомъ числѣ (можетъ быть, благодаря непосредственному притоку ихъ съ запада, находившагося уже всецѣло въ рукахъ эллиновъ), что нѣкоторые историки считали филистимлянъ племенемъ существенно арійско-европейскимъ [2]). Эти наши родичи были тѣми «дѣтьми Энаковыми», тѣми людьми исполинскаго роста, которые навели на израильтянъ ужасъ, когда послѣдніе впервые прокрались тайкомъ въ южную Палестину для развѣдокъ (Числъ XIII); къ нимъ принадлежалъ храбрый Голіаѳъ, вызвавшій израильтянъ на рыцарскій поединокъ и по-

---

[1]) См. въ особенности Sayce, «Races of the old Testament», стр. 119 и слѣд.

[2]) Сравни Renan'a «Israël» II, кн. 3, гл. 3. Объ эллинскомъ происхожденіи части филистимлянъ и о переходѣ черезъ нихъ извѣстнаго числа греческихъ словъ въ еврейскій языкъ см. также Renan'a «Israël» I, стр. 157, и Maspero, «Histoire ancienne» II, стр. [illegible]. Впрочемъ, вопросъ о происхожденіи филистимлянъ и амореевъ еще спорный; мы можемъ предоставить разобраться въ этомъ историкамъ и богословамъ; результаты, даваемые антропологіей, наукой точной, имѣютъ первенствующее значеніе, и филологія должна подчиняться имъ, а не наоборотъ; что амореи, а также часть филистимлянъ были бѣлокурые, голубоглазые люди высокаго роста и долихоцефалы,—это несомнѣнно; слѣдовательно, они принадлежали къ типу homo europaeus. Для насъ, неученыхъ, этого достаточно

гибшій отъ коварно брошеннаго камня [1]); къ нимъ же мы должны отнести тѣхъ «рефаимовъ», которые были вооружены исполинскими копьями и носили тяжелую металлическую броню (I кн. Царствъ XVII, 5 и слѣд. и II Царствъ XXI, 16 и слѣд.). И если Библія и разсказываетъ о подвигахъ израильтянъ при ихъ борьбѣ съ этими рослыми бѣлокурыми людьми, то она, съ другой стороны, все-таки не могла умолчать о томъ, что именно изъ нихъ-то (и еще изъ очень дикаго, чистокровнаго индоевропейскаго племени геѳянъ) Давидъ набиралъ своихъ лучшихъ, надежнѣйшихъ воиновъ. Филистимлянъ побѣдили лишь при помощи самихъ же филистимлянъ; амореевъ лишь при содѣйствіи амореевъ же. Геѳяне, напримѣръ, не были покорены Давидомъ, а подчинились ему добровольно (II книга Царствъ XV, 19 и слѣд.), изъ любви къ войнѣ.

Аморей.

Вождь ихъ Евѳей былъ назначенъ военачальникомъ цѣлой трети израильской арміи (II кн. Царствъ XVIII, 2). Ренанъ говоритъ объ этомъ «арійскомъ отрядѣ», какъ

---

[1]) Преданіе, приписывающее Давиду этотъ малодушный поступокъ, вставлено въ Библію лишь впослѣдствіи; подлинный текстъ находится во II кн. Царствъ XXI, 19 (Сравни Stade, «Geschichte des Volkes Israel» I, 225 и слѣд.). Чтобы правильно судить о характерѣ Давида, это необходимо знать.

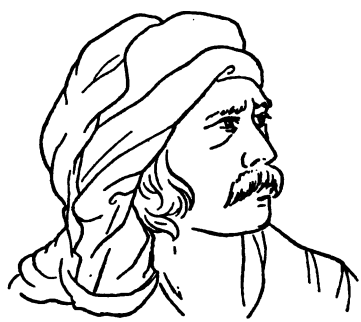
вить, къ какимъ историческимъ эпохамъ они относятся. На египетскихъ памятникахъ можно до извѣстной степени прослѣдить процессъ постепеннаго обращенія израильтянина въ іудея, хотя и на древнѣйшихъ изъ нихъ евреи обнаруживаютъ уже мало чертъ неподдѣльнаго семитическаго типа (эти изображенія относятся къ сравнительно не слишкомъ отдаленнымъ эпохамъ еврейской исторіи, такъ какъ еврейскій народъ сталъ извѣстенъ за предѣлами своей страны лишь въ царствованіе Соломона). Здѣсь въ качествѣ израильскихъ воиновъ изображены истые хетеи и полу-хетеи; только лица вождей могли бы, въ крайнемъ случаѣ, сойти за физіономіи бедуиновъ, но они нерѣдко еще больше напоминаютъ обыкновенныя еврейскія черты (См., наприм., изображеніе, слывущее за портретъ царя Ровоама, сына Соломона).

Послѣ этихъ замѣчаній мы переходимъ отъ общей доисторической сферы вліяній къ частной—хананаской, дѣйствіе которой также обнимало тысячелѣтіе слишкомъ; относительно ея въ нашемъ распоряженіи большое число вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ. Еще до того, какъ евреи-израильтяне удостоились быть увѣковѣченными египетскими художниками, они переселились изъ Месопотаміи въ землю Хананаскую. Мы здѣсь должны отличать первое ихъ появленіе въ этой странѣ отъ второго: въ первый ихъ приходъ они были тамъ пастухами-кочевниками и жили въ мирѣ и согласіи съ законными владѣльцами тамошнихъ городовъ и возделанной земли, во второй—они явились въ страну въ качествѣ завоевателей. Въ первомъ случаѣ они были малочисленнымъ племенемъ, во второмъ—цѣлымъ народомъ. Какъ бы сомнительны и

спорны ни были нѣкоторыя историческія частности, слѣдующій фактъ установленъ, какъ нѣчто достовѣрное: при своемъ первомъ появленіи въ Ханаанской землѣ евреи застали тамъ, въ качествѣ коренного населенія, хеттеевъ, тѣхъ самыхъ хеттевъ, которые были однимъ изъ самыхъ значительныхъ отпрысковъ вышеупомянутаго homo syriacus.

Авраамъ говоритъ жителямъ Хеврона, «сынамъ Хетовымъ», какъ онъ называетъ ихъ: «Я у васъ пришелецъ и поселенецъ» (кн. Бытія XXIII, 3—4), и онъ проситъ «въ собственность мѣсто для гроба», чтобы схоронить умершую жену свою Сарру, какъ можетъ просить только терпимый среди чужого народа гость. Старшій сынъ Исаака Исавъ женатъ лишь на дочеряхъ хеттеянъ (кн. Бытія XXVI, 34), младшаго—Іакова отправляютъ въ далекую Месопотамію, чтобы онъ выбралъ себѣ въ жены еврейскую дѣвушку. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что таковыхъ въ Палестинѣ или совсѣмъ не было, или тамъ были только такія, которыя въ имущественномъ отношеніи считались недостойными его. Исаакъ, повидимому, не настаивалъ на этомъ: онъ согласился бы на бракъ сына и съ богатой хеттейкой, но Ревекка, его жена, родомъ изъ Месопотаміи, не ладила со своими хеттейскими невѣстками, женами Исава, и заявила: «Я жизни не рада отъ дочерей хеттейскихъ; если Іаковъ возьметъ жену изъ дочерей хеттейскихъ, каковы эти, изъ дочерей этой земли: то къ чему мнѣ и жизнь?» (кн. Бытія XXVII, 46). Изъ числа сыновей Іакова сообщается о Іудѣ, что онъ былъ женатъ на хеттейкахъ (I кн. Паралипоменонъ II, 3). Эти народныя сказанія поучительны въ историческомъ отно-

шеніи: они убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ памяти евреевъ сохранилось ясное воспоминаніе о ихъ пребываніи, въ качествѣ очень малочисленнаго пастушескаго племени, среди чужого имъ цивилизованнаго народа, который жилъ въ городахъ и отнесся къ нимъ дружелюбно; богатые старѣйшины этого рода могли позволять себѣ роскошь вывозить для своихъ сыновей женъ изъ прежней родины; но сыновья ихъ охотнѣе слѣдовали влеченію собственнаго сердца, чѣмъ принципу обособленности: они вступали въ бракъ съ окружавшими ихъ дѣвушками, съ которыми они видѣлись; исключеніе составляли развѣ такіе безсердечные дѣльцы, какимъ былъ несимпатичный Іаковъ. Что касается юношей изъ бѣдныхъ слоевъ народа, то они, конечно, довольствовались такими женами, какія попадались имъ подъ руку. Кромѣ того, надо еще имѣть въ виду дѣтей, рожденныхъ рабынями. Такъ, напримѣръ, у Іакова изъ двѣнадцати сыновей четверо—дѣти рабынь, но они пользуются тѣми же правами, какъ и остальные. Все это относится



Истый бедуинъ нашего времени [1]).

[1]) Съ фотографіи, помѣщенной въ Ratzel's «Völkerkunde». Остальные рисунки взяты съ извѣстныхъ рельефовъ на египетскихъ памятникахъ.

къ упоминаемому Библіей первому столкновенію евреевъ съ хеттеями. Затѣмъ, согласно сказанію, послѣдовало ихъ долгое пребываніе въ пограничной египетской области Гесемъ. Но и здѣсь израильтяне не были окружены со всѣхъ сторонъ хеттеями. Хеттейское населеніе простиралась вплоть до Египта, гдѣ въ то время царствовали родственные имъ въ племенномъ отношеніи гиксосы. Городъ Танисъ (Tanis), служившій центромъ, вокругъ котораго расположилось еврейское населеніе Гесема, былъ по существу своему хеттейскимъ городомъ; онъ съ древнѣйшихъ временъ находился въ сношеніяхъ съ Хевроном; двинувшись со своими стадами изъ Хеврона въ окрестности Таниса, израильтяне остались въ той же этнографической сферѣ [1]). Когда же они, впослѣдствіи, возвратились въ Ханаанъ въ качествѣ завоевателей и покорили съ теченіемъ времени хананеянъ, въ составъ которыхъ входили главнымъ образомъ хетте, то вступили съ послѣдними въ еще болѣе близкія сношенія. Мною уже раньше было указано на то обстоятельство, что хананеянинъ не исчезъ. Прочтите 1-ю главу книги Судей. Вельгаузенъ также удостовѣряетъ, что: «Израильтяне покоряли первоначальное на-

Израильтянинъ-аморей, по предположенію, сынъ Соломона Ровоамъ.

[1]) Сравни Renan'a «Israël» I, гл. 10.

селеніе страны (Палестины) безъ всякой системы; они врѣзались въ него какъ бы клиномъ... Объ окончательномъ покореніи всей страны не можетъ быть и рѣчи». А о томъ, какъ эта чужая, несемитическая кровь постепенно проникала все глубже и глубже въ еврейскую, тотъ же авторъ сообщаетъ:« Самый знаменательный процессъ періода Судей—сліяніе новаго населенія страны (израильтянъ) съ кореннымъ,—вообще говоря, совершился безшумно. Въ израильтянахъ временъ царей была весьма значительная примѣсь ханаанейской крови; они никоимъ образомъ не были чистокровными потомками израильтянъ, нѣкогда пришедшихъ изъ Египта. Если бы израильтяне истребили давнишнее осѣдлое населеніе страны, то они обратили бы ее въ пустыню и сами лишили бы себя плодовъ своего завоеванія. Щадя его и какъ бы жертвуя собою для него, израильтяне постепенно сживались съ его культурой и усвоивали ее себѣ. Такъ они поселились въ домахъ, построенныхъ не ими, и захватили въ свои руки поля и сады, воздѣланные тоже другими; они всюду явились счастливыми наслѣдниками своихъ предшественниковъ, воспользовавшись плодами ихъ труда. Такимъ путемъ съ ними произошла знаменательная по своимъ послѣдствіямъ внутренняя перемѣна: они быстро обратились въ культурной народъ» [1]). Еще раньше израильтяне переняли у хеттеевъ письменные знаки [2]) (быть можетъ, въ Хевронѣ,

---

[1]) Wellhausen, «Israelitische und jüdische Geschichte», 3-е изданіе, стр. 37, 46 и 48.

[2]) Renan, «Israël», I, стр. 136.

а можетъ быть—и въ Танисѣ. Теперь они научились у нихъ земледѣлію и винодѣлію и заимствовали у нихъ же искусство строить города и управлять ими; словомъ, благодаря ихъ посредничеству, они стали цивилизованными людьми. Имъ же обязаны они основаніемъ своего государства: эти разнородныя племена, недовѣрчиво обособленныя и вѣчно ревновавшія другъ друга, никогда не сплотились бы воедино, если бъ хананеяне не сыграли тутъ роли «связавшаго ихъ въ одно государство элемента». Но этимъ дѣло не ограничилось; религіозныя ихъ представленія также получили отъ хананеянъ особенную окраску и организацію: Ваалъ, богъ земледѣлія и мирнаго труда, слился съ Іеговой, богомъ войны и разбойничьихъ набѣговъ. До какой степени Ваалъ былъ въ почетѣ у израильтянъ, видно изъ слѣдующихъ фактовъ (вопреки всѣмъ позднѣйшимъ поправкамъ іудеевъ): перваго израильскаго героя на палестинской почвѣ звали Іерооваломъ [1]) (кромѣ того онъ взялъ себѣ въ жены хеттейку): первый царь израильскій Саулъ называетъ одного изъ своихъ сыновей Ешбаломъ, Давидъ одного изъ своихъ—Ваалиадой, Іонаѳанъ своего единственнаго сына—Мерибаломъ и т. д. Институтъ пророковъ израильтяне тоже заимствовали у хананеевъ, а также весь внѣшній культъ и преданія, относившіяся къ святымъ мѣстамъ [2]). Нѣтъ надобности приводить

[1]) Это фактъ, который позднѣйшая редакція Библіи стремилась скрыть (кн. Судей VI, 32), тогда какъ древнѣйшая и не подумала объ этомъ (I кн. Царствъ XII, 11).

[2]) Сравни съ Wellhausen, вышеназв. соч., стр. 40 и слѣд. 102 и слѣд. О святыхъ мѣстахъ см. сочиненіе того же автора: «Prolegomena zur Geschichte Israels», 4-ое изд., стр. 18 и слѣд.

здѣсь то, что всякій можетъ найти въ Библіи (правда, часто скрытымъ за такой массой чуждыхъ нашему слуху именъ, что трудно разобраться въ этомъ безъ надежнаго путеводителя), а именно: какую значительную роль играли въ исторіи израильтянъ хеттеи и родственное имъ племя филистимлянъ. Пока сліяніе этихъ народностей съ израильтянами не достигло весьма широкихъ размѣровъ, такъ что различіе въ названіяхъ изгладилось, можно всюду указать чужеземныя имена. Въ особенности часты они среди лучшихъ воиновъ; а между тѣмъ сколько именно изъ этихъ данныхъ, вѣроятно, исчезло потомъ изъ Библіи, вслѣдствіе ея позднѣйшей іудейской редакціи, которая стремилась по возможности изгнать изъ нея все чужое и вызвать фикцію о чистокровномъ происхожденіи іудейскаго племени отъ Авраама. Отрядъ тѣлохранителей Давида состоялъ, если не всецѣло, то по большей части, изъ людей, не принадлежавшихъ къ израильскому племени: хеттеи и геѳяне занимали въ немъ отвѣтственныя мѣста вождей; эллины и филистимляне, а также люди всевозможныхъ другихъ чужеземныхъ народностей, отчасти сирійскаго, отчасти чисто еврейскаго происхожденія, составляли главный контингентъ[1]). Давидъ вооб-

[1]) Къ нимъ надо еще присовокупить арабовъ, евреевъ, не принадлежавшихъ къ израильскому племени, арамеевъ и всевозможныхъ псевдо-семитовъ. Такъ какъ, согласно произведенной въ царствованіе Давида, крайне неточной, переписи (впрочемъ совершенно ложной), при этомъ царѣ въ Израильскомъ государствѣ и Іудеѣ якобы насчитывали 1.300,000 способныхъ къ военной службѣ лицъ (II кн. Царствъ XXIV), то мы выносимъ впечатлѣніе, что сами израильтяне не отличались воинственнымъ духомъ. См. въ особенности Renan'a «Israël» I, книга 3, гл. I.

ще завоевалъ себѣ престолъ лишь при помощи филистимлянъ и, вѣроятно, въ качествѣ ихъ вассала[1]). Онъ и дѣлалъ все, что̀ отъ него зависѣло, чтобы ускорить слія-ніе израильтянъ съ сосѣдними племенами, и самъ подавалъ къ тому примѣръ, вступая въ бракъ съ дочерьми сирійцевъ и индоевропейцевъ.

XII.

Аморей.

Такъ какъ у меня сорвалось съ пера слово «индоевропеецъ», то я теперь же скажу нѣсколько подробнѣе о фактѣ, котораго я до сихъ поръ касался лишь вскользь. Населеніе Ханаана состояло по преимуществу, но не исключительно, изъ хеттеевъ; въ тѣсной связи съ ними жили амореи, занимавшіе, однако, нерѣдко цѣлые отдѣльные округа, почему они въ значительной степени сохранили чистокровность своего племени. Амореи эти были бѣлокуры, голубоглазы, высокаго роста и отличались бѣлизной своей кожи; они вторглись въ Ханаанъ «съ сѣвера», то есть они пришли изъ Европы, почему египтяне называли ихъ «тамегу» («tamehu»), что̀ значитъ «сѣверяне»; они, повидимому, пришли въ Палестину незадолго до возвращенія израильтянъ изъ Египта[2]) (но

---

[1]) Wellhausen, «Israelitische und jüdische Geschichte», 3-ье изданіе, стр. 58.

[2]) Въ книгѣ Бытія (XIV, 13) говорится о томъ, что уже Авраамъ жилъ мирно въ союзѣ съ тремя амореями въ долинѣ Хеврона, но это не имѣетъ, конечно, значенія въ историческомъ отношеніи.

это, конечно, проблематично). На востокъ отъ Іордана ими были основаны могущественныя государства, съ которыми израильтянамъ пришлось впослѣдствіи вести не разъ войну; часть ихъ проникла въ самую глубь Палестины, гдѣ они жили въ тѣсной дружбѣ съ хеттеями [1]). Наконецъ, часть изъ нихъ присоединилась къ филистимлянамъ и притомъ—въ такомъ большомъ числѣ (можетъ быть, благодаря непосредственному притоку ихъ съ запада, находившагося уже всецѣло въ рукахъ эллиновъ), что нѣкоторые историки считали филистимлянъ племенемъ существенно арійско-европейскимъ [2]). Эти наши родичи были тѣми «дѣтьми Энаковыми», тѣми «людьми исполинскаго роста», которые навели на израильтянъ ужасъ, когда послѣдніе впервые прокрались тайкомъ въ южную Палестину для развѣдокъ (Чиселъ XIII); къ нимъ принадлежалъ храбрый Голіаѳъ, вызвавшій израильтянъ на рыцарскій поединокъ и по-

---

[1]) См. въ особенности Sayce, «Races of the old Testament», стр. 110 и слѣд.

[2]) Сравни Renan'a «Israël» II, кн. 3, гл. 3. Объ эллинскомъ происхожденіи части филистимлянъ и о переходѣ черезъ нихъ извѣстнаго числа греческихъ словъ въ еврейскій языкъ см. также Renan'a «Israël» I, стр. 157, и Maspero, «Histoire ancienne» II, стр. 698. Впрочемъ, вопросъ о происхожденіи филистимлянъ и амореевъ еще спорный; мы можемъ предоставить разобраться въ этомъ историкамъ и богословамъ; результаты, даваемые антропологіей, наукой точной, имѣютъ первенствующее значеніе, и филологія должна подчиняться имъ, а не наоборотъ: что амореи, а также часть филистимлянъ были бѣлокурые, голубоглазые люди высокаго роста и долихоцефалы,—это несомнѣнно: слѣдовательно они принадлежали къ типу homo europaeus. Для насъ, неученыхъ, этого достаточно

гибшій отъ коварно брошеннаго камня [1]); къ нимъ же мы должны отнести тѣхъ «рефаимовъ», которые были вооружены исполинскими копьями и носили тяжелую металлическую броню (I кн. Царствъ XVII, 5 и слѣд. и II Царствъ XXI, 16 и слѣд.). И если Библія и разсказываетъ о подвигахъ израильтянъ при ихъ борьбѣ съ этими рослыми бѣлокурыми людьми, то она, съ другой стороны, все-таки не могла умолчать о томъ, что именно изъ нихъ-то (и еще изъ очень дикаго, чистокровнаго индоевропейскаго племени геѳянъ) Давидъ набиралъ своихъ лучшихъ, надежнѣйшихъ воиновъ. Филистимлянъ побѣдили лишь при помощи самихъ же филистимлянъ; амореевъ лишь при содѣйствіи амореевъ же. Геѳяне, напримѣръ, не были покорены Давидомъ, а подчинились ему добровольно (II книга Царствъ XV, 19 и слѣд.), изъ любви къ войнѣ.

Аморей.

Вождь ихъ Евѳей былъ назначенъ военачальникомъ цѣлой трети израильской арміи (II кн. Царствъ XVIII, 2). Ренанъ говоритъ объ этомъ «арійскомъ отрядѣ», какъ

---

[1]) Преданіе, приписывающее Давиду этотъ малодушный поступокъ, вставлено въ Библію лишь впослѣдствіи; подлинный текстъ находится во II кн. Царствъ XXI, 19 (Сравни Stade, «Geschichte des Volkes Israel» I, 225 и слѣд.). Чтобы правильно судить о характерѣ Давида, это необходимо знать.

укоръ, дѣлаемый благочестивымъ іудеемъ жителямъ Іерусалима, такъ какъ тогдашніе великіе міра сего не переставали подавать въ этомъ отношеніи примѣръ; кромѣ того онъ самъ, какъ уроженецъ Іерусалима, былъ плодомъ этого смѣшенія трехъ элементовъ. Дѣло въ томъ, что Іезекіилю, родоначальнику іудейства въ собственномъ значеніи этого слова, уже представлялась, хотя и смутно, идея о чистокровномъ іудеѣ, что̀ въ своемъ родѣ—contradictio in adjecto. Именно у іудея было въ жилахъ больше аморейской крови, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ израильскихъ колѣнъ, и по той простой причинѣ, что аморейское населеніе было значительно гуще на югѣ Палестины, въ областяхъ, принадлежавшихъ колѣнамъ Симеона, Іуды и Веніамина, тогда какъ дальше на сѣверъ оно было крайне малочисленно. Египетскіе памятники, на которыхъ весьма характерно изображены типы разныхъ народностей, служатъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что жители южной части Израильскаго царства во времена Соломона и его преемниковъ, въ особенности военачальники, отличались рѣзко выраженнымъ аморейскимъ (индоевропейскимъ) типомъ [1]).

Не разъ уже поднимали вопросъ, не былъ ли самъ Давидъ наполовину (или даже въ большой степени) амореемъ? Въ Библіи неоднократно подчеркивается, что онъ былъ бѣлокуръ, а Вирховъ доказалъ въ безчисленномъ множествѣ своихъ статистическихъ трудовъ, что «кожа съ ея придатками еще болѣе устойчивы, чѣмъ черепъ»; но бѣлизна кожи и свѣтлые волосы ни когда не встрѣчались у евреевъ и вообще у людей, при-

[1]) См. рисунокъ стр. 77.

надлежащихъ къ сирійской племенной группѣ; эти характерныя особенности европейца появились въ тѣхъ краяхъ лишь съ приходомъ туда амореевъ и эллиновъ; вотъ почему бѣлокурость Давида обращала на себя вниманіе [1]). При такихъ условіяхъ нельзя считать слишкомъ большой смѣлостью, если мы предположимъ, что у пастуха родомъ изъ Виелеема (то есть изъ мѣстности, гуще другихъ населенной амореями) мать была аморейка. На мой взглядъ, его характеръ,—какъ крупные недостатки его, такъ и симпатичныя особенности: его смѣлость, любовь къ приключеніямъ, беззаботность и мечтательность, а также его стремленіе организовать государство и объединить враждовавшія между собою колѣна (что возбудило противъ него ненависть израильтянъ) отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ израильскихъ героевъ. На то же указываетъ его несомнѣнная симпатія къ филистимлянамъ (см. напр. во II кн. Царствъ XXI, 3), у которыхъ онъ охотно состоялъ на службѣ въ качествѣ воина; къ этой

---

[1]) Лютеръ перевелъ текстъ, на который мы ссылаемся здѣсь (I кн. Царствъ XVI, 12 и XVII, 42), словомъ «braunlich» (каштановый) [въ русск. переводѣ Библіи изд. Англ. Библ. Общ.—«русый» (I кн. Царствъ XVI, 12) и «румянъ» (I кн. Царствъ XVII, 42).—Примѣч. переводч.]. Гезеніусъ же переводитъ соотвѣтственное еврейское выраженіе на нѣмецкій языкъ словомъ «rot» (рыжій) и указываетъ на то, что оно обыкновенно относилось лишь къ волосамъ; но при этомъ онъ старается доказать, что у Давида были черные волосы и что здѣсь это слово относится, слѣдовательно, къ цвѣту его лица (въ изданіи 1899 г. эта попытка апологетики спасти чистокровное происхожденіе Давида упущена); но лучшіе научные переводы настоящаго времени понимаютъ это выраженіе въ смыслѣ «бѣлокурый», то есть можно принять за достовѣрное, что у Давида волосы были свѣтлые.

онъ называетъ его: «Онъ отличался такой же храбростью, какъ арабы, но превосходилъ ихъ своей вѣрностью; чтобы основать нѣчто прочное, надо было опереться на него... Имъ были обезсилены коварные заговоры Авесалома, Себы и Адоніи; имъ же спасенъ пошатнувшійся престолъ Соломона... Онъ служилъ Израильскому царству спаивающимъ его элементомъ» [1]). Но эти люди были не только храбрыми и вѣрными воинами, но и строителями городовъ; у нихъ города были лучше построены и укрѣплены, чѣмъ у другихъ племенъ [2]) (Второзаконіе I, 28), и въ особенности одинъ изъ нихъ пріобрѣлъ міровое значеніе: неподалеку отъ Хеврона, столицы своихъ союзниковъ—хеттеевъ, они основали новый городъ—Іерусалимъ. Царь іерусалимскій, выступившій противъ Іисуса Навина, былъ аморей (кн. Іисуса Нав. X, 5); и если дальше говорится, что онъ былъ побѣжденъ израильтянами и убитъ вмѣстѣ съ другими царями, то къ этому надо относиться,—какъ и вообще во всей книгѣ Іисуса Навина,—съ большой осторожностью; на самомъ дѣлѣ дѣло двигалось очень медленно и евреямъ удалось покорить страну лишь съ большимъ трудомъ, лишь благодаря содѣйствію чужихъ элементовъ [3]). Во всякомъ случаѣ городъ Іерусалимъ оставался въ рукахъ амореевъ вплоть до царствованія Давида. Кромѣ нихъ тамъ жили хеттеи въ большомъ числѣ (Библія

---

[1]) Renan, «Israël» II, 30—32.

[2]) О новѣйшихъ раскопкахъ аморейскихъ городовъ Flinder и Petrie, обнаружившихъ стѣны толщиною въ $2^1/_2$ метра, сообщаетъ Sayce, «Races of the Old Testament», стр. 112.

[3]) См. въ особенности — Wellhausen, «Prolegomena...», во многихъ мѣстахъ.

называетъ это смѣшанное населеніе іевусеями), но израильтянъ тамъ не было: Давидъ завоевалъ эту сильную крѣпость только на восьмомъ году своего царствованія и лишь благодаря своимъ чужеземнымъ наемникамъ, и избралъ ее своей столицей, вслѣдствіе ея выгоднаго положенія. Но хеттейско-аморейское населеніе города и дальше не утратило своего значенія [1]): чтобы поставить жертвенникъ, Давиду пришлось купить участокъ земли у богатаго аморея (II кн. Царствъ XXIV, 18 и слѣд.) и въ домѣ геѳянина, одного изъ своихъ военачальниковъ, пользовавшагося его довѣріемъ, оставляетъ онъ священный ковчегъ завѣта, когда онъ перевозитъ послѣдній въ Іерусалимъ [2]) (II кн. Царствъ VI, 10).

У пророка Іезекіиля (XVI, 3) Іегова говоритъ городу Іерусалиму [3]): «Твой корень и твоя родина—въ землѣ Хананской; отецъ твой—аморей и мать твоя—хеттеянка», послѣ чего Онъ начинаетъ упрекать израильтянъ въ томъ, что они смѣшались съ чужими элементами (XVI, 15): «Ты понадѣялась на красоту твою и, пользуясь славой твоей, стала блудить и расточала блудодѣйство твое на всякаго мимоходящаго, отдаваясь ему»—крайне наивный

---

[1]) Книга Іисуса Нав. XV, 63: «Но іевусеевъ, жителей Іерусалима, не могли изгнать сыны Іудины, и потому іевусеи живутъ съ сынами Іуды въ Іерусалимѣ даже до сего дня».

[2]) Что Аведдаръ былъ дѣйствительно геѳянинъ, какъ указано въ приведенномъ текстѣ (и въ I кн. Паралипоменонъ XIII, 13, гдѣ далѣе, въ XV главѣ, въ ст. 18 и слѣд., онъ названъ Оведъ-Едомъ.—Прим. переводч.), а не левитъ, какъ сообщаетъ позднѣйшая редакція (I кн. Паралипоменонъ XV, 17 и слѣд.), это доказалъ Wellhausen, «Prolegomena...», стр. 42.

[3]) «Дщери Іерусалима». Прим. переводч.

укоръ, дѣлаемый благочестивымъ іудеемъ жителямъ Іерусалима, такъ какъ тогдашніе великіе міра сего не переставали подавать въ этомъ отношеніи примѣръ; кромѣ того онъ самъ, какъ уроженецъ Іерусалима, былъ плодомъ этого смѣшенія трехъ элементовъ. Дѣло въ томъ, что Іезекіилю, родоначальнику іудейства въ собственномъ значеніи этого слова, уже представлялась, хотя и смутно, идея о чистокровномъ іудеѣ, что̀ въ своемъ родѣ—contradictio in adjecto. Именно у іудея было въ жилахъ больше аморейской крови, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ израильскихъ колѣнъ, и по той простой причинѣ, что аморейское населеніе было значительно гуще на югѣ Палестины, въ областяхъ, принадлежавшихъ колѣнамъ Симеона, Іуды и Веніамина, тогда какъ дальше на сѣверъ оно было крайне малочисленно. Египетскіе памятники, на которыхъ весьма характерно изображены типы разныхъ народностей, служатъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что жители южной части Израильскаго царства во времена Соломона и его преемниковъ, въ особенности военачальники, отличались рѣзко выраженнымъ аморейскимъ (индоевропейскимъ) типомъ [1]).

Не разъ уже поднимали вопросъ, не былъ ли самъ Давидъ наполовину (или даже въ большой степени) амореемъ? Въ Библіи неоднократно подчеркивается, что онъ былъ бѣлокуръ, а Вирховъ доказалъ въ безчисленномъ множествѣ своихъ статистическихъ трудовъ, что «кожа съ ея придатками еще болѣе устойчивы, чѣмъ черепъ»; но бѣлизна кожи и свѣтлые волосы ни когда не встрѣчались у евреевъ и вообще у людей, при-

[1]) См. рисунокъ стр. 77.

надлежащихъ къ сирійской племенной группѣ; эти характерныя особенности европейца появились въ тѣхъ краяхъ лишь съ приходомъ туда амореевъ и эллиновъ; вотъ почему бѣлокурость Давида обращала на себя вниманіе [1]). При такихъ условіяхъ нельзя считать слишкомъ большой смѣлостью, если мы предположимъ, что у пастуха родомъ изъ Виѳлеема (то есть изъ мѣстности, гуще другихъ населенной амореями) мать была аморейка. На мой взглядъ, его характеръ,—какъ крупные недостатки его, такъ и симпатичныя особенности: его смѣлость, любовь къ приключеніямъ, беззаботность и мечтательность, а также его стремленіе организовать государство и объединить враждовавшія между собою колѣна (что возбудило противъ него ненависть израильтянъ) отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ израильскихъ героевъ. На то же указываетъ его несомнѣнная симпатія къ филистимлянамъ (см. напр. во II кн. Царствъ XXI, 3), у которыхъ онъ охотно состоялъ на службѣ въ качествѣ воина; къ этой

[1]) Лютеръ перевелъ текстъ, на который мы ссылаемся здѣсь (I кн. Царствъ XVI, 12 и XVII, 42), словомъ «braunlich» (каштановый) [въ русск. переводѣ Библіи изд. Англ. Библ. Общ.—«русый» (I кн. Царствъ XVI, 12) и «румянъ» (I кн. Царствъ XVII, 42).—Примѣч. переводч.]. Гезеніусъ же переводитъ соотвѣтственное еврейское выраженіе на нѣмецкій языкъ словомъ «rot» (рыжій) и указываетъ на то, что оно обыкновенно относилось лишь къ волосамъ; но при этомъ онъ старается доказать, что у Давида были черные волосы и что здѣсь это слово относится, слѣдовательно, къ цвѣту его лица (въ изданіи 1899 г. эта попытка апологетики спасти чистокровное происхожденіе Давида упущена); но лучшіе научные переводы настоящаго времени понимаютъ это выраженіе въ смыслѣ «бѣлокурый», то есть можно принять за достовѣрное, что у Давида волосы были свѣтлые.

удивительной чертѣ присоединяется еще не менѣе замѣчательный фактъ, на который обращаетъ наше вниманіе Ренанъ (Renan, «Israël» II, 35), а именно,—что онъ на войнѣ обращался великодушно съ филистимлянами, съ еврейскими же племенами — съ ужасающей жестокостью, какъ будто они были въ глубинѣ души ненавистны ему. Если бъ оказалось, что это предположеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то Соломона едва ли можно считать израильтяниномъ: трудно допустить, чтобы мать его Вирсавія, жена хеттея Уріи, была израильтянкой [1]). На этомъ основаніи было бы нетрудно объяснить своеобразное несоотвѣтствіе между натурой и стремленіями Соломона съ одной стороны и характеромъ израильтянъ и іудеевъ съ другой. Ренанъ говоритъ безъ обиняковъ: Salomon n'entendait rien à la vraie vocation de sa race» («Соломонъ окончательно не понималъ истиннаго призванія своего народа»); онъ былъ, со всѣми своими желаніями и преслѣдуемыми имъ цѣлями, чужой среди народа, къ величію котораго онъ стремился. Такимъ образомъ оказалось бы, что этотъ кратковременный эпизодъ расцвѣта израильскаго народа—Давидъ и Соломонъ — былъ дѣйствительно лишь «эпизодъ», вызванный строптивой силой совершенно чужой крови, проникшей въ жилы Израиля, но вскорѣ заглушенной непреклонной волей сиросемита, не желавшаго идти по этой дорогѣ, да и неспособнаго къ этому.

---

[1]) Renan, «Israël» II, 97.

XIII.

Цифровыя данныя.

Итакъ, очевидно, что въ нашемъ распоряженіи достаточное количество матеріала, относящагося къ тому, что выше мною было названо «частной сферой вліяній». Если бы цѣль наша не ограничивалась изслѣдованіемъ вопроса о происхожденіи іудея, то можно было бы присовокупить къ сказанному еще многое. Напримѣръ, что потомки Іосифа, самые даровитые и энергичные изъ израильскихъ родовъ (изъ нихъ вышли: Іисусъ Навинъ, Самуилъ и Іероваалъ и др., а также великая династія Омридовъ) были полуегиптянами (что̀ сообщается съ краткостью, свойственной народнымъ сказаніямъ, въ кн. Бытія XLI, 45, гдѣ разсказано, какъ Іосифъ женился на дочери геліопольскаго жреца, ставшей впослѣдствіи матерью его двухъ сыновей — Манассіи и Ефрема). Но фактъ этотъ имѣетъ мало значенія или даже вовсе лишенъ его—при установленіи іудейской генеалогіи въ виду того, что законъ воспрещалъ браки между членами различныхъ израильскихъ колѣнъ, а это дѣлало ихъ почти невозможными, всегдашняя же рѣзко выраженная антипатія іосифитовъ къ іудеямъ — особенно невѣроятными. Столь же безполезно касаться здѣсь столкновеній израильтянъ съ нѣкоторыми другими еврейскими племенами. Второстепенное значеніе имѣетъ также притокъ негритянской крови, поступившей уже гораздо позже въ жилы іудеевъ, жившихъ эмигрантами въ Александріи. Явные признаки этого послѣдняго процесса обна-

руживаетъ и понынѣ не одинъ исповѣдникъ «Моисеева закона». Сказаннаго достаточно, чтобы представить себѣ въ общихъ чертахъ антропологію іудея. Мы видѣли, что историческій израильтянинъ, выдѣлившій изъ себя лишь впослѣдствіи истаго іудея, несомнѣнно продуктъ племеннаго смѣшенія. Уже при первомъ своемъ появленіи въ исторіи онъ представляетъ собою помѣсь, а именно—еврея; послѣдній продолжаетъ заключать браки съ иноплеменными несемитическаго происхожденія: во-первыхъ, съ хеттеями, отраслью получившаго широкое распространеніе и рѣзко очерченнаго человѣческаго типа—homo syriacus; во-вторыхъ, съ рослыми, бѣлокурыми, голубоглазыми амореями изъ индоевропейской группы. Теперь къ историческому свидѣтельству присоединяется неоспоримое свидѣтельство точной науки. Ф. фонъ Люшанъ формулируетъ его въ своей, упомянутой уже не разъ, лекціи слѣдующимъ образомъ: «Племенной составъ евреевъ слѣдующій: первая составная часть—истые семиты, вторая—арійскіе амореи, третья и главная—потомки древнихъ хеттеевъ. Рядомъ съ этими тремя важными элементами еврейства остальныя примѣси лишены всякаго значенія». Подчеркнемъ при этомъ, что приведенный діагнозъ дѣйствителенъ для еврея нашихъ временъ въ той же мѣрѣ, въ какой и для іудеевъ въ моментъ ихъ отдѣленія отъ Іерапля: измѣренія производились какъ надъ древнѣйшимъ, такъ и надъ новѣйшимъ матеріаломъ и дали тотъ результатъ, что дальнѣйшая примѣсь къ іудейскому племени чужихъ элементовъ (какъ-то: испанцевъ, кельтъ-французовъ и т. д.), которая такъ охотно поощряется фельетонистами и елейными моралистами, осталась безъ всякаго вліянія: такое

характерное по своему составу племя, какъ іудейское, строго оберегавшее свою чистокровность въ продолженіе многихъ столѣтій, съ величайшей легкостью всасываетъ и растворяетъ въ себѣ такія незначительныя капли чужой крови, какъ эти.

Итакъ, первый пунктъ можно считать покончennымъ: народъ израилевъ — продуктъ племенного смѣшенія весьма разнородныхъ человѣческихъ типовъ.

Второй пунктъ, въ которомъ предстоитъ разсмотрѣть соотношеніе между этими различными племенами, займетъ, поскольку онъ касается статистики, всего нѣсколько строкъ. Но какова цѣль этихъ цифровыхъ данныхъ, если мы не связываемъ съ ними опредѣленныхъ представленій? Это было бы нѣчто въ родѣ x, y, z элементарной алгебры: выводъ вѣренъ, но не имѣетъ опредѣленнаго значенія, такъ какъ всѣ три величины неизвѣстны; поэтому качественный анализъ этихъ различныхъ племенъ отниметъ у насъ больше времени, чѣмъ количественный.

Что касается количественнаго состава израильской крови, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что сравнительно съ тѣми милліонами, которые жили въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій, и 60,000 измѣреній еще мало; недопустимо, чтобы добытые такимъ путемъ результаты примѣнялись къ единичнымъ индивидуумамъ: массовая статистика безсильна приподнять хотя бы даже край завѣсы, прикрывающей личность. Но надо сообразить и слѣдующее: кромѣ индивидуальности единичной личности существуетъ еще индивидуальность цѣлаго народа въ его совокупности. Къ этой отвлеченной личности цифры примѣняются уже значительно успѣш-

нѣе. По принадлежности извѣстнаго лица къ той или иной человѣческой расѣ я не могу судить о томъ, какъ онъ поступитъ въ извѣстномъ случаѣ; но какъ въ томъ же случаѣ будетъ вести себя цѣлая толпа итальянцевъ, какъ коллективная единица, или такая же толпа норвежцевъ.—это я могу предсказать съ большой вѣроятностью.

Слѣдовательно, при изученіи характера цѣлаго народа антропологическія цифры могутъ оказаться для насъ дѣйствительно цѣнными. Цифры эти для еврея (какъ тогдашняго, такъ и теперешняго, какъ для жителя Востока, такъ и Западной Европы) слѣдующія: 50 процентовъ относится къ рѣзко-выраженному типу homo syriacus (круглыя головы, характерные, такъ называемые «еврейскіе», носы, склонность къ тучности и т. д.); только 5 процентамъ свойственны черты и анатомическій складъ истаго семита (бедуина—жителя пустыни), у 10 процентовъ встрѣчается цвѣтъ волосъ и кожи, иногда и цвѣтъ лица, указывающіе на происхожденіе отъ аморея, индоевропейскаго племени; наконецъ — 35 процентовъ представляютъ собою неопредѣленныя смѣшанныя формы—нѣчто въ родѣ «комбинированныхъ фотографій» Ломброзо, создающихъ физіономіи, въ которыхъ одна черта находится въ противорѣчіи съ другой: черепа не длинны, какъ у чистокровнаго семита, но и не овальны, какъ у аморея, и также не круглы, какъ у сирійца; носы не отличаются ни хеттейскимъ, ни арійскимъ, ни семитическимъ характеромъ, или же носъ извѣстнаго типа, а у головы нѣтъ соотвѣтствующаго этому типу формы, и т. д. до безконечности. Главнымъ результатомъ этого анатомическаго изслѣдованія является то,

что хотя еврейское племя теперь типъ постоянный, но по существу своему оно продуктъ племенного смѣшенія, постоянно сохраняющій характеръ послѣдняго. Всѣ великія историческія расы и націи—результатъ племенного смѣшенія; но тамъ, гдѣ различіе между типами непримиримо въ силу своей крайней рѣзкости, — тамъ отъ такого смѣшенія получаются ублюдки. Это случилось и здѣсь. Съ анатомической точки зрѣнія скрещиваніе бедуина съ сирійцемъ нѣчто еще болѣе непозволительное, чѣмъ испанца съ южно-американскимъ индѣйцемъ. И къ этой-то смѣси впослѣдствіи присоединился еще ферментъ индоевропейской примѣси.

XIV.

Сознаніе племенной вины.

Мы принуждены особенно подчеркнуть только что упомянутое обстоятельство: хотя бы этотъ процессъ и происходилъ безсознательно, но онъ, тѣмъ не менѣе, долженъ быть названъ противуестественнымъ, престу пленіемъ, своего рода кровосмѣшеніемъ; слѣдствіемъ его можетъ быть лишь либо жалкая, либо трагическая судьба. Другія еврейскія народности и съ нимъ іосифиты жалко погибли: они безслѣдно исчезли, подобно племенамъ самыхъ выдающихся псевдо-семитическихъ помѣсей (финикіянъ, вавилонянъ и др.); іудей же, напротивъ, избралъ трагическую судьбу: это служитъ доказательствомъ его величія, и въ этомъ дѣйствительно кроется его величіе. Мнѣ вскорѣ придется возвратиться къ этой темѣ, такъ какъ его рѣшимость была равно-

сильна основанію іудейства; скажу здѣсь лишь объ одномъ, такъ какъ этому мѣсто здѣсь и, насколько мнѣ извѣстно, пока никѣмъ еще не было сдѣлано это указаніе: то глубокое сознаніе грѣховности, которое тяготѣло надъ еврейскимъ народомъ [1]) (въ дни его доблести) и вылилось у его выдающихся людей въ такую потрясающую форму, коренится въ указанныхъ физическихъ условіяхъ. Разсудокъ и всѣмъ свойственное тщеславіе, конечно, нашли этому другое объясненіе, но инстинктъ въ данномъ случаѣ оказался глубже ума; какъ только истребленіе израильтянъ ассиріянами и Вавилонское плѣненіе пробудили въ іудеѣ совѣсть, такъ первымъ его поступкомъ было положить предѣлъ вышеуказанному кровосмѣшенію (какъ я назвалъ этотъ процессъ, повторяя буквально выраженіе пророка Іезекіиля) путемъ изданія строгаго закона, воспрещающаго всякое племенное смѣшеніе, даже съ близко родственными племенами. Указывали на необъяснимое противорѣчіе, заключающееся въ томъ, что евреи, внесшіе въ радостный міръ вѣчно угрожающее понятіе о грѣхѣ, понимаютъ подъ послѣднимъ совсѣмъ не то, что̀ мы. Дѣло въ томъ, что для нихъ грѣхъ—вопросъ національный, единичная же личность «безъ грѣха», если она не нарушила «закона» [2]); «подъ опасеніемъ разумѣется не

---

[1]) Wellhausen, «Prolegomena», 4-ое изданіе, стр. 431: «Послѣ Вавилонскаго плѣненія сознаніе грѣховности сдѣлалось у іудеевъ состояніемъ постояннымъ».

[2]) См. Матѳея XIX, 20. Еврей Грецъ (Graetz) и нынѣ еще одобряетъ слова богатаго юноши и удостовѣряетъ, что требованіе «раскаянія въ грѣхахъ» не имѣетъ никакого смысла для іудея («Volkstümliche Geschichte der Juden», I, 577).

нравственное освобожденіе индивидуума, а спасеніе государства» [1]): для нашего пониманія уже въ этомъ камень преткновенія. Но къ нему присоединяется и другой: безсознательно совершенный грѣхъ для еврея равносиленъ прегрѣшенію сознательному [2]). «Понятіе о грѣхѣ у еврея не стоитъ въ неразрывной связи съ понятіемъ о совѣсти грѣшника, въ немъ не заключается представленія о нравственно дурномъ поступкѣ; оно указываетъ лишь на извѣстную отвѣтственность передъ закономъ [3]). Монтефіоре поэтому и подчеркиваетъ, что, согласно взгляду законодателя эпохи, послѣдовавшей за возвращеніемъ іудеевъ изъ Вавилона, «грѣхомъ считалось не оскверненіе индивидуальной души, а физической чистоты, нарушеніе того непонятнаго чистаго состоянія страны и ея обитателей, которое было непремѣннымъ условіемъ для дальнѣйшаго пребыванія Бога среди своего народа и въ своемъ святилищѣ» (Вышеназв. соч., стр. 326).

Какъ уже сказано, я убѣжденъ, что разгадка этого замѣчательнаго, исполненнаго противорѣчій представленія кроется въ исторіи физическаго возникновенія и развитія этого племени: его существованіе -грѣхъ,

---

[1]) W. Robertson Smith, «The Prophets of Israel and their place in history», изд. 1895 г., стр. 247.

[2]) Idem, p. 102; Montefiore, «Religion of the ancient Hebrews», 2-е изд., стр. 558 (Прибавленіе Rabbi Schechte).

[3]) R. Smith, вышеназв. соч., стр. 103. Онъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ: «Подъ грѣхомъ евреи разумѣютъ всякое дѣйствіе, обусловливающее виновность человѣка по отношенію къ тому, кто имѣетъ власть наказать за содѣянный проступокъ». Вышеназв. соч., стр. 246. См. прибавленія.

преступленіе противъ священныхъ законовъ жизни; такъ, по крайней мѣрѣ, смотритъ на это самъ еврей въ тѣ моменты своей исторіи, когда судьба ломится къ нему въ дверь. Здѣсь требуетъ очищенія не индивидуумъ, а весь народъ, и притомъ не отъ сознательно, а безсознательно совершеннаго преступленія, что̀ невозможно; пророкъ Іеремія восклицаетъ, обращаясь къ своему народу (II 22): «Хотя бы ты умылся мыломъ и много употребилъ на себя щелоку,—нечестіе твое отмѣчено предо Мною». И вотъ, чтобы уничтожить это неизгладимое пятно прошлаго, чтобы перенести грѣхъ въ настоящее, гдѣ сознаніе и сила воли могутъ положить ему предѣлъ, и чтобы создать чистотѣ обитель, пришлось поддѣлать всю еврейскую исторію съ самаго ея начала, представить евреевъ безукоризненно чистокровнымъ народомъ, избраннымъ Богомъ изъ всѣхъ народовъ земного шара, и затѣмъ установить драконовскіе законы противъ всякаго племеннаго смѣшенія. Тѣ, кто совершилъ это, не были лжецами, какъ думаютъ многіе: это были люди, дѣйствовавшіе подъ давленіемъ такой великой опасности, сознаніе которой одно лишь способно возвысить человѣка надъ самимъ собою и обратить его въ безсознательное орудіе, вызывающее грандіознѣйшіе переломы судьбы [1]).

---

[1]) Слова Іереміи (VIII, 8): «Мы мудры, и законъ Господень у насъ? А вотъ, лживая трость книжниковъ и его превращаетъ въ ложь»—объясняли какъ протестъ противъ только что совершившагося тогда включенія въ Библію Второзаконія Моисея и разработки и передѣлки такъ называемаго Моисеева законодательства (о существованіи котораго не зналъ ни одинъ

Если что-нибудь въ силахъ спасти насъ отъ ослѣпленія нашего столѣтія, освободить насъ отъ фразерства нашихъ авторитетовъ [1]) и открыть намъ глаза на законъ природы, гласящій, что великіе народы являются лишь результатомъ облагороженнаго племени, облагороженіе же это можетъ совершиться только при извѣстныхъ условіяхъ, несоблюденіе которыхъ влечетъ за собой упадокъ и безплодіе, то это именно созерцаніе этой глубоко задуманной, отчаянной борьбы, которую неустанно ведетъ еврейскій народъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ къ сознанію своего племенного грѣха.

изъ пророковъ): толкованіе это не лишено основанія, по мнѣнію благочестиваго еврея Монтефіоре: «Religion of the ancient Hebrews», стр. 201, 202.

[1]) Г. фонъ Люшанъ также видитъ спасеніе въ «окончательномъ сліяніи и раствореніи другъ въ другѣ» всѣхъ человѣческихъ расъ, какъ это ясно изъ заключенія его труда, столь цѣннаго въ статистическомъ отношеніи для опредѣленія этнографическаго мѣста, занимаемаго евреемъ. Не вѣрится ни глазамъ, ни ушамъ, когда ученики школы Вирхова переходятъ отъ фактовъ къ идеямъ! Вся исторія человѣчества доказываетъ намъ, что прогрессъ неразлучно связанъ съ постепеннымъ дифференцированіемъ и индивидуализаціей; мы только и видимъ жизнь и стремленіе впередъ тамъ, гдѣ рѣзко выраженныя народныя индивидуальности борются между собою (какъ теперь въ Европѣ); лучшія природныя свойства глохнутъ подъ давленіемъ племенного однообразія (примѣромъ служитъ Китай). Племенное смѣшеніе противоположныхъ другъ другу типовъ ведетъ, какъ мы видѣли, къ безплодію и уродству во всѣхъ областяхъ органической жизни, и тѣмъ не менѣе—всеобщее сліяніе должно стать нашимъ идеаломъ! Неужели эти господа не сознаютъ, что однообразіе и хаосъ синонимы?! «Я предпочелъ бы всему этому абсолютную пустоту».

XV.

Homo syriacus.

Если мы возвратимся теперь къ антропологическимъ цифрамъ, то окажемся въ виду трудно разрѣшимой задачи: черепа поддавались измѣренію и носы—счету, но каково отношеніе полученныхъ результатовъ къ внутреннему «я» еврея? Кости черепа мы держимъ въ рукахъ; онѣ представляютъ собою то, что Карлейль называетъ «a hard fact» (голый фактъ). Правда, этотъ черепъ—символъ цѣлаго міра; тотъ, кто сумѣлъ бы надлежащимъ образомъ взвѣсить его и объяснить взаимное отношеніе его линій,—могъ бы сказать многое о соотвѣтствующемъ ему индивидуумѣ: онъ усмотрѣлъ бы альтернативы, къ которымъ изслѣдуемое племя отнесется сознательно лишь черезъ нѣсколько поколѣній, и грани, служащія разъ навсегда неодолимымъ препятствіемъ для сближенія между людьми.

Разсматривая вышеизображенные два черепа, продолговатый и круглый, мы какъ бы сезерцаемъ два маленькихъ самостоятельныхъ міра. Но мы лишены дара такого разгадыванія: мы судимъ о людяхъ по ихъ поступкамъ, то есть строго говоря,—косвеннымъ путемъ, и по методу, страдающему пробѣлами, такъ какъ дѣйствія эти обусловливаются лишь извѣстными обстоятельствами. Здѣсь нѣтъ ничего цѣльнаго. А между тѣмъ, протоплазма одноклѣточной амебы—такое безконечно сложное образованіе, что химики все еще не знаютъ, сколько атомовъ содержитъ одна молекула и какъ со-

единить ихъ въ мало-мальски возможную символическую формулу? У кого же хватило бы смѣлости свести всего человѣка или даже цѣлый народъ къ одной формулѣ? Поэтому нижеслѣдующія характеристики хеттеевъ, амореевъ и семитовъ имѣютъ цѣль служить лишь только общей руководящей нитью.

На египетскихъ изображеніяхъ хетгеи производятъ впечатлѣніе далеко не глубокомысленныхъ людей. Донельзя рѣзко обрисовывающійся «еврейскій» носъ переходитъ кверху въ отлогій лобъ [1]), а книзу—въ еще болѣе отступающій назадъ подбородокъ [2]). Возможно, что homo syriacus и дѣйствительно не отличался большими дарованіями; насколько мнѣ извѣстно, и въ настоящее время, когда онъ, по слухамъ, начинаетъ опять брать верхъ, въ немъ не замѣчается проявленія особенныхъ способностей. Но онъ несомнѣнно обладалъ хорошими качествами. Что раса его вышла побѣдительницей изъ всевозможныхъ племенныхъ смѣшеній и продолжаетъ господствовать надъ другими элементами, это доказываетъ большую физическую силу. Ей соотвѣтствовали выносливость и трудолюбіе. Судя по немногимъ дошедшимъ до насъ изображеніямъ, онъ былъ уменъ и даже очень хитеръ (что, какъ извѣстно, не имѣетъ никакого отношенія къ геніальности, даже совсѣмъ напротивъ). Умъ его подтверждается и его исторіей: онъ сумѣлъ господ-

---

[1]) Front fuyant», какъ говорятъ французы.

Примѣч. переводч.

[2]) См. въ особенности изображенія на хеттейскомъ памятникѣ близъ Аинтаба (Sayce, «Hittites», стр. 62) и помѣщенныя здѣсь (стр. 67) изображенія типовъ, взятыя съ египетскихъ памятниковъ.

ствовать и сумѣлъ подчиняться чужой власти, воспользовавшись при этомъ самыми выгодными для себя условіями. Онъ обратилъ безплодныя мѣстности въ воздѣланныя и построилъ города, когда населеніе достигло значительныхъ размѣровъ; въ качествѣ купца, дѣловитость его была такъ значительна, что въ Ветхомъ Завѣтѣ слова «купецъ» и «хананеянинъ»—синонимы. Продолжительная борьба его съ Египтомъ [1]) доказываетъ, что онъ былъ храбрымъ воиномъ, умѣвшимъ умирать на полѣ брани; то же подтверждается наличностью такихъ характеровъ, какимъ былъ Урія [2]). Всѣ его довольно разнообразные портреты выражаютъ доброту. Легко представить себѣ, что именно эти люди, одинаково далекіе какъ отъ символической миѳологіи, такъ и отъ фанатичнаго усердія жителей пустыни, могли установить тотъ безъискусственный культъ, который израильтяне застали въ Палестинѣ и усвоили себѣ; къ нему относились: праздникъ осенняго сбора винограда

---

[1]) Хеттеи, повидимому, господствовали надъ всей Сиріей, а также и надъ Малой Азіей въ продолженіе долгаго періода времени; могущество ихъ не уступало могуществу египтянъ въ эпоху ихъ высшаго расцвѣта (См. Wright: «Empire of the Hittites», изд. 1886 г., и Saycе, «The Hittites», изд. 1892 г.). Но при обсужденіи этого вопроса требуется нѣкоторая осторожность, такъ какъ письмена еще не разобраны; если хеттейскія физіономіи, одежда, искусство и пр. и сложились въ наукѣ въ извѣстное понятіе, то исторія этого народа, о которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ничего не знали, еще очень темна.

[2]) См. II кн. Царствъ XI. Какое достойное мужественное поведеніе Уріи! Рядомъ съ пагубнымъ легкомысліемъ Давида, это строгое, почти безмолвное исполненіе долга производитъ хорошее впечатлѣніе.

(совпадавшій съ началомъ новаго года и названный евреями впослѣдствіи праздникомъ «кущъ», «кущами»); праздникъ весны (наша Святая), обращенный евреями въ праздникъ Пасхи, сопряженный съ жертвоприношеніемъ первенцевъ рогатаго скота; праздникъ жатвы (наша Троица, названный евреями «Wochenfest»),— праздники народа, ставшаго уже съ давнихъ поръ осѣдлымъ и земледѣльческимъ,—не торжества кочевниковъ. Они лишены всякой болѣе глубокой связи съ внутренней жизнью человѣка. Это простое обоготвореніе природы,— религія, отвѣчающая потребностямъ обыкновенныхъ трудолюбивыхъ, «довольно честныхъ» людей [1]). Такъ какъ люди приносились въ жертву лишь тамъ, гдѣ семитическій элементъ преобладалъ надъ остальнымъ населеніемъ [2]) (какъ напримѣръ въ Финикіи), то мы въ правѣ предположить, что всюду, гдѣ хананейскій культъ Ваала допускалъ такого рода омерзительныя явленія при отправленіи богослуженія (о чемъ мы слышимъ лишь въ видѣ исключенія и, повидимому, только тамъ, гдѣ чуже-

---

[1]) Сравни съ подробнымъ изложеніемъ Wellhausen, «Israelitische und jüdische Geschichte», гл. 6. Не взирая на позднѣйшее предусмотрительное искаженіе текста, въ Торѣ все-таки мѣстами остались слѣды этого радостнаго культа природы; такъ, напримѣръ, разсказъ о Сихемскомъ торжествѣ сбора винограда, отпразднованнаго народомъ въ «домѣ бога своего» (кн. Судей IX, 27). Обратите также вниманіе на перевезеніе Давидомъ ковчега завѣта въ Іерусалимъ съ «восклицаніями и трубными звуками», съ музыкой, пѣніемъ и танцами (II кн. Царствъ VI, 12—18).

[2]) Von Luschan доказалъ многочисленными измѣреніями что финикійскій типъ «тѣсно примыкаетъ къ аравійскому».

странныя принцессы появлялись въ странѣ, благодаря бракамъ съ туземными царями) это былъ семитическій,—не хеттейскій обычай [1]). Вообще говоря, мы выносимъ впечатлѣніе, что хеттей представлялъ собою почтенную, крайне жизнеспособную посредственность, лишенную всякихъ способностей къ какимъ бы то ни было подвигамъ; онъ отличался скорѣе выносливостью, чѣмъ силой. Гёте гдѣ-то говоритъ, что «безъ стремленія къ безпредѣльному [2]) нѣтъ величія»; на основаніи этого опредѣленія Гёте, хеттей едва ли могъ бы претендовать на величіе.

XVI.

Homo europaeus.

Въ аморея же, «котораго высота была, какъ высота кедра, и который былъ крѣпокъ, какъ дубъ» (пр. Амосъ II, 9), съ его удалыми вызовами, неукротимой страстью къ приключеніямъ, безумной вѣрностью до послѣдняго издыханія избраннымъ себѣ въ предводители чужеземнымъ властелинамъ, съ его непоколебимыми, какъ скалы,

---

[1]) О несравненно болѣе сложномъ культѣ въ Кархемишѣ (Мабогѣ), прежней столицѣ хеттейскаго государства, см. Sayce, «The Hittites», гл. 6. Но я считаю Люціана, на котораго онъ ссылается, очень позднимъ и заслуживающимъ мало довѣрія свидѣтелемъ. Интересно прослѣдить, до какой степени евреи были лишены фантазіи: уже планъ іудейскаго храма, наружный и внутренній дворы, завѣса, отдѣлявшая святую святыхъ, а также прерогатива первосвященника входить въ послѣднюю— все это точная копія съ древняго хеттейскаго ритуала.

[2]) «Ohne Ueberschwänglichkeit gäbe es keine Grösse».

городскими стѣнами, покидаемыми имъ такъ охотно для набѣговъ въ горы, — въ этомъ амореѣ, мнѣ кажется, стремленіе къ безпредѣльному было, напротивъ, развито въ высокой степени. Хоть оно и было еще связано съ дикостью и жестокостью, но тѣмъ не менѣе дѣлало его способнымъ ко всему высокому и прекрасному. Намъ кажется, что мы видимъ существо изъ иного міра, когда мы открываемъ среди безчисленнаго множества другихъ физіономій, изображенныхъ на египетскихъ памятникахъ, эти открытыя и характерныя интеллигентныя черты. Онѣ привѣтствуютъ насъ среди этого множества хитрыхъ, дурныхъ, глупыхъ и злыхъ выраженій, среди всего этого сброда вавилонянъ, евреевъ, хеттеевъ, нубійцевъ и tutti quanti, какъ глазъ генія среди толпы простыхъ смертныхъ. O homo europaeus! Какъ забрелъ ты въ это общество? Ты кажешься мнѣ окомъ, устремленнымъ въ другой, божественный міръ.

И мнѣ хотѣлось бы крикнуть тебѣ: «Не слѣдуй совѣту ученыхъ антропологовъ, не смѣшивайся съ этой толпой, съ этими азіатскими паріями, повинуйся велѣнію великаго поэта твоей расы, останься вѣренъ самому себѣ»... Но я опоздалъ на три тысячелѣтія: хеттей остался, аморей исчезъ. Это, между прочимъ, одно изъ свойствъ, отличающихъ все благородное отъ неблагороднаго: первое сохраняется труднѣе послѣдняго. Люди эти, хотя и исполины въ физическомъ отношеніи, были крайне хрупки въ отношеніи внутренней организаціи. Никто не вырождается такъ скоро, какъ homo europaeus Лапужа; съ какой быстротой, напримѣръ, греки обратились въ варваровъ, «in Syros, Parthos, Aegyptos degene-

farunt» («выродились въ сирійцевъ, парѳянъ и египтянъ»), удостовѣряетъ уже Ливій (Livius 38. 17, 11). Онъ, то есть homo europaeus, совершенно утрачиваетъ свою самобытность; то, что̀ свойственно лишь ему одному, онъ, повидимому, не можетъ передать другимъ—они какъ будто лишены способности, необходимой для воспріятія этого содержанія, онъ же самъ, напротивъ, одаренъ въ высокой степени роковой способностью усвоивать себѣ все ему чуждое. Правда, намъ и теперь разсказываютъ о бѣлокурыхъ сирійцахъ и о 10% таковыхъ же евреевъ; но Вирховъ уже установилъ, что «цвѣтъ кожи и волосъ болѣе устойчивъ, чѣмъ черепъ», слѣдовательно, волосы, вѣроятно, прочнѣе мозга. Не знаю навѣрное, но мнѣ кажется, что европеецъ дѣйствительно оставилъ въ Азіи, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, кромѣ памяти о себѣ, лишь кожу да волосы! Я искалъ его въ Талмудѣ, но тщетно [1]).

[1]) Но тамъ все-таки есть одинъ несомнѣнный индогерманецъ (Traktat Schabbath, VI, 8, fol. 23a—«des Jerusalemischen Talmuds»). Онъ рабъ іудея. Ему поручено проводить домой равви Гилу, друга своего хозяина; онъ спасаетъ ему жизнь, натравляя на себя бѣшеную собаку, бросившуюся на равви Гилу, и умираетъ, укушенный ею. Но такая вѣрность не вызываетъ у благочестиваго іудея ни одного слова удивленія и благодарности; онъ ограничивается повтореніемъ словъ пр. Исаіи XLIII, 4: «Такъ какъ ты дорогъ въ очахъ моихъ, многоцѣненъ, и я возлюбилъ тебя, то отдамъ другихъ людей за тебя и—народы за душу твою».

XVII.

Homo arabicus.

На мой взглядъ, довольно трудно сказать что-нибудь о третьемъ членѣ этого союза—о чистокровномъ семитѣ, такъ какъ одно изъ отличительныхъ свойствъ этого homo arabicus состоитъ въ томъ, что онъ появляется дѣятельнымъ факторомъ исторіи лишь тогда, когда перестаетъ быть чистокровнымъ семитомъ. Пока онъ остается жителемъ пустыни (и ради своего душевнаго величія и спокойствія ему никогда не слѣдовало бы покидать ее), онъ, собственно говоря, не имѣетъ никакого отношенія къ исторіи; при этомъ крайне трудно,—чтобы не сказать: невозможно,—добыть точныя свѣдѣнія объ его тамошней жизни; до насъ доходятъ лишь слухи объ его храбрости, гостепріимствѣ, набожности, мстительности и жестокости—все это свойства характера; но мы не знаемъ ничего объ его интеллектуальныхъ способностяхъ. Буркгардтъ, путешествовавшій по Аравіи много лѣтъ, изображаетъ бедуина совершенно празднымъ въ умственномъ отношеніи до тѣхъ поръ, пока война или любовь не воздѣйствуютъ на него; но разъ наступаетъ такой моментъ, то духовное напряженіе сразу достигаетъ высшей степени [1]). Если же онъ покидаетъ родной край, чтобы обрушиться на культурный міръ, то это дѣлается лишь съ цѣлью истребленія всего, попадающагося ему на пути, огнемъ и мечемъ, какъ это было при Абу-Бекрѣ и

[1]) Burckhardt, «Beduin und Wahaby». Веймаръ, 1831 г.

Омарѣ или въ наши дни въ центральной Африкѣ [1]). Опустошивъ все вокругъ себя, чистокровный семитъ исчезаетъ, мы больше не слышимъ о немъ. Если онъ затѣмъ опять всплываетъ въ исторіи культуры, то ужъ въ качествѣ помѣси съ другими элементами; явленіе это повторялось неизмѣнно всюду, гдѣ пріобрѣталъ значеніе этотъ человѣческій типъ, остававшійся по необходимости безусловно чистокровнымъ въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій и проявившій затѣмъ необычайную склонность къ быстрому и успѣшному смѣшенію съ другими. Благородный испанскій мавръ никоимъ образомъ не можетъ считаться чистокровнымъ арабомъ, уроженцемъ пустыни: онъ наполовину берберъ (племя, родственное европейцамъ), и въ жилахъ ихъ течетъ столько готской крови, что еще теперь знатные роды Марокко ведутъ свое происхожденіе отъ германскихъ предковъ. Царствованіе Гарунъ-аль-Рашида является только потому такой блестящей эпохой въ печальной исторіи его народа, что чисто персидская семья Бармекидовъ (которая осталась вѣрна иранской религіи Заратустры [2]), поддерживала

---

[1]) Посмотрите, какъ объ этомъ судитъ знаменитый мавританскій историкъ XIV вѣка Магометъ-Ибнъ-Халдунъ (Mahomed-Ibn-Khaldun), котораго многіе считаютъ основателемъ исторіи, какъ науки; онъ самъ полуарабъ, но пишетъ: «Оглянитесь вокругъ себя, посмотрите на страны, которыя, начиная съ древнѣйшихъ временъ, были завоеваны арабами. Цивилизація и населеніе въ нихъ исчезли, даже почва какъ будто измѣнялась вслѣдствіе соприкосновенія съ ними и дѣлалась безплодной» («Prolegomena zur Weltgeschichte», II часть). Я цитирую по сочиненію Robert Flint'a, «History of the philosophy of history» 1893 г., стр. 166.

[2]) Renan, «L'islamisme et la science» («Discours et conférences», 3-ье изданіе, стр. 382).

калифа въ качествѣ цивилизаторскаго и культурнаго элементовъ. Ни одно изъ такъ называемыхъ «семитическихъ культурныхъ государствъ» древности на самомъ дѣлѣ не является государствомъ чисто семитическимъ,— здѣсь нѣтъ ни одного исключенія; сказанное относится какъ къ Вавилонскому, такъ къ Ассирійскому и къ Финикійскому царствамъ. Это засвидѣтельствовано исторіей и удостовѣрено антропологіей. Намъ все еще разсказываютъ «чудеса въ рѣшетѣ» о благомъ вліяніи, которое якобы имѣла эта семитическая культурная работа и на насъ, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи мы убѣждаемся, что чистокровный семитъ всюду лишь присасывался къ элементамъ дѣйствительно творческимъ (Вельгаузенъ считаетъ его лишь «прививкой» къ этимъ элементамъ); поэтому крайне трудно разобраться въ вопросѣ, что̀ именно и въ какой мѣрѣ слѣдуетъ приписать семиту и что̀, напротивъ, пріютившему его хозяину [1]). Такъ, напримѣръ, въ настоящее время

---

[1]) См. Ihering, «Vorgeschichte der Indoeuropäer». Въ этомъ интересномъ, но, надо признаться, крайне фантастическомъ сочиненіи вся вавилонская культура названа «семитической» (стр. 133, 243 и т. д.), не взирая на то, что самъ авторъ допускаетъ, что семиты «заимствовали ее», и указываетъ на сумеро-аккадійцевъ, какъ на живую силу, дѣйствіе которой онъ самъ прослѣдилъ до позднѣйшихъ временъ. То же дѣлаетъ и фонъ Люшанъ, считая своимъ долгомъ возвеличить въ концѣ своей вышеупомянутой лекціи «семитовъ»; это въ той же самой лекціи, въ которой онъ только что доказывалъ, что въ жилахъ извѣстнѣйшихъ семитическихъ народовъ текло лишь очень мало семитической крови... Вотъ вамъ и логика естествоиспытателей! Въ заключеніе онъ еще повторяетъ избитыя фразы о «расцвѣтѣ арабской науки въ Испаніи», будто бы

извѣстно, что семиты не изобрѣли письменныхъ знаковъ и такъ называемыхъ «арабскихъ» цифръ; «финикійскій» или вообще семитическій алфавитъ — хеттейскаго происхожденія (Renan «Israël», I, 134 и слѣд.); въ настоящее время легенда о передачѣ алфавита арійцамъ при посредничествѣ финикіянъ окончательно отвергнута, такъ какъ найдены письменные знаки несравненно древнѣйшаго происхожденія, чѣмъ псевдосемитическіе, письмена эти доказываютъ, что

послужившей намъ всѣмъ неисчерпаемымъ источникомъ знаній— басня, вздорность которой уже много лѣтъ тому назадъ была доказана никѣмъ инымъ, какъ Ренаномъ. Онъ пишетъ: «Духовный складъ семита по существу своему антифилософиченъ и антинаученъ... Много говорятъ о какой-то арабской наукѣ и арабской же философіи. И дѣйствительно, въ теченіе одного— двухъ столѣтій арабы были нашими учителями, но только потому, что греческія подлинныя рукописи лежали подъ развалинами. Вся эта арабская наука, включая туда и философію, была лишь скуднымъ истолкованіемъ эллинскаго знанія и эллинскаго мышленія. Но какъ только подлинная Греція воскресла изъ мертвыхъ,—всѣ эти жалкіе продукты разсыпались въ прахъ; не безъ основанія всѣ ученые эпохи Возрожденія предпринимаютъ настоящій крестовый походъ противъ нихъ. Впрочемъ, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что арабская наука и въ этомъ видѣ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть названа дѣйствительно арабской. Не только фундаментъ ея былъ чисто греческій, но и среди тѣхъ людей, которые посвятили себя распространенію ея, не было ни одного истаго семита; это были испанцы и персы (въ Багдадѣ), говорившіе на господствовавшемъ тогда арабскомъ языкѣ. Совершенно то же можно сказать о философской роли, приписываемой евреямъ въ средніе вѣка: они переводили съ иностранныхъ языковъ—вотъ и все. Еврейская философія— та же арабская философія; къ послѣдней не прибавилось ни

существовала «первообразная европейская письменность, испытавшая на себѣ лишь впослѣдствіи—на Востокѣ—нѣкоторое вліяніе азіатской» [1])... Съ другой стороны мы видимъ, что тамъ, гдѣ воля семита одерживаетъ побѣду на чисто религіозной (не имущественной) почвѣ, она вызываетъ насильственнымъ путемъ духовное безплодіе и поддерживаетъ его: это ясно видно на іудеѣ послѣ Вавилонскаго плѣна (побѣда благочестивой партіи была несомнѣннымъ торжествомъ семитическаго

одной новой мысли. Одна страница изъ сочиненій Роджера Бэкона имѣетъ больше истинно научнаго значенія, чѣмъ вся эта заимствованная еврейская премудрость, если и заслуживающая уваженія, то лишенная всякой самобытности» (Renan, «De la part des peuples sémitiques dans l'histoire de la civilisation», изд. 1875 г., стр. 22 и слѣд.). Та же тема развита Ренаномъ въ его лекціи: «L'islamisme et la science», читанной имъ въ 1883 г.: «Эти мыслители и ученые не только не арабскаго происхожденія», говоритъ онъ, «но и самое направленіе ихъ мысли ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть названо арабскимъ».

[1]) Prof. Hиерре, «Zur Rassen und Sozialhygiene der Griechen», 1897 г., стр. 26. Что такъ называемые финикійскіе письменные знаки не составляютъ продукта семитическаго ума, допускается въ настоящее время всѣми учеными. Halévy предполагаетъ ихъ египетское, Hommel — съ большой вѣроятностью вавилонское, то есть сумерійское происхожденіе. Delitzch думаетъ, что сирійскіе полусемиты составили свой алфавитъ изъ двухъ другихъ — изъ египетскаго и вавилонскаго; послѣдній же изслѣдователь этого предмета приходитъ, напротивъ, къ заключенію, что алфавитъ вообще изобрѣтеніе европейское, затѣмъ перенесенное въ Азію эллинами-микенцами (см. H. Kluge, «Die Schrift der Mykenier» 1897 г.).

элемента), а также на магометанствѣ. «Начиная съ этого времени (съ возвращенія изъ Вавилона), еврейская жизнь была лишена всѣхъ интеллектуальныхъ и духовныхъ интересовъ, за исключеніемъ однихъ только религіозныхъ... типичный іудей не интересовался ни политикой, ни литературой, ни философіей, ни искусствомъ...».

Библія — вотъ, собственно говоря, вся литература евреевъ: изученіемъ ея ограничиваются всѣ духовные и интеллектуальные ихъ интересы. Это говоритъ заслуживающій полнаго довѣрія свидѣтель — еврейскій ученый C. G. Montefiore (вышеназван. соч., стр. 419 и 543). Другое столь же достовѣрное свидѣтельство приводитъ Hirsch Graetz, повторяя изреченіе раввы Акибы: «Тотъ, кто занимается чтеніемъ экзотерическихъ сочиненій [1]) (то есть — изученіемъ чего-либо другого, кромѣ св. еврейской Торы) утратилъ право на причастность къ будущей жизни. Мишна гласитъ: «Обучать своего сына греческимъ наукамъ столь же достойное проклятія занятіе, какъ свиноводство» [2]). Что хеттейская кровь, составляющая половину еврейской (какъ это было нами доказано), постоянно протестовала противъ такихъ ученій и съ особенной любовью стремилась ко всему «экзотерическому», — опять другой вопросъ: я здѣсь стараюсь уловить лишь чисто семитическія черты.

---

[1]) Krotoschin, «Gnosticismus und Judentum», 1846 г., стр. 99. Не вполнѣ понятный здѣсь смыслъ слова «экзотерическій» (exoterisch) выясняется сопоставленіемъ этого мѣста съ другими: такъ, напр., чтеніе греческихъ поэтовъ называется «экзотерическимъ занятіемъ» (Стр. 62).

[2]) Цитата изъ Renan'a, «Origines du Christianisme» I, 35.

Что касается мертвящаго вліянія истинно семитической религіи — магометанства, то оно такъ явно, что мнѣ нечего и доказывать его. Изъ сказаннаго ясно, что передъ нами масса отрицательныхъ данныхъ и очень мало положительныхъ; кто несогласенъ довольствоваться лишь однѣми фразами, тотъ согласится со мной, что представить себѣ личность чистокровнаго семита—дѣло не легкое, а между тѣмъ для насъ крайне важно добиться этого въ виду нашей цѣли: отвѣтить на вопросъ — что̀ такое еврей? Обратимся за помощью къ ученымъ.

Если мы справимся въ трудѣ Оскара Пешеля (Oskar Peschel), самаго выдающагося и потому заслуживающаго наибольшаго довѣрія нѣмецкаго этнографа, то не найдемъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ: онъ былъ человѣкъ осторожный. Ратцель (Ratzel) говоритъ слѣдующее: «Сравнительно съ хамитомъ и индогерманцемъ, семитъ отличается бо̀льшей энергіей и, если хотите, односторонностью религіознаго чувства; склонность къ насилію и исключительность, словомъ сказать фанатизмъ — вотъ характерная особенность семита; изувѣрство, доходящее до человѣческихъ жертвоприношеній, нигдѣ не достигало такихъ размѣровъ, какъ здѣсь: еще въ 1883 г. главнокомандующій Махдія отдалъ приказъ варить плѣнныхъ живьемъ въ котлахъ. Семитъ индивидуалистъ — привязанность его къ вѣрѣ и семьѣ сильнѣе, чѣмъ любовь къ государству. Такъ какъ семитъ плохой воинъ, то ему приходилось одерживать свои побѣды при помощи чужеземныхъ наемниковъ. Семиты, быть можетъ, въ древности сдѣлали нѣчто выдающееся въ области науки, но возможно также,

что они пользовались для своихъ трудовъ чужими источниками; они, во всякомъ случаѣ, въ позднѣйшее время совсѣмъ отступаютъ на задній планъ на этомъ поприщѣ; и здѣсь наибольшая ихъ продуктивность проявляется въ области религіи [1]). На мой взглядъ, эта характеристика лишена цѣльности, малосодержательна и, кромѣ того, во многихъ отношеніяхъ невѣрна. Допустимъ, что весьма похвально варить своихъ враговъ въ котлахъ — начиная съ Китая и кончая покровительницей всѣхъ отраслей искусства — Нидерландами XVI-го вѣка, мы всюду наталкиваемся на жестокости; но видѣть въ нихъ «высшее проявленіе энергіи религіознаго чувства» по меньшей мѣрѣ наивно, въ особенности, когда при этомъ ставятъ семита въ религіозномъ отношеніи выше глубоко набожнаго и высоко одареннаго въ смыслѣ творчества египтянина, а также индогерманца съ его обширнѣйшей въ свѣтѣ религіозной литературой; извѣстно, что религіозное чувство послѣдняго, начиная съ глубочайшей древности, выражалось, между прочимъ, тѣмъ, что тысячи и милліоны человѣческихъ жизней посвящались и приносились въ жертву исключительно религіи. Если брамины учатъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ Упанишадъ [2]) (по меньшей мѣрѣ за 800 или 1000 лѣтъ до Р. Хр.), что «человѣкъ долженъ смотрѣть на свое дыханіе днемъ и ночью, и даже во время сна, какъ на непрерывную жертву,

---

[1]) «Völkerkunde» II, 391—составлено на основаніи подлинныхъ словъ Ратцеля.

[2]) Ср. Leopold von Schröder, «Indiens Litteratur und Kultur» 1887, 20 лекція.

приносимую имъ божеству [1]), то не есть ли это «наивысшее проявленіе энергіи религіознаго чувства», о какомъ когда-либо приходилось повѣствовать исторіи человѣчества? А какъ понимать такое опредѣленіе: семитъ индивидуалистъ? Насколько мы можемъ судить объ этомъ, вѣра всюду, гдѣ религія подпадала подъ семитическое вліяніе, отличалась отъ индогерманской (и восточноазіатской) тѣмъ, что она принимала національный характеръ; индивидуумъ, признаваемый лишь какъ членъ общественнаго организма, низводился во всѣхъ другихъ отношеніяхъ на степень «quantité négligeable». (См. Chamberlain, «Die Grundlagen des XIX Jahrhunderts», стр. 248). И дѣйствительно, всѣ псевдо-семитическія государства безъ исключенія уничтожили всякую индивидуальную свободу. Мнѣ кажется, что истинный индивидуализмъ нашелъ себѣ пріютъ скорѣе у индогерманскихъ, чѣмъ у семитическихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ, утвержденіе «семитъ—индивидуалистъ» можетъ быть допущено лишь съ большими оговорками. Гораздо глубже сужденіе такого солиднаго ученаго, какъ Христіанъ Лассенъ, бывшій въ болѣе значительной степени сердцевѣдомъ, чѣмъ краніометромъ. Несмотря на то, что онъ высказалъ свой взглядъ на семита въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія, когда еще не умѣли отличать полусемитовъ отъ истинныхъ семитовъ, онъ въ своей характеристикѣ за-

[1]) «Kaushitaki-Upanischad», P. S. Deussen, наивысшій изъ современныхъ авторитетовъ по этой части, комментируетъ приведенную цитату слѣдующимъ образомъ: «Браминъ хочетъ этимъ сказать: религія должна состоять не въ соблюденіи внѣшняго культа, а въ томъ, чтобы служить ей каждымъ своимъ дыханіемъ» («Sechtzig Upanishad's des Veda», стр. 31).

тронулъ черты, раскрывающія намъ самую сущность личности семита въ интеллектуальномъ отношеніи. Онъ говоритъ: «Воззрѣнія семита субъективны и эгоистичны. Поэзія его лирична и потому субъективна; въ ней душа выражаетъ испытываемыя ею радости и огорченія, любовь и ненависть, восторгъ и презрѣніе... Эпосъ, въ которомъ личность поэта отодвигается на задній планъ, уступая первое мѣсто описываемому предмету, ему не удается; сказанное относится и къ драмѣ, но въ еще сильнѣйшей степени, такъ какъ она требуетъ еще бо́льшаго отрѣшенія поэта отъ собственной личности [1]). Философія также область, чуждая семитамъ; они, и то лишь одни арабы,—заимствовали ее у индогерманцевъ. Ихъ

---

[1]) Итакъ, они всетаки индивидуалисты? Несомнѣнно, но совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ индогерманецъ. Судя по указаніямъ Лассена, мы видимъ, что у семита индивидуумъ, такъ сказать, является самому себѣ помѣхой, почему истинные труды его, имѣющіе дѣйствительное значеніе, всегда коллективнаго происхожденія, тогда какъ у грека, германца и др. каждое ихъ произведеніе носитъ на себѣ отпечатокъ извѣстной личности, извѣстнаго индивидуума. Совершенно тотъ же взглядъ, какъ Лассенъ, высказываетъ и Фр. фонъ Шакъ (Fr. v. Schack): «Вся творческая дѣятельность арабовъ отличается субъективнымъ характеромъ. Они всюду ищутъ преимущественно выраженія для собственной душевной жизни, вовлекаютъ въ нее предметы изъ окружающаго ихъ міра и рѣдко проявляютъ склонность смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, съ цѣлью изображенія ея опредѣленными, рѣзкими чертами или чтобы углубиться въ индивидуальность другихъ людей и объективно изобразить условія ихъ жизни. Вслѣдствіе этого имъ должны быть болѣе всего чужды тѣ формы поэзіи, которыя требуютъ отрѣшенія отъ личности и воплощенія матеріала въ живые образы («Poesie und Kunst der Araber», I, 99).

личные взгляды и представленія до такой степени господствуютъ надъ ихъ умомъ, что они неспособны возвыситься до отвлеченнаго мышленія и отдѣлить отъ собственной индивидуальности и ея случайностей болѣе общія и необходимыя понятія [1]). Въ самой религіи семитъ эгоистиченъ и исключителенъ; Іегова Богъ только евреевъ, лишь имъ однимъ дано познать Его; всѣ другіе боги безусловно ложны и ни на іоту непричастны къ истинѣ. Если Аллахъ и не хочетъ быть богомъ исключительно арабовъ, а намѣренъ покорить весь свѣтъ, то Онъ по существу своему всетаки эгоистиченъ; и Онъ оспариваетъ у всякаго другого бога причастность къ истинѣ; Аллаху мало, что человѣкъ признаетъ Его богомъ: онъ можетъ служить ему надлежащимъ образомъ исключительно подъ условіемъ, что признаетъ Магомета Его пророкомъ. Согласно своему религіозному ученію, семиты должны были отличаться нетерпимостью и фанатизмомъ, а также упорной привязанностью къ буквѣ своего закона. Терпимость ярче всего сказывается у индогерманскаго племени; она истекаетъ у него изъ бо́льшей свободы мышленія, не связаннаго исключительно извѣстными формами.

[1]) Grau, «Semiten und Indogermanen», 2 изд., стр. 33. Этотъ іудофильскій авторъ пишетъ: «Евреи, подобно всѣмъ семитамъ, слишкомъ субъективны, чтобы отдаться всецѣло наукѣ. Евреямъ совершенно чужды естественныя науки въ томъ объективномъ смыслѣ, въ какомъ ихъ понимаетъ индогерманецъ, который признаетъ, что природа должна проявлять себя согласно съ собственной сущностью и свойственными ей законами, человѣкъ же можетъ быть развѣ только ея истолкователемъ; такое воззрѣніе окончательно чуждо евреямъ». На 50 стр. Грау пишетъ: «Все объективное семитамъ недоступно».

Свойства семитическаго духа — страстность душевныхъ движеній, упорная воля, непоколебимая вѣра въ свои права на преимущества передъ другими, весь эгоистическій душевный складъ — должны были сдѣлать ихъ обладателя способнымъ въ высшей степени къ совершенію великихъ и смѣлыхъ дѣлъ [1]). Послѣ этого Лассенъ переходитъ къ разсмотрѣнію псевдосемитическихъ государствъ и высказываетъ мнѣніе, что всѣ эти широко-задуманныя организаціи погибли потому, что «и здѣсь помѣхой къ ихъ дальнѣйшему существованію послужилъ неподатливый произволъ неподвижной эгоистичной воли [2]). Эта характеристика дѣйствительно даетъ намъ нѣчто положительное и даже — почти все; надо только еще отточить и заострить ее, — тогда она раскроетъ нашему сознанію вполнѣ яркую, такъ сказать, во всѣхъ отношеніяхъ прозрачную картину. Лассенъ указываетъ на волю, какъ на преобладающую душевную силу семита; она — источникъ всѣхъ его начинаній. Воля эта является одновременно и двигающей

---

[1]) «Indische Altertumskunde», изд. 1847, I, 414—416.

[2]) Интересно и важно прослѣдить, до какой степени органъ человѣческаго духа — языкъ соотвѣтствуетъ у семита его своеобразному типу и служитъ его вѣрнымъ выраженіемъ. Ренанъ говоритъ: «Еврейскій языкъ подобенъ наполненному стрѣлами колчану, туго свитому корабельному канату, металлическому тромбону, немногіе рѣзкіе звуки котораго раздираютъ слухъ. Языкъ этотъ неспособенъ выразить философскую мысль, научный выводъ, сомнѣніе, а также — идею безконечности; на немъ можно сказать лишь немногое, но то, что онъ способенъ выразить, производитъ впечатлѣніе бьющаго по наковальнѣ молота» («Israël» I, 102). Развѣ это не языкъ упорной воли?!

силой, и тормазомъ. Она дѣлаетъ своего обладателя способнымъ къ великимъ и отважнымъ подвигамъ; она же является ему помѣхой всюду, гдѣ требуется душевный порывъ, для проявленія возвышенной духовной дѣятельности. Въ результатѣ мы видимъ — страстный, склонный къ великимъ предпріятіямъ характеръ, сопряженный съ мыслительной способностью, ему далеко не соотвѣтствующей по своей силѣ, такъ какъ она никогда не достигаетъ полнаго ризвитія, находясь подъ постояннымъ давленіемъ необузданной воли. Въ душѣ этого человѣка воля занимаетъ первое мѣсто, затѣмъ слѣдуетъ чувство и на послѣднемъ планѣ находится умъ. Лассенъ особенно подчеркиваетъ эгоизмъ, свойственный семиту; онъ много разъ возвращается къ этой темѣ; въ его поэзіи, въ его философіи, въ его религіи, въ его политикѣ — всюду усматриваетъ онъ «проявленіе эгоистическаго душевнаго склада». Это неминуемое слѣдствіе вышеуказанной іерархіи душевныхъ способностей. Источникъ эгоизма—воля; оградить его отъ извращенія могутъ лишь чувство и разсудокъ — теплое сердце, глубокое знаніе жизни, художественное творчество и жажда знаній. Но какъ скоро перевѣсъ на сторонѣ необузданной воли съ присущимъ ей эгоизмомъ, то,—какъ на это указываетъ и Лассенъ, — даже прекраснѣйшія духовныя дарованія не могутъ достичь полнаго развитія— они глохнутъ; религія вырождается въ фанатизмъ, мышленіе становится колдовствомъ или произволомъ, искусство служитъ выраженіемъ лишь любви или ненависти настоящей минуты, — оно только воплощаетъ, но не творитъ, — наука обращается въ промышленность.

Охарактеризованный такимъ образомъ, семитъ является истиннымъ антиподомъ хеттея: у послѣдняго— полная гармонія уравновѣшеннаго во всѣхъ отношеніяхъ душевнаго склада, упорное постоянство воли, сопряженное съ умомъ и радостнымъ міровоззрѣніемъ; у перваго — склонность къ чрезмѣрному и насильственному; это характеръ съ нарушеннымъ равновѣсіемъ, въ которомъ необходимѣйшая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опаснѣйшая человѣческая способность — воля развилась до чудовищныхъ размѣровъ. Тотъ, кто не думаетъ, что такъ называемыя человѣческія расы упали готовыми съ неба, кто вмѣстѣ со мною считаетъ понятіе о какихъ-то первоначальныхъ типахъ (Uranfänge) незаслуживающимъ вниманія (такъ какъ развитіе есть явленіе бытія, а не наоборотъ), тотъ догадается, что это безпримѣрное развитіе одной способности при соотвѣтствующемъ ей оскудѣніи другой — результатъ тысячелѣтней жизни въ пустынѣ, гдѣ интеллектуальныя способности оставались безъ всякой пищи, чувство обнимало лишь небольшой кругъ предметовъ, воля же этого индивидуума, вполнѣ предоставленнаго самому себѣ и окруженнаго, не взирая на почти никогда не нарушаемое безмолвіе природы, денно и нощно опасностями, должна была, напротивъ, поглощать всѣ его физическія силы и держать всю совокупность душевныхъ способностей въ постоянномъ крайнемъ напряженіи. Какой бы то ни было, но нѣтъ сомнѣнія, что такой характеръ заключалъ въ себѣ зародыши истиннаго величія. Стремленіе къ безконечному, котораго мы не нашли у хеттея, здѣсь налицо. Прослѣдивъ анализъ вопроса до самой его глубины, мы теперь въ состояніи указа́ть и на ту единственную сторону этого

характера, отъ которой мы въ правѣ ожидать величія: очевидно,—лишь отъ воли, а слѣдовательно — и отъ той области человѣческой дѣятельности, въ которой возможно преобладаніе воли надъ другими душевными способностями. Тотъ самый Ибнъ-Халдунъ (Ibn-Khaldun), который утверждаетъ, «что семитъ лишенъ всякой способности создать нѣчто прочное», восхваляетъ безпримѣрную умѣренность его потребностей (недостатокъ фантазіи), прирожденный инстинктъ, тѣсно связывающій его съ родичами и отдаляющій его отъ чужихъ (скудость чувства), легкость, съ которой онъ предается бреду восторга подъ впечатлѣніемъ рѣчей пророковъ (недостатокъ разсудительности, какъ слѣдствіе неразвитаго въ немъ разума). Я присовокупилъ къ каждому положенію этой характеристики Ибнъ-Халдуна свои комментаріи лишь съ той цѣлью, чтобы показать, что всѣ перечисленныя имъ качества — отсутствіе потребностей, семейный инстинктъ, религіозная вѣра—объясняются въ данномъ случаѣ торжествомъ воли надъ другими душевными способностями, а отнюдь не съ тѣмъ, чтобы умалить значеніе умѣренности, вѣрности своимъ родичамъ и повиновенія Богу. Но для насъ важно различать—и въ этомъ заключается даже самый важный актъ мышленія,—а чтобы вполнѣ понять, въ чемъ самая сущность истиннаго семита, необходимо проникнуться убѣжденіемъ, что умѣренность Омара, котораго ничто на свѣтѣ не интересовало, не то же самое, что отсутствіе потребностей у Иммануила Канта, не желавшаго никакихъ земныхъ благъ только потому, что его всеобъемлющій умъ обладалъ всѣмъ міромъ; что вѣрность по отношенію къ близкимъ по крови—совсѣмъ не то, что, напримѣръ, вѣр-

ность вышеупомянутыхъ аммореевъ избранному ими предводителю—первое лишь инстинктивное расширеніе круга дѣйствія эгоистической воли, второе—свободное самоопредѣленіе индивидуума, нѣчто въ родѣ живой поэмы. Но прежде всего слѣдовало бы научиться различать между изувѣрствомъ и истинной религіей и не смѣшивать монолятрію (грубая форма монотеизма, близкаго къ идолопоклонству) съ монотеизмомъ. Это нисколько не мѣшаетъ намъ признать специфическое величіе семита. Если и допустить, что магометанство худшая изъ всѣхъ религій, какъ опредѣлилъ его Шопенгауеръ, то пельзя не отдать дани благоговѣйнаго удивленія магометанину, идущему на смерть съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ будто дѣло касается мирной прогулки. И эта мощь семитической воли такъ велика, что она, какъ и въ приведенномъ примѣрѣ, насильно навязывается народамъ, въ жилахъ которыхъ нѣтъ ни одной капли арабской крови. Соприкосновеніе съ этой волей перерождаетъ человѣка; въ ней кроется такая сила внушенія, что она насъ гипнотизируетъ, какъ взоръ змѣи—птицу, и мы по ея мановенію внезапно утрачиваемъ способность пѣть и летать. Такимъ образомъ семитъ сталъ во всемірной исторіи факторомъ (властью) первостепенной важности. Онъ обрушился на другіе народы подобно слѣпой стихійной силѣ—вѣдь воля слѣпа—и исчезъ въ нихъ; они приняли его. То, что они дали ему, было очевидно, но не то, что онъ принесъ имъ, такъ какъ его даръ былъ лишенъ физіономіи и образа; это была лишь воля: повышенная энергія (служившая часто стимуломъ къ великимъ начинаніямъ), нервное возбужденіе, раздражительность, съ которой трудно совладать, и неутолимая

жажда наживы (часто приводившая къ гибели); словомъ сказать — онъ внесъ извѣстное волевое направленіе. Всюду, гдѣ поселялся семитъ, онъ начиналъ съ того, что принималъ и усвоивалъ себѣ все найденное имъ на мѣстѣ, но затѣмъ онъ вліялъ на измѣненіе характера тѣхъ народовъ, среди которыхъ онъ жилъ.

XVIII.

Homo judaeus.

Какъ ни поверхностна эта попытка болѣе яркаго освѣщенія нѣкоторыхъ отличительныхъ чертъ хеттейскаго, амморейскаго и семитическаго типовъ, но мнѣ кажется, что она всетаки посодѣйствуетъ болѣе разумному и правильному пониманію израильскаго и іудейскаго характеровъ. Приступая къ подобному труду, надо вообще вооружиться скромностью и самоотверженіемъ. Во всякомъ случаѣ образы живыхъ людей съ свойственными имъ дѣйствіями дадутъ намъ болѣе яркую картину, чѣмъ цифры, которыя въ свою очередь надежнѣе, чѣмъ однѣ лишь фразы. Но мы должны становиться съ каждымъ шагомъ все осмотрительнѣе: если мы теперь возвратимся къ вышеприведеннымъ цифрамъ, то у насъ пропадетъ охота судить a priori о свойствахъ израильтянина по его процентному составу изъ семитическаго, амморейскаго и хеттейскаго элементовъ; это не смѣсь, составленная хозяйкой по рецепту для приготовленія мучного блюда; такой взглядъ на этотъ вопросъ былъ бы ребячествомъ. Но тѣмъ не менѣе нашему пониманію многое становится доступнѣе, благодаря этому анализу. Такъ, напримѣръ, насъ на первый взглядъ смущаютъ и даже

пугаютъ непримиримыя противорѣчія, замѣчаемыя въ характерѣ извѣстнаго народа,—а іудейская нація богаче ими, чѣмъ всякая другая,—но впечатлѣніе это сглаживается, когда мы знакомимся съ органическими причинами, ихъ вызвавшими. Для насъ, такимъ образомъ, сразу становится ясно, что племенное смѣшеніе евреевъ съ хеттеями неминуемо должно было повлечь за собой возникновеніе противорѣчивыхъ тенденцій: одновременно съ физической прививкой еврея хеттею произошла и прививка еврею совершенно чуждой ему какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніяхъ культуры, не выросшей органически на почвѣ личныхъ потребностей народа, какъ результатъ его богатства; здѣсь осуществился захватъ чужого достоянія, то есть діаметральная противоположность тому, что̀ называется органическимъ развитіемъ. Хотя еврей и заручился документальнымъ правомъ на присвоеніе себѣ этой культуры, воспринявъ въ свои жилы кровь творчески одареннаго хеттейскаго народа и ставъ, такимъ путемъ, израильтяниномъ, но именно въ силу этого смѣшенія и возникли антагонизмъ и внутренній разладъ: эти два типа были по существу своему слишкомъ разнородны, чтобы окончательно раствориться одинъ въ другомъ, что̀ вскорѣ и обнаружилось съ особенной ясностью въ рѣзко выразившемся различіи между израильтяниномъ и іудеемъ. Дѣло въ томъ, что въ сѣверной части Палестины преобладающимъ элементомъ были сирійцы, при чемъ племенное смѣшеніе произошло тамъ полнѣе и быстрѣе, чѣмъ на югѣ [1]), гдѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ

[1]) На сѣверѣ численно преобладали хетти, на югѣ—амореи (См. Sayce, «Hittites», стр. 13 и 17).

аммореевъ и гдѣ кромѣ того не прекращался почти безпрерывный притокъ чисто семитической крови изъ Аравіи. То, что здѣсь совершалось между племенами, повторялось и въ болѣе тѣсномъ кругу общественнаго союза: такъ мы видимъ, что за все время существованія Іерусалима равнодушные въ религіозномъ отношеніи элементы, отличавшіеся болѣе свѣтскимъ характеромъ, безпрерывно выдѣляются и выселяются—это нѣчто въ родѣ формальнаго бѣгства изъ родины строгаго закона и лишенной всякой красы жизни. То же явленіе происходитъ еще и въ наши дни, но не столь явно, какъ тогда. Мнѣ думается, что не будетъ натяжки, если мы признаемъ указанный процессъ результатомъ продолжительнаго вліянія съ одной стороны—homo syriacus, съ другой—homo arabicus.

Предоставляю читателю самому дополнить сказанное подобными же изслѣдованіями относительно другихъ элементовъ, внесенныхъ каждымъ изъ этихъ типовъ въ полученное отъ ихъ смѣшенія особенное человѣческое племя; самъ же я перехожу теперь къ разсмотрѣнію наиважнѣйшаго пункта, а именно—къ вліянію семитическаго духа на религію. Это, очевидно, коренной вопросъ, рѣшеніемъ котораго обусловливается правильное пониманіе происхожденія іудейства и его характера. Тогда какъ выдающаяся дѣловитость іудея, быть можетъ, по преимуществу хеттейское наслѣдіе—въ религіозномъ отношеніи, вѣроятно, сильный перевѣсъ былъ на сторонѣ семитическаго элемента[1]). Я предпочитаю

[1]) Что касается дѣловитости, то подтвержденіемъ нашего предположенія служатъ армане, въ жилахъ которыхъ, срав-

обсудить этотъ предметъ съ общей точки зрѣнія тутъ же,—а не позже, когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію іудейской религіи, какъ къ самостоятельному явленію: болѣе обширный горизонтъ дастъ намъ возможность бросить и болѣе широкій взглядъ на изслѣдуемый нами вопросъ. Если мы спросимъ себя, въ чемъ заключается неизбѣжное специфическое дѣйствіе семитическаго духа,—сущность котораго состоитъ, какъ мы видѣли, въ преобладаніи воли,—на религіозное чувство другихъ наро-

---

нительно съ евреями, значительно большій процентъ «аародійской» — то есть сирійской крови (приблизительно 80%), судя по письменному сообщенію проф. Hиерре, остальная же часть — исключительно индоевропейская, фригійская — не семитическая кровь; они получили, въ качествѣ наслѣдства отъ хеттеевъ, кромѣ характернаго еврейскаго носа, ту же жадность, ту же дѣловитую хитрость и ту же страсть къ лихоимству, какъ евреи, но въ еще значительно бо́льшей степени; на Востокѣ принято говорить: одинъ армянинъ стоитъ трехъ евреевъ. Мы находимъ интересныя сообщенія о характерѣ армянъ и въ особенности о ихъ геніальныхъ способностяхъ къ интригѣ и подстрекательству въ изданномъ недавно сочиненіи Гогарта (Hogarth, «A wandering scholar in the Levant», 1896, стр. 147 и слѣд.). Правда, Буркгардтъ рисуетъ намъ и истинныхъ семитовъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ (Burckhardt, «Ueber die Beduinen und Wahaby», Веймаръ, 1831) чрезвычайно хитрыми дѣльцами: «При частныхъ торговыхъ сдѣлкахъ арабы обманываютъ другъ друга елико возможно», говоритъ онъ, «они занимаются также ростовщичествомъ всюду, гдѣ къ тому только представляется малѣйшій случай» (стр. 149, 154). Но, проживъ еще нѣсколько лѣтъ среди бедуиновъ, Буркгардтъ измѣнилъ свое мнѣніе о нихъ въ такомъ смыслѣ, что, хотя «жадность къ наживѣ и составляетъ одну изъ главнѣйшихъ чертъ ихъ характера, но склонность къ обману явилась лишь слѣдствіемъ ихъ соприкосновенія съ городами и тамошнимъ осѣдлымъ мо-

довъ, то отвѣтъ на этотъ вопросъ одновременно разъяснитъ намъ все относящееся къ данному случаю, и, кромѣ того, въ значительной степени облегчитъ нашу дальнѣйшую задачу. Вѣдь здѣсь дѣло касается силы, дѣйствующей среди насъ и въ настоящее время, и вліяніе этой силы будетъ, вѣроятно, сказываться еще въ продолженіе многихъ грядущихъ столѣтій; мы не изучимъ ее, если ограничимся разсмотрѣніемъ одного лишь только специфическаго іудейства.

шенническимъ населеніемъ» (стр. 292). Лгунъ, по ихъ понятіямъ, человѣкъ безчестный (стр. 296), и Буркгардтъ рѣшается утверждать: «Не взирая на всѣ недостатки, бедуины всетаки одна изъ благороднѣйшихъ націй, съ которой мнѣ приходилось познакомиться на моемъ вѣку» (стр. 288). Относительно указаннаго вопроса, не лишеннаго значенія, интересны свѣдѣнія, сообщаемыя въ новѣйшее время французами изъ Алжира: кабилы охотно возвращаются къ цивилизаціи, тогда какъ чистокровныя арабскія племена проявляютъ къ ней мало воспріимчивости и требуютъ лишь свободы—больше имъ ничего не надо; они оказались вполнѣ антикультурнымъ элементомъ. Дарить—имъ пріятнѣе, чѣмъ продавать; грабить—чѣмъ покупать; они предпочитаютъ распущенность всякому закону. Во всемъ этомъ контрастъ между ними и хеттеями какими мы ихъ знаемъ изъ исторіи, крайне рѣзокъ. Безмѣрная волевая способность семита и упомянутая Буркгардомъ страсть къ наживѣ, вѣроятно, еще въ значительной степени усилили въ евреѣ сирійскую склонность къ торгашеству, но намъ кажется, что по существу это—свойство сирійское, а не семитическое наслѣдіе.

XIX.

Разсужденіе о религіи семитовъ.

Я сказалъ, что семитъ повліялъ на измѣненіе характера другихъ народовъ. Такая перемѣна отражается ярче всего въ области религіи. Если намъ въ другихъ отношеніяхъ трудно распознать значеніе семитическаго духа для смѣшанныхъ племенъ, въ составъ которыхъ вошли семиты, то здѣсь вліяніе его обнаруживается съ несомнѣнной ясностью: тираническая воля его принимаетъ на этомъ поприщѣ космическіе размѣры и измѣняетъ все религіозное міровоззрѣніе. Шопенгауеръ гдѣ-то говоритъ: «Религія — народная метафизика». Представьте же себѣ, какова должна быть религія людей, коренная особенность которыхъ заключается въ абсолютномъ отсутствіи у нихъ всякой склонности къ метафизикѣ, всякой способности къ философскому мышленію! [1]). Одно это положеніе раскрываетъ намъ всю глубину того рѣзкаго различія, которое существуетъ между семитомъ и индоевропейцемъ. Если бы мы не были еще и въ настоящее время окутаны пеленой густого тумана унаслѣдованныхъ предразсудковъ и суевѣрія, то не было бы никакой возможности объяснить, какъ можно было когда-либо считать семита религіознымъ человѣкомъ по преимуществу; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что всюду, куда проникало семитическое вліяніе, воззрѣніе на

[1]) Renan, «Histoire des langues sémitiques», стр. 18: «Абстракція неизвѣстна въ семитическихъ языкахъ, метафизика—невозможна».

религію совершенно измѣнялось. Вѣдь всюду на свѣтѣ, даже у самыхъ дикихъ народовъ, понятіе о религіи связано съ чѣмъ-то таинственнымъ. Платонъ высказываетъ надежду, что душа будетъ «посвящена на томъ свѣтѣ въ тайну, которую можно назвать высшимъ блаженствомъ». Іисусъ Христосъ говоритъ объ ученіи, обнимающемъ всю его религію, что оно—«тайна». Но то, что̀ нашло себѣ здѣсь высшее выраженіе, встрѣчается и на всѣхъ ступеняхъ человѣческой іерархіи; исключеніе составляютъ лишь одни семиты. Шопенгауеръ называетъ это, съ точки зрѣнія философа, — «метафизикой». Мнѣ кажется, мы можемъ просто сказать, что человѣкъ всюду наталкивается на противорѣчія (какъ въ области чувства, такъ и мышленія). Пораженный этимъ, онъ начинаетъ догадываться, что его разсудокъ составляетъ лишь частицу бытія,—онъ начинаетъ предчувствовать, что все познаваемое имъ при помощи пяти внѣшнихъ чувствъ, а также выводы, дѣлаемые изъ этого матеріала логическимъ путемъ, далеко не исчерпываютъ ни окружающаго его внѣшняго міра, ни сущности его собственнаго «я». Онъ догадывается, что рядомъ съ видимымъ космосомъ существуетъ невидимый, рядомъ съ міромъ, поддающимся мышленію, міръ трансцендентальный. Понятіе о единичномъ мірѣ такимъ образомъ расширяется, обращаясь въ понятіе о «двойномъ царствѣ» [1]). Уже созерцаніе смерти наводитъ его на мысль о невѣдомой странѣ, а рожденіе кажется ему вѣстью изъ той же области. Мы

---

[1]) Goethe, «Faust», 2 часть, 1-е дѣйствіе, послѣднія слова Фауста («Doppelreich»).

на каждомъ шагу наталкиваемся на «чудеса»; величайшимъ изъ нихъ являемся мы сами. Какъ наивно удивляется дикарь всему и какъ онъ всюду подозрѣваетъ присутствіе чего-то сверхчувственнаго, было описано уже неоднократно путешественниками; съ другой стороны Карлейль говорилъ о Гёте—быть можетъ, самомъ тонко организованномъ умѣ, до сихъ поръ произведенномъ человѣчествомъ: «Передъ взоромъ его простирается весь міръ—прозрачный какъ хрусталь, но окруженный со всѣхъ сторонъ чудесами, все естественное, въ сущности,—сверхъестественно»[1]). А слывущій насмѣшникомъ Вольтеръ говоритъ въ заключеніи къ своимъ изслѣдованіямъ по естествовѣдѣнію: «Pour peu qu'on creuse, on trouve un abîme infini» («Лишь только начинаешь докапываться до чего-нибудь, какъ натыкаешься на бездонную пропасть»). Такимъ образомъ люди на всѣхъ ступеняхъ развитія въ этомъ отношеніи солидарны между собою: живое сознаніе міровой тайны и предчувствіе, что въ естественномъ кроется «сверхъестественное», общи всѣмъ; они служатъ связующимъ звеномъ между австралійскимъ негромъ съ одной стороны и Ньютономъ и Гёте съ другой. Одинъ лишь семитъ стоитъ въ сторонѣ отъ всѣхъ. Ренанъ говоритъ объ арабѣ пустыни: «На всемъ свѣтѣ нѣтъ человѣка, которому мистика такъ недоступна, какъ ему; нѣтъ человѣка, такъ мало расположеннаго къ созерцанію и благоговѣнію, какъ онъ». Богъ сотворилъ міръ. Онъ сдѣлалъ его—арабъ довольствуется этимъ объясненіемъ»[2]). Это

---

[1]) Въ статьѣ «Goethe's Works», въ концѣ.

[2]) «L'Islamisme et la science», стр. 389. Здѣсь, очевидно, духовный пробѣлъ, съ чѣмъ соглашается и Ренанъ въ другомъ

чистѣйшій матеріализмъ при сопоставленіи съ тѣмъ, что̀ другіе люди называютъ религіей, разумѣя подъ этимъ нѣчто сверхчувственное и неизъяснимое. Такъ Монтефіоре, восхваляя религію своихъ отцовъ, въ которой семитическое религіозное стремленіе достигло наивысшей тончайшей формы, говоритъ, что «въ ней нѣтъ ничего эзотерическаго, ничего такого, что̀ было бы недоступно пониманію; вотъ причина, почему эта религія, не знающая ни суевѣрія, ни тайны, сдѣлалась наставницей другихъ народовъ» [1]). Тотъ же еврейскій авторъ неустанно выставляетъ на видъ съ восторгомъ, что семиты никогда не знали ничего о грѣхопаденіи, объ оправданіи путемъ вѣры, объ искупленіи и о милости Божіей [2]). Но этимъ онъ только доказываетъ, что они не имѣютъ даже смутнаго представленія о томъ, что остальные люди понимаютъ подъ словомъ религія. Въ сочиненіи д-ра Людвига Филиппсона (D. Ludvig Philippson, «Israelitische Religionslehre» Leipzig, 1861), содержащемъ ортодоксально-еврейское изложеніе, посвященное «значенію іудейской религіи въ будущемъ», устанавливается, какъ одинъ изъ трехъ отличительныхъ признаковъ этой религіи, тезисъ: «Еврейская религія не имѣетъ и не знаетъ никакихъ

мѣстѣ, гдѣ онъ пишетъ: «Семитическія племена почти окончательно лишены пытливости ума; ничто не вызываетъ у нихъ изумленія» («Langues sémitiques», стр. 10). По Юму, отсутствіе способности изумляться—характерный признакъ недостатка умственнаго дарованія.

[1]) Ср. «Religion of the ancient Hebrews», стр. 160.

[2]) Вышеназв. соч., въ особенности стр. 514, 524 и 544, но и во многихъ другихъ мѣстахъ.

тайнъ и никакихъ мистерій» (I, 34). Ренанъ тоже признался однажды, въ минуту безусловной откровенности: «Семитическая вѣра въ бога (монотеизмъ) дѣйствительно плодъ человѣческой расы, религіозныя потребности которой крайне ограничены. Она является какъ бы минимумомъ религіи» [1]). Это знаменательное правдивое изреченіе, не произведшее должнаго впечатлѣнія лишь потому, что Ренанъ не указалъ, какъ, въ какомъ смыслѣ и по какимъ неизбѣжнымъ причинамъ прославившійся своею жгучей вѣрой семитъ всетаки обладаетъ лишь минимумомъ истинной религіи. Для насъ разгадка ясна: тамъ, гдѣ разсудокъ и фантазія порабощены слѣпой волей, не можетъ и не должно быть ничего чудеснаго, недосягаемаго, не должно быть «дороги въ недоступную страну, въ которой никто не былъ и черезъ порогъ которой никто не перешагнетъ» [2]), ни того, что̀ не поддается осязанію руки и обладанію на этомъ свѣтѣ (хотя бы въ формѣ ясно представляемой надежды). Даже такой возвышенный умъ, какимъ былъ Исаія, считаетъ религіозную вѣру чѣмъ-то опирающимся на эмпирическую основу и думаетъ, что она можетъ быть провѣрена процедурой, подобной судебному процессу: «Пусть всѣ на-

---

[1]) «Nouvelles considérations sur les peuples sémitiques» («Journal Asiatique» 1859, стр. 254). А также Robertson Smith, «The prophets of Israel», стр. 33, удостовѣряетъ, что у истиннаго семита «мало религіи».

[2]) Или какъ то же представленіе выражено въ «Brihadâranyaka-Upanishad»: «Тропа, ведущая черезъ вселенную, которой надо держаться, чтобы попасть изъ части космоса въ цѣлое» (I, 4, 7).

роды соберутся вмѣстѣ, и пусть совокупятся всѣ племена... пусть представятъ свидѣтелей отъ себя и оправдаются, чтобы можно было услышать и сказать: правда!» (Кн. пр. Исаіи XLIII, 9). Совершенно то же можно прочесть во второй зурѣ Корана: «Позовите своихъ свидѣтелей, если вы говорите правду!» Вышеупомянутый еврейскій законоучитель Филиппсонъ подробно разъясняетъ, что еврей вѣритъ единственно въ то, «что онъ видѣлъ воочію»: «слѣпой вѣры» онъ не знаетъ. Онъ приводитъ въ обширномъ примѣчаніи перечень всѣхъ библейскихъ текстовъ, въ которыхъ говорится о «вѣрѣ въ Бога», и утверждаетъ, что выраженіе это встрѣчается исключительно съ предпосылкою ему «очевидныхъ доказательствъ» [1]). Мы видимъ, что здѣсь всюду рѣчь идетъ лишь о внѣшнихъ,—не о внутреннихъ доказательствахъ; всѣ представленія относятся къ конкретнымъ, матеріальнымъ явленіямъ. Монтефіоре увѣряетъ насъ, что даже въ достигшей своего высшаго развитія еврейской религіи нѣтъ ничего такого, чего не могъ бы понять сразу и продумать до самаго основанія наиглупѣйшій человѣкъ. Лишь только у кого-нибудь является предчувствіе чего-нибудь таинственнаго или, напримѣръ, предположеніе, что въ исторіи сотворенія міра кроется символизмъ, какъ его немедленно же объявляютъ еретикомъ: онъ дѣлается достояніемъ палача [2]). Даже по возможности матеріализованная исторія сотворенія міра книги Бытія — до очевидности чужой,

---

[1]) Philippson, «Israelitische Religionslehre» I, 35 и слѣд.

[2]) См. напр. Graetz, «Gnosticismus und Judentum», главу о Ben Soma.

заимствованный элементъ, совершенно изолированный среди другихъ израильскихъ преданій и лишенный всякой внутренней связи съ ними [1]). Дѣло въ томъ, что воля, подавляя разумъ и фантазію, не даетъ имъ вполнѣ развиться. Вотъ почему утратившій свою вѣру семитъ неминуемо ударяется въ атеизмъ; тайны, мистеріи въ ней и такъ не заключалось: если міръ созданъ не Аллахомъ, то творецъ его—матерія; какъ объясненіе происхожденія міросданія, эти два предположенія отличаются другъ отъ друга развѣ только на іоту, такъ какъ ни то, ни другое не ставитъ семита лицомъ къ лицу съ неразрѣшимой загадкой, съ сверхчувственной тайной.

Но если мы хотимъ постичь всю глубину вліянія семитическаго міровоззрѣнія на религію, то нельзя говорить только о пониманіи или непониманіи таинственнаго и объ отношеніи къ нему чувства; необходимо также упомянуть о творческомъ вліяніи фантазіи, этой «всесоединяющей небесной спутницы», какъ называетъ ее Новалисъ. Фантазія — служанка религіи; она — великая посредница; рожденная, по словамъ Шекспира, «отъ брака головы съ сердцемъ», она обитаетъ на границѣ, отдѣляющей области гётевскаго «двойного царства», и служитъ такимъ образомъ связующимъ звеномъ между обѣими половинами: образы ея значительнѣе, чѣмъ это представляется на первый взглядъ, слова содержательнѣе, чѣмъ кажется слуху при первомъ впечатлѣніи. Ей

---

[1]) Подробно разработано у Renan'a, «Langues sémitiques» стр. 482 и слѣд.

не дано раскрыть сокрытое отъ насъ; но она ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ образомъ Маи и убѣждаетъ насъ, что пелена, ее покрывающая, не можетъ быть приподнята. Символизмъ, какъ языкъ, необходимый намъ для выраженія ея неизъяснимой міровой тайны,—ея твореніе. Платонъ называетъ этотъ языкъ плотомъ, несущимъ насъ по теченію жизни; области фантазіи и чувства таинственнаго одинаково обширны; формы проявленія фантазіи столь же разнообразны, какъ различныя ступени культуры и климаты разныхъ поясовъ земного шара. Такъ, напримѣръ, жители острововъ Самоа выразили непостижимую и, тѣмъ не менѣе, очевидно ясно сознаваемую ими тайну вездѣсущности Божіей слѣдующимъ символомъ: они представляютъ себѣ, что тѣло ихъ бога Савеазіумо состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей; верхняя, имѣющая человѣческій образъ (собственно изображеніе бога), пребываетъ въ «обители духовъ» съ усопшими; нижняя — представляетъ собою чрезвычайно длинный змѣевидный хвостъ, обвивающійся вокругъ острововъ Великаго океана и наблюдающій за тѣмъ, что дѣлаютъ люди. Правда, отъ такой сравнительно грубой фантазіи еще далеко до христіански-теологическаго представленія о вездѣсущности Божіей и еще дальше до трансцендентальнаго идеализма, послужившаго Санкарѣ для олицетворенія той же тайны; но принципіальнаго различія я здѣсь не усматриваю. Кромѣ того мы видимъ на другихъ примѣрахъ, какъ такое проявленіе фантазіи въ религіозныхъ представленіяхъ всюду мало-по-малу приводитъ къ самымъ свѣтлымъ идеямъ. Тайлоръ (Tylor), этотъ осторожный, надежный ученый, утверждаетъ, что на всемъ африканскомъ материкѣ, на-

чиная съ готтентотовъ и кончая берберами, вѣроятно, нѣтъ ни одного племени, которое не вѣрило бы въ верховное божество, и онъ показываетъ, какъ это понятіе постепенно развивалось изъ простого анимизма. Но большая часть этихъ племенъ, напримѣръ негры Золотого берега, считаютъ недостойнымъ представлять себѣ великаго духа занятымъ мелочными земными дѣлами; по ихъ мнѣнію, онъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вмѣшивается въ нихъ. Другое племя,—іорубовъ (стоящее на значительно высшей ступени культуры и живущее на Невольничьемъ берегу) учитъ: «Никто не можетъ обращаться непосредственно къ Богу, а Всевышній самъ поставилъ между собою и человѣчествомъ заступниковъ и посредниковъ. Богу нельзя приносить жертвъ, потому что Онъ ни въ чемъ не нуждается, посредники же, очень похожіе на людей, напротивъ, рады подаркамъ въ видѣ овецъ, голубей и другихъ предметовъ». Это ученіе представляется мнѣ «народной метафизикой» уже довольно высокаго порядка,—религіей, заслуживающей уваженія. Съ другой стороны намъ извѣстно, что богатѣйшая въ свѣтѣ индоарійская миѳологія учитъ уже въ своихъ древнѣйшихъ гимнахъ (относящихся ко времени до переселенія въ Индію): «Множество боговъ составляютъ одно существо, которому поклоняются подъ разными именами» [1]). Эта же миѳологія привела впослѣдствіи къ самому возвышенному представленію о единомъ богѣ въ лицѣ Брамы и вообще къ безконечно возвышенной, хотя

[1]) Rigveda I, 164, 45 (цитата по Barth, «Religions de l'Inde», стр. 43).

и односторонней и потому погибшей религіи. Мы знаемъ также, какъ изъ этого общаго корня вышли вѣчно юный эллинскій Олимпъ и столь удивительное нравственное ученіе Авесты и Зороастра, а также, какъ они, въ соединеніи съ вытекающими отсюда метафизическими ученіями и нашимъ постояннымъ природнымъ стремленіемъ къ творчеству, спасли христіанство отъ судьбы обратиться лишь въ придатокъ іудейства; какъ они придали ему миѳическое (т. е. неисчерпаемое) содержаніе и внѣшнюю красоту, связали его съ глубокомысленнѣйшими символами индоевропейской мысли и преобразили его въ священный сосудъ для храненія тайнъ человѣческаго сердца и человѣческаго разума; они сдѣлали изъ него «путь, ведущій въ страну недосягаемую, порога которой никто не перешагнетъ», и «тропу, ведущую черезъ вселенную». Итакъ, значеніе фантазіи для религіи не подлежитъ сомнѣнію. Но можно ли сказать, что семитъ окончательно лишенъ всякой фантазіи? Всѣ подобныя безусловныя утвержденія ошибочны. Если письменное изложеніе мысли и требуетъ часто краткости, то мы въ правѣ предположить, что читатель исправляетъ этотъ недостатокъ автоматически. Семитъ такой же человѣкъ, какъ всѣ; здѣсь вопросъ касается лишь коренныхъ отличительныхъ чертъ, которыя въ данномъ случаѣ, вслѣдствіе крайностей, характеризующихъ этотъ человѣческій типъ, дѣйствительно приближаются къ границѣ, отдѣляющей абсолютное «да» отъ такового же «нѣтъ», бытіе отъ небытія. Дѣло въ томъ, что всѣ компетентные въ данномъ вопросѣ люди единогласно удостовѣряютъ, что отсутствіе фантазіи, или, скажемъ вѣрнѣе, бѣдность фантазіи, — одна изъ основ-

ныхъ чертъ семита. Я уже привелъ не одно убѣдительное подтвержденіе этого положенія,—напримѣръ, слова Лассена,—и могъ бы присовокупить къ нимъ еще многое, но вопросъ этотъ не заслуживаетъ дальнѣйшаго обсужденія: магометанство и іудейство—достаточныя доказательства; то, что намъ сообщаютъ о бедуинѣ, указываетъ лишь на источникъ этой скудости. Ренанъ выразился очень удачно; онъ говоритъ: «Le sémite a l'imagination comprimante», то есть фантазія его дѣйствуетъ ограничивающимъ, связывающимъ, томительнымъ образомъ; великая мысль, глубокій символъ возвращаются послѣ ихъ обработки его мозговой дѣятельностью блѣдными и жалкими, какъ бы «расплющенными» и лишенными своего глубокаго значенія. «Подъ руками семитовъ миѳическія сказанія, заимствованныя ими у другихъ народовъ, обращались въ плоскія историческія повѣствованія» [1]). «Обезцвѣченіе миѳовъ равносильно ихъ іудаизированію», говоритъ Вельгаузенъ [2]). Семиты не только отличались скудостью творческой фантазіи, но они систематически подавляли въ себѣ всякое ея проявленіе. Человѣку возбраняется не только мыслить и изумляться, но въ той же мѣрѣ и воображать что-нибудь. Всякая попытка представить себѣ нѣчто сверхчувственное считается идолопоклонствомъ: Савеазіумо самоанцевъ—идолъ, Сикстинская Мадонна Рафаэля—идолъ, символъ креста—идолъ [3]). Я не стану повторять здѣсь ска-

[1]) Renan, «Israël» 1, 49, 77, 78.

[2]) Wellhausen, «Prolegomena», 4 изд., стр. 321.

[3]) Проф. Гретцъ особенно подчеркиваетъ, что крестъ надо отнести къ числу идоловъ—«Graetz, «Volkst. Geschichte der Juden», II. 218.

заннаго мною уже раньше объ этомъ предметѣ (см. «Явленіе Христа»). Я тамъ пытался выяснить, почему у семита должно было сложиться такое воззрѣніе, какимъ путемъ оно было навязано ему его жгучей и своеобразной вѣрой, источникомъ которой является его воля; я также указалъ на то обстоятельство, что всюду, гдѣ семитъ сопротивлялся этому закону своей природы (какъ, напримѣръ, въ Финикіи), онъ самъ становился отвратительнѣйшимъ идолопоклонникомъ, быть можетъ, когда-либо произведеннымъ человѣчествомъ: тогда какъ индусъ учитъ отреченію отъ воли, Христосъ—перерожденію ея, для семита, напротивъ, вся религія лишь обоготвореніе воли, самое жгучее, безмѣрное, неистовое ея подтвержденіе; не будь у него этой вѣры, дѣлающей его первымъ изъ фанатиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ мученика, онъ былъ бы лишенъ всякой религіи,—почти окончательно лишенъ ея; вотъ почему его законодатели напоминаютъ ему на каждомъ шагу: «Не сотвори себѣ кумира».

Изъ сказаннаго вытекаетъ слѣдующее: семитъ изгоняетъ изъ религіи изумленіе, порождаемое избыткомъ думъ,—всякое предчувствіе сверхъестественной тайны, а также творческую фантазію; онъ допускаетъ лишь ихъ неизбѣжный минимумъ,—тотъ «минимумъ религіи», о которомъ говоритъ Ренанъ. Поэтому всюду, гдѣ проявлялось семитическое вліяніе,—будь то путемъ физическаго племенного смѣшенія (какъ у евреевъ), или же въ силу одной лишь мощной идеи (какъ въ христіанствѣ), мы встрѣчаемся съ этими характерными стремленіями. Ихъ можно выразить однимъ словомъ: матеріализмъ. Одинъ изъ величайшихъ мыслителей всѣхъ временъ.

мышленіе котораго отличалось къ тому же не имѣющей себѣ подобной пластичной символичностью, не достигнутой даже Платономъ, такъ что его міровоззрѣніе во многихъ отношеніяхъ имѣетъ близкое сродство съ религіей,—Шопенгауеръ установилъ, въ качествѣ метафизика, слѣдующій тезисъ: «Матерія—лишь воплощенная, видимая воля... то, что̀ въ явленіи, то есть для нашаго представленія, — матерія, по существу своему—воля» [1]). Я не намѣренъ ни заниматься здѣсь метафизикой, ни быть истолкователемъ шопенгауеровскаго спекулятивнаго символизма; но бросается въ глаза, что и въ области чисто эмпирической психологіи неизбѣжно удерживается аналогичное этому отношеніе. Тамъ, гдѣ воля поработила вопрошающій разу́мъ и связанное съ богатой фантазіей чувство, не можетъ быть другого міровоззрѣнія и другого взгляда на жизнь, кромѣ матеріалистическаго. Я употребляю здѣсь слово матеріализмъ не въ презрительномъ смыслѣ и не отрицаю преимуществъ этого направленія, не оспариваю его совмѣстимости съ нравственностью: я просто констатирую фактъ. Религіозное ученіе араба Магомета—неподдѣльный матеріализмъ какъ въ отношеніи происшествій, связанныхъ съ откровеніями, путемъ которыхъ Богъ сообщилъ ему Свою волю, такъ и относительно обѣщаннаго Имъ, на-

---

[1]) Schopenhauer, «Die Welt als Wille und Vorstellung», 2 томъ, 2 кн., гл. 24. Интересно, хотя и не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ сказанному, ученіе Sâmkhya-философіи (раціоналистическая система индѣйскихъ браминовъ), согласно которому воля—не психическая, а физическая функція! Ср. Grabe, «Die Sâmkhya-Philosophie», стр. 251.

селеннаго прелестными гуріями, рая, гдѣ ѣдятъ и пьютъ; такой же неподдѣльный матеріализмъ—контрактъ, заключенный Іаковомъ съ Іеговой (кн. Бытія XXVIII, 20—21), въ которомъ Іаковъ, поставивъ пять условій или, какъ выразился бы юристъ,—стипуляцій, говоритъ въ заключеніе: «Если (Господь) Богъ будетъ со мною и сохранитъ меня, то будетъ Господь моимъ Богомъ». Вся исторія сотворенія міра книги Бытія—она приблизительно въ той же формѣ существовала у всѣхъ еврейскихъ племенъ, а также у сирійскихъ семитовъ и вавилонянъ [1])—чистый матеріализмъ. Первоначально она не была таковою: она заключала въ себѣ миѳическо-символическое представленіе одареннаго фантазіей народа (вѣроятно, сумеро-аккадійцевъ), но мы только что слышали отъ Ренана, что миѳъ обращался подъ руками семитовъ въ историческую лѣтопись [2]). Семиты совершенно упустили изъ виду всѣ глубокія идеи, которыя были вложены въ эти сказанія поэтическими и мечтательными душами, какъ таинственная основа; они были такъ слѣпы, что, напримѣръ, евреи познакомились съ

---

[1]) Сравни Gunkel: «Handkommentar zur Genesis», стр. XLI и слѣд.

[2]) О выдающейся фантазіи, которой были одарены сумеро-аккадійцы, свидѣтельствуютъ ихъ научные труды; но говорятъ, что кромѣ того свойства ихъ языка указываютъ на особенную ихъ склонность къ абстракціи: она богаче словами, выражающими отвлеченныя понятія, чѣмъ конкретныя (См. Delitzsch, «Die Entstehung des ältesten Schritsystems» 1898, стр. 118). Болѣе рѣзкая противоположность семитическаго душевнаго склада немыслима. Легко представить себѣ, какимъ искаженіямъ должна была подвергнуться сумерійская теорія созданія міра у израильтянъ.

представленіемъ о зломъ духѣ, какъ объ антагонистѣ добраго, лишь черезъ Зороастра во время Вавилонскаго плѣна; до тѣхъ поръ они видѣли въ библейскомъ змѣѣ лишь простую змѣю [1]). Но что я говорю о томъ, что у нихъ не было представленія о зломъ принципѣ? Не взирая на I и II главы ихъ книги Бытія, евреямъ вплоть до переселенія въ Вавилонъ была окончательно чужда идея о Богѣ—Творцѣ неба и земли! Мысль эта появляется впервые въ книгѣ пророка Исаіи, гл. XL—LVI; Іереміи это представленіе было незнакомо [2]). Содержа-

[1]) Ср. Montefiore, вышеназв. соч., стр. 453. Какъ глубоко эта неспособность коренится въ самой организаціи семита, видно изъ того, что такой универсально образованный ученый, какъ Джемсъ Дарместетеръ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ оріенталистовъ XIX-го столѣтія, писалъ въ 1882 г.: «Библейская космогонія, поспѣшно заимствованная изъ чужого источника, а также всѣ связанныя съ нею сказанія о яблокахъ и змѣяхъ, адъ которыми цѣлыя христіанскія поколѣнія проводили безсонныя ночи, никогда не причиняли нашимъ еврейскимъ ученымъ и мыслителямъ ни малѣйшей муки и не составляли предмета ихъ «размышленій». Широкая ученость этого несомнѣнно либеральнаго—«честнаго еврея», какъ сказалъ бы Шекспиръ,—была безсильна вызвать въ немъ болѣе глубокое пониманіе предмета; поэтому мы въ правѣ выслушать его дальнѣйшее поученіе съ улыбкой, когда онъ говоритъ, покончивъ съ яблоками, что крестъ уже «истлѣлъ» и что христіанство—«недоношенная» религія. Здѣсь опять представляется нашему взору бездонная пропасть, о которой я уже говорилъ раньше (стр. 122); мы сознаемъ всю ея безконечную глубину при видѣ такого абсолютнаго непониманія! (См. «Coup d'oeil sur l'histoire du peuple juif», стр. 19 и слѣд.).

[2]) Даже еврейскій ученый Монтефіоре вполнѣ согласенъ съ этимъ.—Montefiore, «Religion of the ancient Hebrews» стр. 269.

щіяся въ книгѣ Бытія научно-фантастическія идеи о происхожденіи органическаго міра, глубокомысленный миѳъ о грѣхопаденіи, предположеніе о ходѣ развитія человѣчества до первой организаціи общества—все это обратилось теперь въ «исторію» и потеряло, вслѣдствіе этого, всякое значеніе религіознаго миѳа: миѳъ растяжимъ и неисчерпаемъ, тогда какъ здѣсь имѣется простая лѣтопись, перечень якобы совершившихся событій. Это матеріализмъ [1]). Всюду, куда проникало вѣяніе семитическаго духа, мы находимъ и этотъ матеріализмъ. Во всемъ остальномъ свѣтѣ религія — результатъ идеальныхъ побужденій; Шопенгауеръ назвалъ ее «народной метафизикой»; я охотнѣе обозначилъ бы ее выраженіемъ— «народный идеализмъ». И у семитовъ мы можемъ прослѣдить это исполненное тоски пробужденіе предчувствія чего-то сверхъестественнаго (достаточно прочесть жизнеописаніе Магомета, чтобы убѣдиться въ этомъ), но у нихъ мощная воля немедленно же овладѣваетъ каждымъ символомъ, каждымъ болѣе глубокимъ предчувствіемъ грезящей думы и превращаетъ ихъ въ голые факты. Въ результатѣ получается, что при такомъ воззрѣніи религія преслѣдуетъ лишь однѣ практическія цѣли и далека отъ идеальныхъ: на нее возлагается обязанность заботиться о человѣческомъ благополучіи на этомъ свѣтѣ, причемъ главнымъ образомъ имѣются въ виду власть и обладаніе мате-

---

[1]) Болѣе подробныя изслѣдованія о Библіи, какъ объ историческомъ сочиненіи, и о значеніи, которое она имѣетъ въ этомъ отношеніи для еврейскаго народа, см. Чамберлэнъ «Явленіе Христа».

ріальными благами: кромѣ того, она должна ручаться за благоденствіе и въ будущей жизни (тамъ, гдѣ существуетъ понятіе о безсмертіи души, перешедшее, напримѣръ, въ еврейскую религію лишь благодаря персидскому вліянію, а въ арабскую—христіанскому). Это голый матеріализмъ, какъ мы уже видѣли изъ сравненія съ Савеазіумо самоанцевъ и съ великимъ міровымъ духомъ іорубовъ.

Это—отрицательное вліяніе еврейства на всѣ религіи: зараженіе ихъ матеріалистическими воззрѣніями. Теперь мы должны перейти къ разсмотрѣнію положительнаго, обыкновенно исключительно принимаемаго въ расчетъ. Мнѣ кажется, что можно безусловно утверждать, что нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такой силы вѣры, какъ у семитовъ,—такой жгучей, безграничной и непоколебимой вѣры. Безъ нихъ у насъ, быть можетъ, и не существовало бы понятія о религіозной вѣрѣ—«fides». Нѣмецкое слово «Glaube» очень двусмысленно: оно въ такой же мѣрѣ отзывается сомнѣніемъ, какъ и убѣжденностью; основное его значеніе лишь одобреніе—«gut heissen» [1]). Если мы обратимся къ латинскому языку, то тамъ дѣло обстоитъ не лучше, потому что «fides», собственно говоря, означаетъ довѣріе—и только [2]); выраженіе «bona fides», употребляемое въ юридическихъ договорахъ, указываетъ намъ на первоначальное значеніе его; установившаяся позже формула «fides salvifica»—искаженіе. Весьма характерно, что и на санскритскомъ языкѣ слово «çraddhâ»—«вѣра» отличается неопредѣленностью и безцвѣт-

[1]) Kluge, «Etymologisches Wörterbuch».

[2]) То же относится и къ греческому πίστις.

ностью своего значенія сравнительно съ семитическимъ словомъ «вѣра»: выносишь впечатлѣніе, подтверждаемое основательнымъ изученіемъ историческихъ явленій, что здѣсь рѣчь идетъ о двухъ совершенно различныхъ понятіяхъ [1]). Вѣдь часто случается, что съ увеличеніемъ количества чего-нибудь совершенно измѣняется его качество; повидимому, здѣсь произошло нѣчто въ этомъ родѣ. Истинная семитическая вѣра ничѣмъ не можетъ быть подорвана, ни даже поколеблена; она устойчива и продолжаетъ существовать, вопреки всякому опыту и всякой очевидности. Здѣсь торжество воли и при этомъ— на что слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, какъ на самую суть разсматриваемаго замѣчательнаго психологическаго явленія—она торжествуетъ не только вслѣдствіе своей необычайной силы, но и вслѣдствіе оскудѣнія ума и фантазіи: минимуму религіи противопоставляется максимумъ безусловной, непоколебимой способности вѣрить, потребности вѣрить, которая, подобно жадной рукѣ, протягивается къ благамъ сего міра, чтобы принести ихъ въ даръ вѣрующему, но только—лично ему, исключительно ему одному. Характерно для абсолютизма этого,—если позволительно такъ выразиться,—«хотѣнія вѣрить», что первоначально у каждаго семитическаго племени, даже у самаго незначительнаго, былъ свой собственный богъ; семитъ въ этомъ отношеніи никогда не

[1]) Çraddhâ означаетъ: «довѣріе, упованіе, вѣра, вѣрность и искренность», глаголъ çrad-dhâ — «довѣрять, принимать за истину». Но въ словѣ этомъ что-то вялое, безцвѣтное; нашего вниманія заслуживаетъ въ особенности то обстоятельство, что слово «çraddhâ» играетъ вообще очень незначительную роль въ жизни этого въ высшей степени религіознаго народа.

согласился бы на дѣлежъ: воля его абсолютна; онъ хочетъ обладать всѣмъ одинъ; а его вѣра столь же безпредѣльна, какъ его воля; эти два слова для него почти синонимы. Здѣсь религія существуетъ какъ бы не ради самой себя, а какъ средство, какъ орудіе для возможнаго расширенія предѣловъ области того, что̀ достигается волей[1]). Предположеніе, что семитъ по своей натурѣ монотеистъ, давно признано заблужденіемъ[2]); укорененію его много содѣйствовало извѣстное изреченіе Ренана[3]): «Le désert est monothéiste» («пустыня признаетъ лишь единаго бога»). Однако мы видимъ, что у каждаго маленькаго еврейскаго племени свой собственный богъ, власть котораго простирается лишь надъ этимъ родомъ и занимаемой имъ областью; кто покидаетъ семейный союзъ и переходитъ въ другую—тотъ подпадаетъ подъ владычество другого бога: нельзя же назвать это моно-

---

[1]) Многіе авторы удостовѣряютъ, что истинный бедуинъ пустыни и въ настоящее время не признаетъ космополитическаго бога Корана. Robertson Smith («Religion of the Semits», стр. 71) указываетъ на то, что магометанство до извѣстной степени религія городская, отличающаяся отъ религіи пустыни. Нѣчто подобное сообщаетъ и Burckhardt, «Beduinen», стр. 136.

[2]) Ср. Robertson Smith, «Religion of the Semits» (изд. 1894 г., стр. 75 и слѣд.). Извѣстно, какими усердными политеистами были многія псевдосемитическія націи; но мы не имѣемъ права дѣлать изъ этого выводъ, что то же относится къ чистокровнымъ семитамъ. На эту почти никогда не соблюдаемую осторожность особенно настоятельно указываетъ Ренанъ въ предисловіи къ 1-му изд. своего сочиненія «Langues sémitiques».

[3]) Renan, «Langues sémitiques», 1878, стр. 6. Слова эти сказаны Ренаномъ впервые въ 1855 году.

теизмомъ [1]). Я считаю идею о единомъ Богѣ вполнѣ не семитической и даже антисемитической уже потому, что она можетъ быть продуктомъ лишь философскаго мышленія: въ избыткѣ матеріала, накопленномъ фантазіей, мышленіе устанавливаетъ извѣстный порядокъ и такимъ путемъ приходитъ къ понятію о единствѣ; здѣсь же нѣтъ ни фантазіи, ни философскаго созерцанія, а только исторія и волевая способность: при этихъ данныхъ никогда не могъ получиться космическій міровой духъ индусовъ, персовъ, эллиновъ и христіанъ, ни «единый богъ» египтянъ [2]). Въ іудейство идея о единомъ Богѣ

---

[1]) Изгнанный изъ Палестины Сауломъ, Давидъ не можетъ въ чужой странѣ не «служить богамъ чужимъ» (I кн. Царствъ XXVI, 19). Ср. съ этимъ въ особенности Robertson Smith, «Prophets of Israel» (изд. 1895, стр. 44) и сопоставленіе характерныхъ цитатъ у Вельгаузена, изъ которыхъ вытекаетъ тотъ же выводъ—Wellhausen, «Prolegomena», 4 изд., стр. 22. Особенно наивно проявляется политеизмъ въ хвалебной пѣснѣ Моисея: «Кто какъ ты, Господи, между богами?» (Исходъ XV, 11). Во Второзаконіи Моисея, которое позднѣйшаго происхожденія, Іегова и «чужіе боги» упоминаются, какъ совершенно однородныя существа (Второзаконіе XXXII, 12), и только въ особенно торжественныхъ случаяхъ къ первому взываютъ, какъ къ «Богу боговъ и Владыкѣ владыкъ» (Второзак. X, 17). Еще во времена Маккавеевъ (полвѣка спустя) мы встрѣчаемся съ этимъ выраженіемъ: «Богъ всѣхъ боговъ» въ кн. Даніила XII, 1 (русск. перев. Библіи—кн. Даніила XI, 36—примѣч. переводч.) и находимъ у Іисуса Сираха представленіе о «побочныхъ богахъ», которые царствуютъ надъ различными народами по порученію Іеговы (Екклезіастъ XVII, 17).

[2]) Много спорили объ египетскомъ монотеизмѣ, но неосновательно, такъ какъ въ немъ нельзя сомнѣваться, если прочесть въ «Книгѣ смерти» слѣдующее: «Ты единый, ты безначальный

проникла лишь постепенно въ позднѣйшее время, уже послѣ Вавилонскаго плѣна, и, безъ сомнѣнія, благодаря чужому—въ особенности персидскому—вліянію. Желая быть вполнѣ правдивыми, мы должны бы сказать: идея эта никогда не проникла туда вполнѣ, потому что еще въ настоящее время, какъ и 3000 лѣтъ тому назадъ, Іегова не богъ космической вселенной, а все еще богъ іудеевъ; Онъ только истребилъ и уничтожилъ остальныхъ боговъ, подобно тому, какъ Онъ еще истребитъ и всѣ остальные народы, за исключеніемъ тѣхъ, которые будутъ служить евреямъ въ качествѣ ихъ рабовъ [1]). Вѣдь это же не истинный монотеизмъ, а, какъ уже было сказано мною, неприкрашенная монолятрія!

Это же разсужденіе убѣждаетъ насъ въ важности и своеобразности истины, кроющейся въ словахъ Ренана,

---

Богъ, наслѣдникъ вѣчности, произведшій и родившій самого Себя; ты сотворилъ землю и людей»... (Вступительный гимнъ къ Ра. См. полный переводъ «Книги смерти» Ѳиванской рецензіи E. A. W. Budge, 1898).—Budge (стр. XCVIII) указываетъ на то, что формула Второзаконія IV, 4: «Господь Богъ нашъ единый Богъ»—буквальное подражаніе египетской.

[1]) См., напримѣръ, Апокалипсисъ Баруха, LXXII, знаменитое еврейское сочиненіе конца I-го столѣтія до Р. Хр.: «Люди всѣхъ націй будутъ подвластны Израилю, но тѣ, которые властвовали надъ вами, будутъ истреблены мечомъ» (Цитата по Stanton, «The jewish and the christian Messiah», стр. 316). Изъ этого ясно, какимъ узко-національнымъ богомъ остался Іегова, слывущій творцомъ неба и земли. Съ этимъ соглашается и Монтефіоре, когда онъ говоритъ: «Хотя Іегова и сдѣлался мало-помалу всемірнымъ Богомъ, но онъ всетаки остался Іеговой. Не взирая на то, что Онъ сталъ неограниченнымъ властелиномъ вселенной, Онъ не пересталъ быть Богомъ Израиля (вышеназв.

но выраженной въ слишкомъ общихъ чертахъ; взглядъ его оказался вѣрнымъ, но анализъ—слишкомъ поверхностнымъ, какъ это часто бываетъ у него. Такъ, онъ утверждаетъ: «Пустыня признаетъ лишь единаго Бога; величіе ея безпредѣльнаго однообразія впервые вызвало въ человѣкѣ представленіе о безконечномъ». Какъ ошибочно все, что̀ слѣдуетъ въ этомъ изреченіи послѣ точки съ запятой, доказываютъ собственныя разсужденія Ренана, приведенныя имъ въ другихъ мѣстахъ: тамъ онъ говоритъ, что именно семитическіе языки «неспособны» выразить понятіе о безконечности. Въ дремучихъ первобытныхъ лѣсахъ Индіи сознаніе безконечности достигло въ человѣкѣ такой степени, что онъ почувствовалъ, какъ его личное «я» начало сливаться со вселенной; житель раскаленной знойными лучами солнца пустыни, напротивъ, былъ до такой степени ослѣпленъ избыткомъ свѣта, что сила его зрѣнія отъ этого пострадала, и онъ ничего не видѣлъ, кромѣ самого себя. Онъ былъ далекъ отъ сознанія безконечнаго, возникающаго въ нашей душѣ только при созерцаніи ночи, когда мы внимаемъ милліонамъ голосовъ окружающей насъ жизни, и чувствовалъ свое одиночество; онъ сознавалъ,

---

соч., стр. 422). Robertson Smith, одинъ изъ первыхъ авторитетовъ нашего времени по этимъ вопросамъ, толкуетъ 2-ую главу Исаіи, какъ пророчество, согласно которому Іегова мало-по-малу возвысится до Бога всего человѣчества, въ силу признанія за Нимъ добродѣтелей властителя! Итакъ даже въ самый возвышенный фазисъ семитическаго религіознаго воззрѣнія, даже тамъ, гдѣ говорится о Богѣ, у евреевъ преобладаетъ чисто историческая, явно антропоморфическая и безусловно матеріалистическая точка зрѣнія.

что, не взирая на это одиночество, онъ окруженъ опасностями, лишь съ трудомъ можетъ добывать себѣ пропитаніе и окончательно лишился бы этой возможности, если бы чужой родъ вздумалъ присоединиться къ его племени. Жизнь эта была борьбой—борьбой, въ которой могъ устоять только безусловный эгоизмъ. Въ то время какъ индусу, углубившемуся всецѣло въ свои думы, стоило лишь протянуть руку къ окружавшимъ его деревьямъ, чтобы утолить свой голодъ, бедуину приходилось быть постоянно на-сторожѣ, денно и нощно—ему было не до размышленій о безконечности, тѣмъ болѣе, что онъ по своей натурѣ былъ окончательно неспособенъ къ этому, и даже языкъ его отказывался служить орудіемъ такого созерцанія. Но легко представить себѣ, что однообразная скудость окружавшей его природы могла привести къ неимовѣрной бѣдности по части миѳологическихъ представленій: человѣкъ окончательно неспособенъ питать свою фантазію собственными средствами—она, по словамъ Шекспира, «рождается во взорѣ»; тамъ, гдѣ глазу представляется лишь сплошное однообразіе, источникъ фантазіи изсякаетъ до послѣдней капли [1]). Столь же понятно, что при такихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ вполнѣ могъ развиться тотъ безусловно эгоистичный монотеизмъ, въ которомъ Богъ является не великимъ міровымъ духомъ, какъ у негровъ Невольничьяго бе-

---

[1]) Буркгардтъ, жившій много лѣтъ въ Аравіи, удостовѣряетъ, что однообразіе жизни въ пустынѣ и полное отсутствіе какихъ-либо занятій дѣйствуютъ подавляющимъ образомъ на умъ и наконецъ всецѣло парализуютъ его дѣятельность (Burckhardt, «Beduin und Wahaby», стр. 286).

рега, а «неумолимымъ, жестокимъ властителемъ, существующимъ лишь для меня одного и для моихъ дѣтей, который даруетъ мнѣ, подъ условіемъ слѣпого повиновенія съ моей стороны, изобилующія виномъ и елеемъ земли, не мною воздѣланныя, дома, построенные не моими руками, колодцы, выкопанные чужимъ трудомъ, то есть всѣ тѣ богатства, которыя мнѣ приходится видѣть изрѣдка лишь издали, когда я, побуждаемый къ тому голодомъ, покидаю свою пустыню для разбойничьихъ набѣговъ. Да! и всѣхъ этихъ людей, предающихся тамъ своимъ работамъ и излишествамъ богатства и сопровождающихъ свое богослуженіе радостными плясками, пѣніемъ и обильными жертвоприношеніями—всѣхъ ихъ я обреку на закланіе во славу моего бога пустыни и опрокину ихъ алтари: одинъ лишь мой Богъ будетъ тогда Богомъ, одинъ я буду властителемъ земли!» Таковъ монотеизмъ пустыни; источникомъ ему служитъ не идея безконечности, а безъидейность, свойственная бѣдному, голодному и жадному человѣку, умственный кругозоръ котораго едва выходитъ изъ представленій о земныхъ богатствахъ и власти, какъ о высшихъ благахъ и высшемъ блаженствѣ.

Чтобы вполнѣ выяснить всю глубину перемѣны, вызываемой въ человѣческой душѣ этимъ семитическимъ воззрѣніемъ на вѣру, я не знаю лучшаго средства, какъ сослаться на Гёте. Вездѣ и всюду обыкновенно цитируются его слова: «Самой главной, единственной и глубочайшей темой міровой и человѣческой исторіи, которой всѣ остальныя уступаютъ по значенію, останется навсегда антагонизмъ, существующій между вѣрой и не-

специфическомъ семитическомъ смыслѣ—да, но все-таки не безъ вѣры. Вѣра всюду—незримая душа, религія—видимое тѣло. Слѣдовательно, если мы хотимъ развить тезисъ Гёте до полной его очевидности, то мы должны сдѣлать еще шагъ впередъ. Я опять прибѣгаю къ иллюстраціи.

Насколько мнѣ извѣстно, догматизмъ и понятіе объ откровеніи нигдѣ не достигли такой высокой степени развитія, какъ у арійскихъ браминовъ; и не взирая на это, тамъ результатъ совсѣмъ иной, чѣмъ у семитовъ. Свящ. Веды индусовъ считались божественнымъ откровеніемъ: каждое ихъ слово имѣло неоспоримое значеніе авторитета для всѣхъ вопросовъ вѣры; и тѣмъ не менѣе, на почвѣ этихъ признанныхъ во всѣхъ отношеніяхъ «непогрѣшимыми» священныхъ книгъ развилось до полнаго расцвѣта шесть совершенно различныхъ міровоззрѣній [1]); это системы, въ которыхъ философія и религія тѣсно переплетены между собою (какъ это свойственно духу индусовъ); въ нихъ воззрѣнія на сущность божества, на отношеніе къ нему индивидуума, на значеніе искупленія и т. д. крайне различны, такъ что онѣ касаются не только философіи, но и религіи своихъ послѣдователей и даже преимущественно послѣдней; и всѣ эти ученія, во многихъ отношеніяхъ столь противорѣчащія другъ другу въ существенныхъ вопросахъ, тѣмъ не менѣе считались правовѣрными—всѣ безъ исключенія! Вѣдь въ основѣ всѣхъ ихъ лежали тѣ же священныя книги; иначе говоря,—всѣ они исхо-

[1]) Число ихъ было еще больше, но ихъ можно распредѣлить подъ упомянутыя шесть большихъ рубрикъ.

дили отъ однихъ и тѣхъ же коренныхъ миѳическихъ образовъ, намѣченныхъ въ гимнахъ, и во всѣхъ нихъ проявлялось то же уваженіе къ глубокимъ созерцательнымъ мыслямъ, положеннымъ въ основу предписаній культа и Упанишадъ: этого было достаточно. Не существовало ни историческихъ данныхъ, ни лѣтописи сотворенія міра и человѣческихъ племенъ, въ которыя полагалось бы слѣпо вѣрить; если и было нѣчто въ этомъ родѣ, то оно понималось исключительно, какъ символъ, какъ иносказательный образъ. Такъ, напримѣръ, строго ортодоксальный комментаторъ священныхъ книгъ Санкара (Çankara) говоритъ о различныхъ символическихъ картинахъ и мистическихъ разсужденіяхъ, относящихся къ сотворенію міра: «Писаніе совсѣмъ не имѣетъ въ виду поучать насъ о развитіи міросданія, начавшагося съ сотворенія вселенной, такъ какъ совершенно немыслимо и неочевидно, а также нигдѣ и не говорится о томъ, чтобы отъ знанія этихъ вещей могло зависѣть что-нибудь, имѣющее значеніе для человѣка [1]). Точно также всякому предоставлялось думать что̀ онъ хочетъ объ отношеніи, существующемъ между духомъ и матеріей. Монистъ былъ такъ же правовѣренъ, какъ дуалистъ, идеалистъ—какъ матеріалистъ. Понятно, что при подобномъ воззрѣніи на религію и вѣру «въ Индіи

[1]) «Die Sûtra's des Vedânta», von Paul Deussen übersetzt. Brockhaus, 1887, I, 4, 14. Какъ не вспомнить здѣсь знаменательныхъ словъ Гёте: «Настойчивое исканіе причинъ можетъ быть крайне вредно!» Карлейль прекрасно замѣчаетъ въ своей статьѣ о Дидеро: «Всякая религіозная вѣра, стремящаяся узнать начальныя причины, безплодна, недѣйствительна и невозможна».

вѣріемъ» [1]). Но несравненно большее значеніе имѣетъ слѣдующая выдержка изъ IV книги «Wahrheit und Dichtung»: «Всеобщая, естественная религія, въ сущности, не требуетъ вѣры: убѣжденіе, что за природой какъ бы скрывается великое, творящее, управляющее и руководящее Существо, чтобы сдѣлаться доступнымъ нашему пониманію, само собой напрашивается каждому; даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ временно обрываетъ эту нить, сопровождающую его всю жизнь, онъ все-таки въ любой моментъ можетъ опять найти ее. Но дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе съ той особенной религіей, которая возвѣщаетъ намъ, что это верховное Существо занимается явнымъ образомъ и преимущественно единичной личностью, отдѣльнымъ племенемъ, отдѣльнымъ народомъ или извѣстной страной. Эта религія основана на вѣрѣ, которая должна быть непоколебимой, чтобы не погибнуть окончательно съ самаго же начала. Всякое сомнѣніе въ истинѣ этой религіи для нея гибельно. Къ убѣжденію можно вернуться, къ вѣрѣ—никогда». Это разсужденіе наводитъ насъ на вѣрный слѣдъ: оно даетъ намъ возможность установить съ абсолютной точностью, что̀ семитъ даровалъ человѣчеству, или, если хотите,—навязалъ ему. Это изслѣдованіе первой важности, потому что оно касается его всемірнаго значенія въ исторіи въ смыслѣ вліянія на другихъ: оно же раскроетъ намъ причину особенной силы, свойственной еврейству и въ настоящее время, «чуждый» намъ характеръ которой признавался какъ Гердеромъ, такъ и многими

[1]) Goethe, «Noten zum West-Oestlichen Divan» («Israel in der Wüste»).

другими великими умами. Гёте вѣрно понялъ и указалъ существенную сторону вопроса, но, къ сожалѣнію, не развилъ своей мысли настолько подробно, чтобы она была всѣмъ такъ же ясна, какъ ему самому; онъ отличаетъ религію естественную отъ другой, слѣдовательно—неестественной; но, согласно воззрѣніямъ Гёте, противоположностью естественнаго является произвольное, то есть то, что̀ избирается волей (Das willkürliche, dasjenige, wo der Wille «kürt»), а не разумомъ и естественнымъ, не помутившимся еще инстинктомъ. И этимъ онъ указываетъ намъ не только на существенную разницу между религіями—столь существенную, что то же самое слово обозначаетъ два совершенно различныхъ понятія,—но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ намъ, въ чемъ коренится это различіе: религія, противопоставляемая имъ естественной, есть религія воли. Что же касается значенія употребленнаго имъ слова «вѣра», то оно неясно и легко можетъ ввести другого въ заблужденіе. Это произошло вслѣдствіе желанія слишкомъ упростить вопросъ. Гёте говоритъ: «Естественная религія, въ сущности, не требуетъ вѣры»; а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ въ несемитическихъ религіяхъ область вѣры обширнѣе, чѣмъ въ семитическихъ, то есть въ нихъ матеріалъ, обнимаемый вѣрой, богаче; кромѣ того, онѣ съ несомнѣнной ясностью высказываютъ требованіе въ вѣрѣ. Въ чемъ же здѣсь дѣло? Да въ томъ, что по своему существу вѣра въ этихъ двухъ случаяхъ столь же различна, какъ и сами религіи. Гёте въ приведенной цитатѣ придаетъ слову «религія» два значенія, а слову «вѣра»—лишь одно; вотъ причина недоразумѣнія. Въ дѣйствительности нигдѣ нѣтъ религіи безъ вѣры; безъ вѣры въ

специфическомъ семитическомъ смыслѣ—да, но все-таки не безъ вѣры. Вѣра всюду—незримая душа, религія—видимое тѣло. Слѣдовательно, если мы хотимъ развить тезисъ Гёте до полной его очевидности, то мы должны сдѣлать еще шагъ впередъ. Я опять прибѣгаю къ иллюстраціи.

Насколько мнѣ извѣстно, догматизмъ и понятіе объ откровеніи нигдѣ не достигли такой высокой степени развитія, какъ у арійскихъ браминовъ; и не взирая на это, тамъ результатъ совсѣмъ иной, чѣмъ у семитовъ. Свящ. Веды индусовъ считались божественнымъ откровеніемъ: каждое ихъ слово имѣло неоспоримое значеніе авторитета для всѣхъ вопросовъ вѣры; и тѣмъ не менѣе, на почвѣ этихъ признанныхъ во всѣхъ отношеніяхъ «непогрѣшимыми» священныхъ книгъ развилось до полнаго расцвѣта шесть совершенно различныхъ міровоззрѣній [1]); это системы, въ которыхъ философія и религія тѣсно переплетены между собою (какъ это свойственно духу индусовъ); въ нихъ воззрѣнія на сущность божества, на отношеніе къ нему индивидуума, на значеніе искупленія и т. д. крайне различны, такъ что онѣ касаются не только философіи, но и религіи своихъ послѣдователей и даже преимущественно послѣдней; и всѣ эти ученія, во многихъ отношеніяхъ столь противорѣчащія другъ другу въ существенныхъ вопросахъ, тѣмъ не менѣе считались правовѣрными—всѣ безъ исключенія! Вѣдь въ основѣ всѣхъ ихъ лежали тѣ же священныя книги; иначе говоря,—всѣ они исхо-

[1]) Число ихъ было еще больше, но ихъ можно распредѣлить подъ упомянутыя шесть большихъ рубрикъ.

дили отъ однихъ и тѣхъ же коренныхъ миѳическихъ образовъ, намѣченныхъ въ гимнахъ, и во всѣхъ нихъ проявлялось то же уваженіе къ глубокимъ созерцательнымъ мыслямъ, положеннымъ въ основу предписаній культа и Упанишадъ: этого было достаточно. Не существовало ни историческихъ данныхъ, ни лѣтописи сотворенія міра и человѣческихъ племенъ, въ которыя полагалось бы слѣпо вѣрить; если и было нѣчто въ этомъ родѣ, то оно понималось исключительно, какъ символъ, какъ иносказательный образъ. Такъ, напримѣръ, строго ортодоксальный комментаторъ священныхъ книгъ Санкара (Çankara) говоритъ о различныхъ символическихъ картинахъ и мистическихъ разсужденіяхъ, относящихся къ сотворенію міра: «Писаніе совсѣмъ не имѣетъ въ виду поучать насъ о развитіи мірозданія, начавшагося съ сотворенія вселенной, такъ какъ совершенно немыслимо и неочевидно, а также нигдѣ и не говорится о томъ, чтобы отъ знанія этихъ вещей могло зависѣть что-нибудь, имѣющее значеніе для человѣка [1]). Точно также всякому предоставлялось думать что̀ онъ хочетъ объ отношеніи, существующемъ между духомъ и матеріей. Монистъ былъ такъ же правовѣренъ, какъ дуалистъ, идеалистъ—какъ матеріалистъ. Понятно, что при подобномъ воззрѣніи на религію и вѣру «въ Индіи

[1]) «Die Sûtra's des Vedânta», von Paul Deussen übersetzt. Brockhaus, 1887, I, 4, 14. Какъ не вспомнить здѣсь знаменательныхъ словъ Гёте: «Настойчивое исканіе причинъ можетъ быть крайне вредно!» Карлейль прекрасно замѣчаетъ въ своей статьѣ о Дидеро: «Всякая религіозная вѣра, стремящаяся узнать начальныя причины, безплодна, недѣйствительна и невозможна».

всегда господствовала абсолютнѣйшая свобода мысли [1]), то есть я хочу сказать, что тамъ была возможность допустить безпрепятственное существованіе рядомъ ортодоксальной вѣры и метафизическаго мышленія. А между тѣмъ намъ, живущимъ подъ вліяніемъ семитическаго воззрѣнія на вѣру, чрезвычайно трудно соединить эти два понятія: признанныя непогрѣшимыми священныя книги и вмѣстѣ съ тѣмъ — свободу мысли! Но не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что̀ я скажу сейчасъ, такъ какъ только съ этой точки зрѣнія наша иллюстрація можетъ быть поучительна относительно вопроса о сущности вѣры: жизнь въ Индіи всегда была значительно религіознѣе, чѣмъ у насъ,—даже во времена господства Церкви; индійская религія, какъ таковая, дала плоды совсѣмъ иного рода, чѣмъ, напримѣръ, іудейство, гдѣ религія (по вышеприведеннымъ сообщеніямъ еврейскаго автора) изгнала изъ жизни науку, искусство, литературу, словомъ сказать,—все, кромѣ вѣры и повиновенія [2]). Вѣдь вся обширнѣйшая духовная дѣятельность индѣйскаго народа, поэтическая литература котораго своими размѣрами «превышаетъ всю классическую литературу Греціи и Италіи вмѣстѣ взятыхъ» [3]),

---

[1]) Richard Garbe, «Die Sâmkhya-Philosophie», стр. 121.

[2]) У Спинозы въ каждой мысли сказывается истый еврей и антиарісцъ: «Fidei scopus nihil est praeter obedientiam et pietatem»—«Дѣло вѣры заключается въ подчиненіи и благочестіи».—(Tract. theol.-pol., стр. 14). Что религія можетъ быть жизненнымъ творческимъ элементомъ—мысль, оставшаяся навсегда недоступной для этого ума.

[3]) Max Müller, «Indien in seiner weltgeschichtlichen Bedeutung», 1884, стр. 68.

коренится въ его вѣрѣ, его самые выдающіеся подвиги и въ другихъ областяхъ, какъ бы не имѣющихъ отношенія къ вѣрѣ, являются также отраженіемъ его глубокой религіозности. Вотъ примѣръ: грамматика санскритскаго языка Панини (Pânini's «Grammatik der Sanskritsprache»), написанная 2500 лѣтъ тому назадъ и служащая при томъ какъ бы кульминаціонной точкой продолжительнаго, длившагося уже цѣлыя столѣтія, научнаго развитія, составляетъ, какъ извѣстно, величайшій филологическій трудъ, произведенный когда-либо человѣчествомъ; Бенфей (Benfey) говоритъ о ней: «Такой полной грамматики нѣтъ во всемъ свѣтѣ ни на одномъ языкѣ; даже нашъ родной нѣмецкій языкъ не имѣетъ такой, не взирая на достойные удивленія труды Гримма». Даже въ настоящее время Панини еще служитъ этой наукѣ (филологіи) краеугольнымъ камнемъ. Что же побуждало индійскихъ мыслителей къ подобнымъ научнымъ подвигамъ? Страстное желаніе воскресить къ новой жизни священные гимны Ригведы, которые съ теченіемъ времени стали мало понятны! Они черпали свою силу къ труду не изъ воодушевленія чистой, безцѣльной наукой, а изъ религіознаго экстаза, какъ удостовѣряетъ Бенфей. И выдающіяся изслѣдованія ихъ по математикѣ — мы знаемъ, что индоарійцы изобрѣли такъ называемыя «арабскія цифры» — религіознаго происхожденія: извѣстная геометрическая проблема, приписываемая Пиѳагору и названная въ честь этого ученаго его именемъ, была рѣшена индусами еще въ глубочайшей древности почти безсознательно, какъ неизбѣжное слѣдствіе измѣненій, связанныхъ съ предписанными жертвоприношеніями; эти религіозныя вычисленія были

источникомъ, изъ котораго затѣмъ вышли ясныя и вполнѣ сознательныя понятія объ ирраціональныхъ числахъ, ученіе о высшей алгебрѣ, теорія чиселъ и т. д. [1]). Въ какомъ же смыслѣ Гёте могъ сказать о подобной религіи, дававшей направленіе всей общественной жизни и дѣйствовавшей такъ мощно на умъ и фантазію, что «она въ сущности не требуетъ вѣры? Развѣ я не правъ, утверждая, что слово «вѣра» относится въ этой гётевской цитатѣ къ двумъ различнымъ предметамъ? Это несомнѣнно такъ, — къ столь же разнороднымъ понятіямъ, сколь разнородны люди, для душъ которыхъ они служатъ отраженіемъ. Дѣло въ томъ, что Гёте стоитъ здѣсь на семитической точкѣ зрѣнія, признающей (въ противоположность индоарійской), что религіозная вѣра можетъ быть направлена лишь на историческія данныя и чисто матеріальные факты: здѣсь о Богѣ знаютъ только благодаря свидѣтельству историческихъ теофаній (явленій), а не въ силу внутренняго опыта, не путемъ догадокъ, основанныхъ на созерцаніи природы, не вслѣдствіе интуиціи мощной творческой фантазіи; здѣсь все еще проще, чѣмъ въ исторіи сотворенія міра Гекеля (Ernst Haeckel's «Schöpfungsgeschichte»). Единственно необходимое здѣсь—слѣпая вѣра; на ней-то и сосредоточивается вся духовная сила великихъ руководителей и отвѣтственныхъ пастырей народа: съ одной стороны—наказанія, съ другой—обѣщанія, кромѣ того—историческія доказательства и противоестественныя чудеса. — Посмотрите, каковъ контрастъ между неподдѣльнымъ семитическимъ «credo» и

[1]) Ср. Schroeder, «Pythagoras und die Inder», гл. 3.

такъ называемымъ апостольскимъ символомъ вѣры христіанской Церкви! Послѣдній состоитъ на половину изъ тезисовъ, трактующихъ о неподдающихся представленію тайнахъ, относительно которыхъ сами богословы признаютъ, что «міряне не въ силахъ понять ихъ»; на самомъ же дѣлѣ здѣсь о «пониманіи» въ логическомъ, буквальномъ смыслѣ этого слова не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ изъ этого краткаго символа вѣры выросъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ, противорѣчащихъ другъ другу ученій. А что сказать о символѣ вѣры св. Аѳанасія Великаго?! Здѣсь матеріаломъ религіозной вѣры служитъ исключительно отвлеченнѣйшая спекуляція человѣческаго ума. Можетъ ли вѣра, понимаемая въ семитическомъ смыслѣ, распространяться на понятія, съ которыми одинъ человѣкъ изъ милліона едва ли въ состояніи связать хотя бы смутное представленіе? Даже самъ Іисусъ Христосъ сказалъ (и при томъ именно тамъ, гдѣ Онъ дальше говоритъ: «Пустите дѣтей... ибо таковыхъ есть Царство небесное»): «Не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано» [1]). (Ев. отъ Матѳея XIX, 11). Совсѣмъ не то у семита, и поэтому сила его вѣры совсѣмъ иная. Въ его «credo» не входитъ даже простой тезисъ: «Вѣрую во единаго Бога Отца, Творца неба и земли»; о немъ упоминается въ Коранѣ лишь вскользь, а во всѣхъ еврейскихъ священныхъ книгахъ вмѣстѣ—не болѣе трехъ разъ. Между тѣмъ уже первая заповѣдь Моисеева закона

---

[1]) Въ сирійскомъ переводѣ древнѣйшаго изъ извѣстныхъ текстовъ сказано: «тотъ, кто одаренъ силой.....», такъ что значеніе этихъ словъ не подлежитъ сомнѣнію» (См. переводъ Adalbert Merx'a «Die Palimpsesthandschrift», 1897).

гласитъ: «Азъ есмь Господь, выведшій тебя изъ Египта!» Какъ видно, вѣра здѣсь съ мѣста цѣпляется за историческіе факты, считаемые народомъ достовѣрными; она никогда не возвышалась надъ очевидностью, какъ мы уже слышали выше изъ устъ Монтефіоре: «Еврейская религія не знаетъ никакихъ тайнъ» (стр. 23). Итакъ, говоря о безпримѣрной силѣ еврейской вѣры, надо имѣть въ виду, что она ограничивается крайне скуднымъ матеріаломъ, что она принципіально оставляетъ въ сторонѣ великое чудо міросозданія и что она, вмѣняя въ обязанность исполненіе «закона» (понимаемаго въ юридическомъ значеніи этого слова), сводитъ также внутреннюю, сердечную жизнь къ минимуму: «тотъ, кто соблюдаетъ законъ, безгрѣшенъ», и больше ему незачѣмъ ломать себѣ голову; духовное возрожденіе, милость Божія, искупленіе—всѣ эти понятія для него не существуютъ. Мы, такимъ образомъ, приходимъ къ выводу, что эта сильная вѣра обусловливается минимумомъ матеріала, служащаго ей объектомъ, минимумомъ религіи. Моисей Мендельсонъ вполнѣ сознательно и честно выразилъ эту мысль такъ: «Іудейство не есть религія откровенія, а законодательство, основанное на откровеніи»[1]). «У семита, въ сущности, мало религіи», вздыхаетъ величайшій знатокъ исторіи семитическихъ религій—Робертсонъ Смитъ. «Да, но у него много вѣры», отвѣчаетъ Гёте; а Ренанъ комментируетъ это слѣдующимъ образомъ: «Область, обнимаемая семитическимъ

---

[1]) «Rettung der Juden» 1872 (Цитата взята у Graetz'a «Volkstümliche Geschichte», III, 578.)

духомъ, крайне ограничена, но онъ охватываетъ это немногое съ чрезвычайной силой [1]).

Но мнѣ кажется, что мы начинаемъ разбираться въ путаницѣ, существующей между различными родами вѣры и религіи, лучше, чѣмъ Смитъ, Гёте и Ренанъ; мы скоро прослѣдимъ вопросъ до самаго его основанія. Чтобы окончательно выяснить его, я долженъ еще въ послѣдній разъ противопоставить индуса семиту.

Арійскій индусъ служитъ примѣромъ самой крайней противоположности семиту; но эта противоположность ясно сказывается и у всѣхъ остальныхъ несемитическихъ народовъ, даже у австралійскихъ негровъ, и кроется въ душѣ каждаго изъ насъ. Духовное «я» индуса объемлетъ безконечное многое,—слишкомъ многое, чтобы оно не послужило помѣхой его земному счастію; душа его искренна и сострадательна; онъ набоженъ, и мышленіе его, по своей метафизической глубинѣ, не имѣетъ соперника; фантазія его подобна роскошнымъ первобытнымъ лѣсамъ его родины и возвышенностью своей напоминаетъ ту высочайшую въ свѣтѣ горную цѣпь, которая постоянно привлекаетъ его взоръ къ небу. Но онъ почти окончательно лишенъ двухъ свойствъ: во-первыхъ:—историческаго пониманія: все было создано этимъ народомъ, кромѣ исторіи собственной жизни,—у него нѣтъ ни тѣни лѣтописи; во-вторыхъ—онъ лишенъ способности владѣть своей фантазіей, вслѣдствіе чего, какъ сверхъ-идеалистъ, утрачиваетъ мѣрило для всего земного, а вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сожалѣнію,—и свое положеніе въ качествѣ дѣятель-

[1]) Renan, «Langues sémitiques», стр. 111.

наго, энергичнаго фактора въ области всемірной исторіи, не взирая на то, что на всемъ свѣтѣ нѣтъ человѣка болѣе отважнаго и готоваго всегда идти на смерть, чѣмъ онъ. Онъ былъ въ недостаточной степени матеріалистомъ. Семитическое высокомѣріе, признающее семита «единственнымъ человѣкомъ въ истинномъ значеніи этого слова», было ему вполнѣ чуждо; онъ вообще оцѣнивалъ человѣчество, какъ явленіе жизни, однородное съ другими ея проявленіями, и считалъ основаніемъ всякой мудрости и всѣхъ религій тезисъ: «Tat twan asi»—«это тоже ты», т. е. человѣкъ обязанъ видѣть себя во всѣхъ другихъ людяхъ. Мы здѣсь дѣйствительно безконечно далеки отъ избраннаго народца, ради котораго будто бы была создана вселенная и для исключительной пользы котораго якобы живетъ и страдаетъ все остальное человѣчество; намъ сразу становится ясно, что божество, или боги этого народа (индусовъ) должны быть совсѣмъ иного рода (чѣмъ у семитовъ), что ихъ нельзя будетъ носить съ собой въ ковчегѣ завѣта или допустить, что присутствіе ихъ обусловливается какимъ-нибудь камнемъ.

Уже изреченіе: «Tat twam asi» указываетъ на космическую религію, которая въ свою очередь влечетъ за собой непосредственное отношеніе между индивидуумомъ и божественнымъ началомъ, что̀ составляетъ полную противоположность національной религіи. Понятно, что для арійскихъ индусовъ слова «религія и вѣра» должны были имѣть совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ для семита. «Въ сущности не требуется вѣры», сказалъ нѣмецкій мудрецъ, а французъ откликнулся на это съ поверхностностью, свойственной нароріи: «Индоевропей-

скіе народы никогда не считали своей вѣры за абсолютную истину» [1]). Неправда! Этого не было и быть не могло; да, кромѣ того, высказанное здѣсь положеніе опровергается самымъ блестящимъ образомъ жизнью браминовъ. Вѣдь у индоарійцевъ тоже были свои свидѣтели, хотя тутъ это выраженіе и нельзя понимать вполнѣ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно употреблено Исаіей и Магометомъ. Можно ли сказать объ арійцѣ, что онъ «въ сущности лишенъ вѣры», когда онъ, простившись съ женой, дѣтьми и внуками, посвящаетъ свои послѣдніе годы набожному созерцанію и спасенію своей души и, отрекшись отъ всякой собственности, живетъ въ лѣсу—нагой и голодный, питаясь лишь одними кореньями? когда онъ собственноручно выкапываетъ могилу, чувствуя приближеніе смерти, ложится въ нее, сложивъ руки, и съ полнымъ смиреніемъ радостно ожидаетъ своего конца? [2]). Можно ли сказать о немъ, что онъ «не считаетъ своей вѣры истинной»? Я не стану спорить о сло-

---

[1]) Renan, «Langues sémitiques», стр. 7.

[2]) Еще теперь наталкиваешься въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ на такого рода свѣжія могилы; эти праведники переходятъ изъ земной жизни въ вѣчную безъ борьбы и острыхъ страданій; при видѣ ихъ труповъ, кажется, что любящая рука близкаго человѣка расправила имъ члены и закрыла имъ глаза (свѣдѣнія эти почерпнуты изъ устныхъ сообщеній и подтверждаются рисунками съ натуры). Какъ живо и неизмѣнно процвѣтаетъ еще и въ настоящее время древне-арійская религія, питаемая все той же духовной почвой, видно изъ жизнеописанія умершаго лишь въ 1886 г. святого человѣка изъ браминской семьи; оно написано Максомъ Мюллеромъ и появилось въ печати къ Рождеству 1898 г.—Max Müller, «Râmakrishna, his life and sayings».

вахъ, но у этого человѣка несомнѣнно есть религія и при томъ, на мой взглядъ,—максимумъ религіи. Въ младенчествѣ своемъ онъ познакомился съ роскошнѣйшей изъ миѳологій; дѣтскому глазу его вся природа казалась живой и одушевленной, населенной великими, добрыми образами [1]); они служили его неутомимой фантазіи матеріаломъ для непрерывной творческой дѣятельности, поддерживаемой также новыми поэтическими гимнами, цѣлый рядъ которыхъ сообщался ему постепенно. Этотъ юноша былъ подобенъ Гёте, который, по словамъ Карлейля, «видѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ чудесами и сознавалъ, что все естественное въ сущности—сверхъестественно». Серьезная возмужалость принесла новыя впечатлѣнія: теперь мыслительной способности предстояло упражняться и окрѣпнуть въ рѣшеніи труднѣйшихъ проблемъ; одновременно съ этимъ онъ долженъ былъ изучить связанныя съ обрядами жертвоприношеній созерцательныя теоріи, облеченныя въ глубокомысленнѣйшую символическую форму, которая почти выходитъ изъ предѣловъ нашего теперешняго воображенія [2]); но значеніе ея въ главныхъ чертахъ намъ ясно

[1]) Oldenberg, «Religion des Veda». Авторъ удостовѣряетъ, что боги арійскихъ индусовъ, въ противоположность богамъ другихъ народовъ, были свѣтлыми, правдивыми, доброжелательными образами, лишенными коварства и жестокости и вѣрными своему слову. Стр. 30, 92, 302 etc.

[2]) Oldenberg, «Religion des Veda»: «Индусы считали, что между размѣрами жертвъ и вселенной существуетъ мистическая связь аналогичныхъ отношеній». Это доказывается почти каждой страницей замѣчательнаго ихъ сборника правилъ, относящихся къ обрядамъ жертвоприношеній—Satapatha Brâhmana.

по даннымъ ею результатамъ: достигая постепенно высшихъ ступеней духовной зрѣлости, человѣкъ убѣждался, что не только эти миѳическіе образы существуютъ лишь въ его воображеніи и имѣютъ смыслъ исключительно для его ограниченнаго, своеобразно организованнаго человѣческаго ума, то есть что они служатъ только символами того, что̀ недоступно разуму, но что и вся жизнь, служащая ей ареной вселенная, всѣ дѣйствующія лица, появляющіяся на этой сценѣ, наши мысли и чувства — опьяняющая насъ любовь, а также исполняемыя нами обязанности — тоже одни лишь символы; онъ не отрицалъ дѣйствительнаго существованія всего этого, но оспаривалъ, что значеніе его можетъ быть исчерпано эмпирическимъ наблюденіемъ. Священныя книги индусовъ учатъ, что «съ точки зрѣнія высшей реальности эмпиризмъ во всей своей совокупности сводится къ нулю» [1]); истина эта выразилась въ безсмертныхъ словахъ Гёте слѣдующимъ образомъ:

Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichnis.

(Все тлѣнное лишь притча).

И по мѣрѣ того, какъ это убѣжденіе росло и крѣпло въ его сознаніи, у него расширялось и понятіе о важности собственной индивидуальной жизни; она пріобрѣтала теперь космическое значеніе. Онъ зналъ изъ Писанія, что «лишь единство реально въ высшемъ смыслѣ, тогда какъ множественность—результатъ ложнаго познанія». Добрыя дѣла, казавшіяся ему прежде необходи-

[1]) Çankara, «Vedântasûtra's», II, 1, 14 (и для слѣдующей цитаты).

мой принадлежностью божественнаго закона, теперь лишились для него смысла; отнынѣ значеніе оставалось только за внутреннимъ побужденіемъ, то есть за психической жизнью—за каждымъ движеніемъ мысли и сердца. Тогда какъ семитическій законъ считался исключительно съ поступкомъ, не обращая никакого вниманія на побужденіе,—здѣсь, какъ мы видимъ, проявилась другая крайность: дѣйствіе совсѣмъ не принималось въ расчетъ, оно было лишено всякаго значенія. Теперь всѣ стремленія сосредоточивались на осуществленіи высшаго творческаго акта—на преображеніи собственнаго «я»; требовалось не умертвить—это слишкомъ легко достижимо,—а переродить заблуждающійся личный эгоизмъ, до малѣйшаго его движенія включительно, и довести этотъ процессъ до полнаго сліянія индивидуума съ космосомъ. Въ этомъ заключалось «искупленіе». Но не слѣдуетъ видѣть въ указанномъ ученіи лишь чисто философскую теорію; это было явленіе глубоко религіозное, такъ какъ для осуществленія его собственныхъ силъ было недостаточно: санскритское слово, обозначающее высшее, единое божество—«Брама», то есть «молитва»; только прибѣгая къ милости божества, человѣкъ могъ надѣяться на спасеніе; но чтобы пріобрѣсти право испросить себѣ въ усердной молитвѣ эту благодать, надо было заслужить его благочестивой (праведной) жизнью. Достигнувъ этой ступени развитія, индивидуумъ, согласно вѣрѣ индусовъ, жилъ уже для всего человѣчества и умиралъ за него — личная его жизнь прекращалась. Вотъ источникъ того всеобъемлющаго чувства отвѣтственности, которое жило въ его душѣ: каждый отвѣчалъ за всѣхъ; дѣйствія его, прежде оши-

бочно приписанныя имъ безразличному рѣшенію индивидуальнаго произвола, пріобрѣтали теперь неувядаемое значеніе, ибо, насколько «естественное въ сущности сверхъестественно», настолько же мгновеніе—обликъ вѣчности и лишь ея символъ. Вотъ что̀ имѣло для арійскихъ индусовъ значеніе религіи, что̀ они понимали подъ словомъ «вѣра». Я надѣюсь, что указанный мною контрастъ выяснилъ намъ особенныя, отличительныя свойства семитическаго воззрѣнія на религію и вѣру; я думаю, что мнѣ удалось показать, въ чемъ заключалась великая сила, дѣлавшая семита способнымъ ко многимъ смѣлымъ подвигамъ и внушавшая ему не одну великодушную идею; каково было историческое значеніе силы этого воззрѣнія, а также его ограниченности,—извѣстно. Такъ и напрашивается парадоксъ: религія и вѣра взаимно исключаютъ другъ друга или, по крайней мѣрѣ: съ ростомъ одной убываетъ другая. Но это была бы игра словъ, такъ какъ семитъ понимаетъ подъ религіей и вѣрой совсѣмъ не то, что̀ все остальное человѣчество. Осложненія начинаются только тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло уже не съ чистокровнымъ семитомъ или съ такимъ народомъ, какъ евреи, въ которомъ мы ясно видимъ одностороннее, сильное преобладаніе семитическаго духа, а лишь съ нѣкоторой инфильтраціей послѣдняго, въ родѣ той, какая появилась въ нашей собственной европейской исторіи съ самаго начала христіанской эры. Здѣсь начинается путаница въ понятіяхъ, въ которой почти нѣтъ возможности разобраться; вотъ почему я былъ принужденъ развить эту тему сравнительно такъ обстоятельно: вѣдь самымъ важнымъ послѣдствіемъ «появленія евреевъ въ исторіи западно-европейскихъ

народовъ» было основаніе христіанской Церкви отчасти на семитическихъ началахъ и введеніе понятій о «вѣрѣ» и «религіи», разумѣемыхъ въ семитическомъ смыслѣ, въ религію, которая, по существу своему и согласно жизни самого Христа, была прямымъ и безусловнымъ отрицаніемъ семитическаго воззрѣнія и которая, кромѣ того, стала, путемъ своего дальнѣйшаго миѳологическаго и философскаго развитія, организаціей чисто индоевропейской, а не семитической. Нѣтъ никакой возможности выдѣлить изъ нашей исторіи съ самаго ея начала и до нашихъ дней все, чѣмъ мы обязаны еврейскому вліянію, если не выяснить себѣ вполнѣ этихъ основныхъ понятій о «религіи» и «вѣрѣ» до очевидности. Я долженъ признаться, что мнѣ до сихъ поръ еще никогда не попадалось въ руки сочиненія какого бы то ни было рода, въ которомъ эта задача была рѣшена хотя бы до нѣкоторой степени удачно; въ большинствѣ случаевъ вся трудность этой проблемы совсѣмъ не сознается. Отвлеченное опредѣленіе того, что̀ надо понимать подъ религіей, для насъ совершенно безполезно: оно не просвѣтляетъ нашего сужденія; ученыя и глубоко интересныя изслѣдованія касательно происхожденія религіи и ея эволюціи въ данномъ случаѣ также лишены значенія для нашей теперешней цѣли. Для насъ гораздо важнѣе познакомиться воочію съ сущностью семитической (и въ частности — іудейской) религіи, а также съ ея отличительными признаками;— тогда для насъ будетъ вполнѣ ясно, насколько семитическій духъ проникъ въ наше собственное мышленіе. Вѣдь изъ характера этой религіи вытекаютъ, какъ необходимое слѣдствіе, свойства присущаго ей вліянія, а такъ какъ сила воли—самая выдающаяся отличительная черта се-

мита, то мы можемъ предвидѣть, что вліяніе это будетъ значительно. Мы должны ожидать, что всюду, куда проникли семитическая кровь или семитическія идеи, мы въ большей или меньшей степени встрѣтимся съ слѣдующими явленіями: съ матеріалистическими воззрѣніями; съ выдвиженіемъ на первый планъ историческаго, а не идеальнаго, принципа; съ выставленіемъ на видъ «справедливости» въ свѣтскомъ значеніи этого слова, то есть законности дѣйствій и ханжества (діаметральной противоположности попыткѣ внутренняго перерожденія и упованія на милость Божію [1]); съ ограниченіемъ области фантазіи и свободы мысли, съ принципіальной нетерпимостью по отношенію къ другимъ религіямъ и съ страстнымъ фанатизмомъ. Мы встрѣтимся съ ними еще не разъ и дальше, даже въ совершеннѣйшихъ и «либеральнѣйшихъ» воззрѣніямъ XIX-го столѣтія, напримѣръ, въ доктринѣ соціализма. Что же касается въ частности нетерпимости, этого столь новаго явленія въ жизни индоевропейскихъ народовъ, то я откладываю все къ нему относящееся и имѣющее связь съ появленіемъ евреевъ въ нашей жизни до одной изъ слѣдующихъ главъ, гдѣ мы узнаемъ, что первые христіане требовали въ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ рѣчахъ безусловной религіозной свободы, позднѣйшіе же, напротивъ, заимствовали божественную заповѣдь нетерпимости изъ Ветхаго Завѣта.

[1]) Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Зороастръ рѣзко выразилъ антагонизмъ, существующій между индоевропейскимъ и семитическимъ воззрѣніями. Онъ говоритъ: «Свѣтское правосудіе,—о скаредъ!—ты—религія злыхъ духовъ и уничтожаешь Божію религію!» (Dinkard VII, 4, 14).

XX.

Израильтяне и іудеи.

Возвратимся же теперь опять къ прерванной нами нити нашихъ разсужденій. До перехода къ разсмотрѣнію религіознаго вопроса мы говорили о взаимномъ отношеніи различныхъ человѣческихъ типовъ, результатомъ племенного смѣшенія которыхъ явился израильтянинъ, и о вліяніи, которое это смѣшеніе имѣло на его характеръ. Послѣ всего сказаннаго ясно, что въ религіозномъ отношеніи у израильтянъ семитическій элементъ съ теченіемъ времени долженъ былъ побѣдить хеттейскій; но одержать эту побѣду было нелегко, и, чтобы добиться ея, потребовалось много времени; при этомъ мы видимъ полное торжество семитизма лишь на югѣ, въ Іудеѣ (въ области, заселенной колѣнами Іуды и Веніамина), гдѣ продолжавшійся почти непрерывно притокъ свѣжей арабской (то есть почти чисто семитической) крови, вѣроятно, сдѣлалъ свое дѣло въ этомъ отношеніи [1]). Въ Израильскомъ царствѣ (то есть въ сѣверной части страны) древній сирійскій культъ остался въ почетѣ до конца: праздники, справлявшіеся на холмахъ, паломничества къ святымъ мѣстамъ, поклоненіе изображеніямъ Ваала— все продолжалось по старому; даже такой суровый къ «чужимъ богамъ» пророкъ, какъ Илья, не заявлялъ ни малѣйшаго протеста противъ поклоненія золотымъ тельцамъ [2]); онъ защищаетъ «Бога Израилева» лишь про-

[1]) Robertson Smith, «The Prophets of Israel». Авторъ очень настаиваетъ на этомъ (стр. 28). См. также Wellhausen, «Prolegomena».

[2]) Подробности у Wellhausen'a и Robertson Smith'a (Напр. «Prophets of Israel», стр. 63, 96).

тивъ «чужихъ боговъ», культъ которыхъ появился въ странѣ благодаря финикійскимъ царевнамъ (вышедшимъ замужъ за израильскихъ царей). Въ собственномъ Израилѣ никогда не зародилось бы «іудейства». Тѣмъ важнѣе для насъ познакомиться теперь съ «іудейской идеей», то есть специфически іудейской въ отличіе отъ израильской. Итакъ, я перехожу къ разсмотрѣнію третьяго пункта, который гласитъ: истинный іудей появился и развился лишь съ теченіемъ столѣтій въ силу своего постепеннаго физическаго выдѣленія изъ остальныхъ колѣнъ израильскаго народа, а также путемъ прогрессивнаго развитія нѣкоторыхъ духовныхъ свойствъ и систематическаго подавленія другихъ; онъ не есть результатъ нормальной національной жизни, а является нѣкоторымъ образомъ искусственнымъ продуктомъ, созданнымъ кастой жрецовъ, навязавшей сопротивлявшемуся народу съ помощью чужеземныхъ властителей законодательство и вѣру, какъ бы данныя Богомъ, но на самомъ дѣлѣ придуманныя ею.

Я думаю, что, не взирая на краткость моего изложенія и несмотря на то, что мнѣ ради нея пришлось оставить въ сторонѣ не одинъ интересный фактъ, читатель все-таки составилъ себѣ довольно яркое и въ основныхъ чертахъ—вѣрное представленіе о томъ «mixtum compositum», изъ котораго вышелъ израильскій народъ; онъ, вѣроятно, также замѣтилъ, что составъ крови въ южной части страны, гдѣ жили колѣна Іуды и Веніамина[1]), подвергался, начиная съ самаго переселенія

[1]) Границы области колѣна Іуды, а также и всей Іудеи (къ которой со времени Давида принадлежала и страна ко-

евреевъ въ Палестину, нѣсколько инымъ вліяніямъ, чѣмъ дальше на сѣверѣ, при этомъ въ томъ направленіи что семитическій элементъ постоянно усиливался здѣсь. Возможно, что эта разница была еще болѣе древняго происхожденія. Мы видимъ, что уже съ самаго начала іосифиты—многолюдныя и сильныя колѣна Манассіи и Ефрема, около которыхъ сгруппировались остальные израильскіе роды, какъ одна семья,—смотрѣли на колѣно Іудино съ нѣкоторымъ презрѣніемъ или, быть можетъ, недовѣріемъ [1]). Исходъ изъ Египта и завоеваніе Палестины осуществились подъ предводительствомъ іосифитовъ; Моисей [2]) былъ изъ ихъ рода, не изъ ко-

колѣна Веніамина) съ теченіемъ времени сильно измѣнились: вся южная часть отошла послѣ Вавилонскаго плѣна къ Идумеѣ, сѣверная же граница, вслѣдствіе захвата Іуды Маккавея, впослѣдствіи нѣсколько передвинулась, отрѣзавъ часть бывшей области колѣна Ефремова.

[1]) Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ въ позднѣйшее время израильскій народъ строго отличается отъ іудейскаго: «И переломилъ Я другой жезлъ Мой—«узы», чтобы расторгнуть братство между Іудою и Израилемъ» (кн. пр. Захаріи XI, 14. См. также I кн. Царствъ XVIII, 16). Нерѣдко Израиль (то есть 10 колѣнъ, за исключеніемъ Іудина и Веніаминова) обозначается также какъ «домъ Іосифовъ», въ противоположность «дому Іудину» (напримѣръ въ кн. Захаріи X, 6).

[2]) Renan высказываетъ мнѣніе, что «Моисея надо считать почти египтяниномъ» («Israël», I, 220); имя его, говорятъ, египетскаго, не еврейскаго, происхожденія (тамъ же, стр. 160). Согласно египетскому преданію, онъ былъ бѣглымъ жрецомъ изъ Геліополиса по имени «Osarsyph» (Озарзифъ). См. Maspero, «Histoire ancienne», II, 449. Въ настоящее время, въ силу реакціи противъ прежнихъ преувеличеній, вошло въ моду отрицать всякое вліяніе Египта на культъ израильтянъ, вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ лишь спеціалистами, въ осо-

лѣна Іуды (если онъ вообще былъ семитъ, а не египтянинъ, не имѣвшій ничего общаго съ евреями); Іисусъ Навинъ, Іероваалъ—словомъ сказать, всѣ выдающіеся люди, до Самуила включительно, вышли изъ этого рода; колѣно Іудино въ древнѣйшее время играло такую незначительную роль, что оно совсѣмъ не упоминается, напримѣръ, въ побѣдной пѣснѣ Деворы. Подобно колѣнамъ Симеона и Левія, и колѣно Іуды было почти совершенно истреблено при вступленіи въ Палестину, такъ что оно «едва шло въ счетъ». Изъ трехъ составлявшихъ его вѣтвей уцѣлѣла лишь одна; только благодаря своему смѣшенію съ осѣдлыми хеттеями и аммореями, колѣно Іуды опять ожило и снова окрѣпло[1]). И при Давидѣ оно выступаетъ на первый планъ только временно и притомъ послѣ перенесенія центра тяжести страны потомкомъ Веніамина—Сауломъ—нѣсколько южнѣе прежняго, дальше отъ области колѣна Ефремова. Но сейчасъ же послѣ смерти Соломона іудейскіе цари попали нѣкоторымъ образомъ въ вассальную зависимость отъ израильскихъ; они, по крайней мѣрѣ, были принуждены насильственнымъ образомъ къ вступленію съ ними въ союзъ, подчинявшій ихъ сѣвернымъ властителямъ. Впрочемъ, дѣло здѣсь касается не только политическихъ

бенности по скольку онъ касается обрядовъ, жреческой одежды и т. д., но намъ, неученымъ, не можетъ не броситься въ глаза, что главныя добродѣтели египтянъ: цѣломудріе, милосердіе, справедливость и смиреніе (см. Chantepie de la Saussaye, «Religions Geschichte», I, 705), мало отвѣчающія характеру хананеянъ, являются какъ разъ тѣми же, которыя считаются наивысшими и закономъ Моисея.

[1]) Wellhausen, «Die Komposition des Hexateuchs», 2 изд., стр. 320, 355.

интригъ,—онѣ не заслуживали бы нашего вниманія,—а глубокаго различія въ степени даровитости и въ нравственномъ складѣ обоихъ племенъ; различіе это выставляется на видъ всѣми историческими сочиненіями и послужило впослѣдствіи однимъ изъ главнѣйшихъ основаній къ своеобразному и вполнѣ анти-израильскому направленію іудейскаго развитія. Въ позднѣйшее время іуден были окончательно отдѣлены и навсегда изолированы отъ Израиля, когда послѣдній былъ взятъ въ плѣнъ и уведенъ въ чужую страну (за 700 лѣтъ до Р. Хр.); но у іудеевъ осталось отъ старшаго брата духовное наслѣдіе: народная исторія, основы его политической организаціи, его религія, его культъ, его законы и его поэзія. Все это, то есть все творческое по существу своему,—дѣло рукъ израильскихъ, а не іудейскихъ.

Но теперь іуден остались одни и принялись за обработку этого матеріала сообразно съ свойственнымъ имъ духомъ; изъ нея—изъ этой дѣятельности дотолѣ несовершеннолѣтняго, опекаемаго народа, обратившагося теперь внезапно въ предоставленныхъ самимъ себѣ сыновъ дома Іуды,—развилось іудейство, а изъ іудейства (какъ изъ курицы—яйцо, а изъ яйца—курица) вышелъ іудей.

Всѣ авторы единогласно подтверждаютъ и подчеркиваютъ, что домъ Іосифа въ духовномъ отношеніи стоялъ выше колѣна Іуды. Я ограничусь приведеніемъ цитаты лишь одного изъ нихъ. Робертсонъ Смитъ (Robertson Smith) пишетъ: «Это было сѣверное царство, которое держало высоко знамя Израиля; вся его исторія интереснѣе и богаче геронческими элементами (чѣмъ исторія Іуды); его борьба, его пораженія и его доблести—все грандіознѣе. На сѣверѣ жизнь была безпокойнѣе, но

вмѣстѣ съ тѣмъ и подвижнѣе и интенсивнѣе въ умственномъ отношеніи. Колѣно Ефремово было не только политическимъ вожакомъ народа,—оно стояло также во главѣ литературнаго и религіознаго движеній. Здѣсь въ гораздо большей степени, чѣмъ въ Іудеѣ, чтили святость древнихъ традицій; но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же возникло то религіозное направленіе, которое привело къ новымъ духовнымъ проблемамъ и повлекло за собой появленіе пророковъ. Пока сѣверное государство существовало, Іудейское царство состояло его ученикомъ, перенимавшимъ отъ него какъ хорошее, такъ и дурное. Было бы нетрудно доказать, что всякое болѣе или менѣе значительное движеніе жизни въ колѣнѣ Ефремовомъ—какъ въ политической, такъ и духовной – находило себѣ откликъ, хотя бы и слабый, въ южномъ государствѣ» [1]). Всѣ историческія данныя, которыя находятся въ Ветхомъ Завѣтѣ и относятся къ эпохѣ, предшествовавшей Вавилонскому плѣну, вплоть до царствованія Давида, а также многое изъ позднѣйшаго времени—израильскаго, а не іудейскаго происхожденія. Чтобы доказать это, мнѣ пришлось бы подвергнуть результаты библейской критики подробному анализу, что слишкомъ отвлекло бы насъ въ сторону отъ нашего предмета; читатель изъ числа не принадлежащихъ къ сонму ученыхъ найдетъ самое ясное и краткое резюме касательно этого вопроса у Ренана (Renan, «Israël», livre IV, гл. 2 и 3). Несравненно поучительнѣе критическіе труды Дилльманна (Dillman), Вельгаузена (Wellhausen) и др., вслѣд-

[1]) «The Prophets of Israel», 192. Мы находимъ здѣсь наглядное и краткое сопоставленіе, что этотъ же ученый и многіе другіе подробно обосновали во многихъ трудахъ.

ствіе чего читатель почерпнетъ изъ нихъ болѣе глубокое знакомство съ предметомъ, если не пожалѣетъ на это труда и времени. Упомянутая въ кн. Числъ LXI, 14 «Книга браней Господнихъ» и другіе исчезнувшіе источники, изъ которыхъ впослѣдствіи были составлены не только историческія части Шестикнижія [1]), но и книги Судей, Царствъ и т. д., написаны подъ сѣнью дома Іосифова, славу котораго они воспѣвали. Всюду, гдѣ вообще упоминается колѣно Іудино, это дѣлается съ очевиднымъ намѣреніемъ унизить его; напримѣръ, въ книгѣ Бытія XXXII, гдѣ только одному Іудѣ приходитъ въ голову подлая мысль продать Іосифа за деньги, и въ еще большей степени въ слѣдующей главѣ, изображающей это колѣно безнравственнымъ уже по своему происхожденію, какъ плодъ кровосмѣшенія; контраста ради, непосредственно за этой главой слѣдуетъ разсказъ о цѣломудренномъ Іосифѣ. Что касается религіознаго законодательства, то и оно въ общихъ основныхъ чертахъ своего происхожденія израильскаго, а не іудейскаго. О десяти заповѣдяхъ много спорили и вкривь и вкось, въ особенности послѣ сдѣланнаго Гёте открытія [2]),—Вельгаузенъ спасъ его отъ забвенія и разработалъ на научной почвѣ,—что первоначальныя десять заповѣдей (Исходъ XXXIV) были совсѣмъ иного содержанія, чѣмъ замѣнившія ихъ впослѣдствіи, и касались исключительно вопросовъ культа [3]).

---

[1]) Пятикнижіе Моисея и книга Іисуса Навина.

[2]) Goethe, «Zwei wichtige, bisher unerörterte biblische Fragen zum ersten Mal gründlich beantwortet».

[3]) См. Schechter's Nachtrag zu Montefiore: «Religion of the ancient Hebrews», стр. 557.

Для насъ достаточно знать, что и десять заповѣдей позднѣйшаго происхожденія (Исходъ XX), нашедшія себѣ мѣсто въ христіанскомъ катехизисѣ, по мнѣнію такого ученаго и вѣрующаго раввина, какъ Соломонъ Шехтеръ (Salomo Schechter),—произведеніе священника, бывшаго родомъ изъ сѣвернаго царства, а не изъ Іудеи; онъ жилъ приблизительно въ IX вѣкѣ до Р. Хр., то есть по крайней мѣрѣ спустя 100 или 150 лѣтъ послѣ Соломона, въ царствованіе великой династіи Омридовъ [1]).

Это удостовѣреніене только интересно, но прямо-таки «пикантно»: всѣ позднѣйшіе чисто іудейскіе редакторы священныхъ книгъ всячески старались представить израильскій народъ отпавшимъ отъ Бога и языческимъ, а теперь оказывается, что основы нравственнаго закона получили свое начало именно въ этомъ отверженномъ государствѣ, а не въ благочестивомъ колѣнѣ Іудиномъ. Для правильной оцѣнки специфически іудейскаго «я» важно знать и это: даже въ органической области религіознаго законодательства іудей никогда не проявлялъ творчества; даже неотъемлемѣйшая его собственность (законъ Моисея)—заимствованіе. Слѣдуетъ также замѣтить, что и великое религіозное движеніе, поведшее къ появленію пророковъ,—единственное явленіе еврейскаго духа, имѣющее неувядаемое внутреннее значеніе—возникло на сѣверѣ. Илья, являющійся во многихъ отношеніяхъ замѣчательнѣйшей и самой фантастической личностью всей израильской исторіи, ограничиваетъ свою дѣятельность только однимъ Израилемъ. Сообщенія объ Ильѣ такъ скудны, что многіе считаютъ его вообще вы-

[1]) См. въ особенности Renan, «Israël», II, 282 и слѣд.

мышленнымъ лицомъ; но я на этотъ счетъ раздѣляю взглядъ Вельгаузена (Wellhausen), что это исторически невозможно, такъ какъ именно Илья даетъ, такъ сказать, первый толчокъ къ возникновенію культа Іеговы; онъ до нѣкоторой степени его изобрѣтатель, тотъ великій умъ, который, хотя и смутно, сознавалъ сущность монотеизма. Мы видимъ здѣсь дѣятельность великой личности; чтобы проявить ее, эта личность должна была жить. Особенно интересно единственное точное свѣдѣніе о немъ, дошедшее до насъ: судя по этому, онъ не былъ израильтяниномъ, а «пользовавшимся нѣкоторыми правами переселенцемъ» изъ-за Іордана, пришедшимъ съ отдаленнѣйшей окраины страны, изъ чего можно заключить, что въ жилахъ его, вѣроятно, текла довольно чистая арабская кровь [1]). Это интересно въ томъ отношеніи, что мы здѣсь видимъ за дѣломъ истый семитическій элементъ, явившійся на выручку своего религіознаго идеала; послѣднему дѣйствительно грозила серьезная опасность: на югѣ, благодаря эклектизму такихъ полуаммореевъ, какъ Давидъ, и амморейскихъ хеттеевъ, какъ Соломонъ; на сѣверѣ—вслѣдствіе свѣтской терпимости преобладавшаго тамъ хананейскаго населенія. Только на сѣверѣ, которому благопріятствовало въ этомъ отношеніи географическое положеніе, и гдѣ, вѣроятно, жители отличались большимъ трудолюбіемъ и торговой сметкой, появилось благосостояніе, вмѣстѣ съ нимъ—роскошь и любовь къ искусству. Однимъ изъ грѣховъ, въ которыхъ пророкъ Амосъ упрекаетъ израильтянъ, было, «что они

[1]) См. въ особенности Graetz, «Geschichte der Juden», 1, 113; а также—Maspero, «Histoire ancienne», II, 784.

слагаютъ пѣсни, какъ Давидъ!» Противъ этого возмутился антицивилизаторскій духъ истиннаго семита; благородная душа его инстинктивно почувствовала, со свойственной ей страстностью, всю непримиримую рознь, которая существовала между чужой культурой и духовнымъ складомъ его народа; онъ видѣлъ, какъ у ногъ его разверзлась бездонная пропасть, дѣйствительно поглотившая впослѣдствіи всѣ псевдо-семитическія государства, которыя быстро и безслѣдно исчезли въ ней, и—безстрашный, какъ бедуинъ—онъ выступилъ на борьбу. Начиная съ Ильи, это пророческое движеніе напоминаетъ намъ сухой, здоровый вѣтеръ пустыни, который, налетая вихремъ изъ дальнихъ странъ, опаляетъ своимъ знойнымъ дыханіемъ гнилой цвѣтъ, но вмѣстѣ съ нимъ и зародыши красоты и культуры. И преемникъ Ильи,—пророкъ Елисей,—также жилъ въ землѣ колѣна Ефремова. Но вотъ явился первый великій пророкъ, слова котораго дошли до насъ. Я называю его «великимъ», хотя онъ и причисляется, вслѣдствіе незначительныхъ размѣровъ своей книги, къ «малымъ» пророкамъ; потому что Амосъ по глубинѣ своей религіозной мысли, а также по ясности политическихъ взглядовъ ни въ чемъ не уступаетъ большимъ пророкамъ. Предполагаютъ, что онъ былъ родомъ изъ Іудеи, но многіе сомнѣваются въ этомъ [1]) (напримѣръ Graetz); во всякомъ случаѣ онъ зналъ царство іосифитовъ, какъ свою родину, и его увѣ-

---

[1]) А также и новѣйшіе авторы (напримѣръ Cheyne) съ тѣхъ поръ, какъ доказано, что знаменитый возгласъ: «Господь возгремитъ съ Сіона»... (Амосъ, I, 2) позднѣйшая іудейская вноска.

щанія относились исключительно къ нему. Слѣдующій за нимъ великій пророкъ изъ числа «малыхъ» былъ Осія—такая же самобытная личность, какъ Амосъ: и онъ былъ родомъ изъ области Ефрема и отдался всей душой судьбамъ дома Іосифова; онъ былъ привязанъ всѣмъ сердцемъ къ своему возлюбленному народу и предсказалъ, какъ это свойственно пророкамъ, всевозможныя событія, которыя затѣмъ не сбылись, какъ-то: спасеніе Израиля жалостливымъ Іеговой и вѣчное царство этого народа. Имъ завершился рядъ израильскихъ пророковъ, послѣ чего вліяніе дома Іосифа на Іудею прекратилось: вѣроятно, еще при жизни Осіи или же во всякомъ случаѣ вскорѣ послѣ его смерти все сѣверное населеніе Палестины было взято въ плѣнъ и уведено ассиріянами въ чужую страну, откуда оно уже больше не возвратилось.

XXI.

Какъ сложился типъ «іудея».

Только съ этого момента, то есть съ 721 г. до Р. Хр., могли зародиться первые зачатки «іудейства», результатомъ котораго затѣмъ получился «іудей». До тѣхъ поръ южное царство, какъ мы только что видѣли, шло въ политическомъ, соціальномъ и религіозномъ отношеніяхъ на буксирѣ, очевидно, несравненно болѣе даровитаго израильскаго народа. Теперь Іудея оказалась самостоятельной—она встала на собственныя ноги. Положеніе ея было по-истинѣ ужасно. Она со страхомъ и трепетомъ слѣдила за трагической судьбой своего брата, лишившей и ее единственной защиты. Теперь враги тѣс-

нымъ кольцомъ окружили со всѣхъ сторонъ маленькое государство. Могло ли оно устоять противъ натиска міровыхъ державъ? На первыхъ порахъ оно обезпечило себѣ существованіе добровольной вассальной зависимостью отъ Ассиріи, защищавшей его отъ ближайшихъ его притѣснителей — жителей Дамаска. Затѣмъ, воспользовавшись предсмертной агоніей своего мощнаго покровителя, оно свергло его иго и вступило въ союзъ съ Египтомъ, послѣ чего снискало себѣ, путемъ уплаты тяжелаго выкупа и уступки нѣкоторой части своей территоріи, благосклонность новыхъ властителей Малой Азіи — халдеевъ. Словомъ, оно еще 120 лѣтъ влачило довольно жалкое существованіе. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ измѣнъ со стороны евреевъ, у Навуходоносора лопнуло терпѣніе: онъ приказалъ взять въ плѣнъ и увести въ Вавилонъ іудейскаго царя и 10,000 вліятельнѣйшихъ жителей страны. Въ виду непрекращавшихся интригъ, онъ одиннадцать лѣтъ спустя разрушилъ Іерусалимъ, а также храмъ, и повелѣлъ отправить остальныхъ свободныхъ іудеевъ съ ихъ семьями опять-таки въ Вавилонъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось бѣжать въ Египетъ (въ томъ числѣ и Іереміи), гдѣ они основали еврейскую колонію. По прошествіи 60 лѣтъ евреи возвратились изъ плѣна, но далеко не всѣ: большая часть состоятельныхъ іудеевъ предпочла остаться въ Вавилонѣ. Потребовалось столѣтіе слишкомъ на организацію въ Іерусалимѣ и окружавшей ее іудейской области, — границы которой очень сузились, — небольшого числа возвратившихся и на возведеніе городскихъ стѣнъ, а также на сооруженіе новаго храма. Не будь великодушнаго покровительства персидскаго монарха и денеж-

ной помощи быстро разбогатѣвшихъ на чужбинѣ евреевъ, — вернувшимся вообще никогда не удалось бы осуществить это дѣло. Итакъ, Іудея, и Іерусалимъ были опять возстановлены, но независимаго Іудейскаго государства уже никогда больше не существовало.

Мы видимъ такимъ образомъ, что превращеніе потомка Іуды въ истиннаго «іудея» совершилось подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ условій. Принято говорить, что исторія повторяется; это заблужденіе: она, напротивъ, никогда не повторяется [1]); іудеи—единственное въ своемъ родѣ явленіе, не имѣющее себѣ подобнаго. Но, не будь упомянутыхъ опредѣленныхъ историческихъ условій, онъ никогда не былъ бы тѣмъ, чѣмъ сталъ на самомъ дѣлѣ: особенное этнологическое смѣшеніе, изъ котораго онъ вышелъ, и его исторія до окончательнаго отдѣленія Іудеи отъ Израиля никогда не породили бы ненормальнаго явленія «іудейства», если бы этому своеобразному развитію не благопріятствовалъ, кромѣ того, цѣлый рядъ замѣчательныхъ обстоятельствъ, перечислить которыя не трудно. Ихъ всего пять; они подобны зубчатымъ колесамъ искуснаго часового механизма, которыя, цѣпляясь другъ за друга, приводятъ его въ движеніе. Вотъ они: внезапное и полное обособленіе Іудеи; столѣтній срокъ, послужившій развитію ея самобытности; пресѣченіе Вавилонскимъ плѣномъ всѣхъ историческихъ мѣстныхъ традицій; возобно-

---

[1]) Только при помощи сирійцевъ Маккавеи достигли власти; происшедшіе отъ нихъ князья Гасмонаическаго дома пріобрѣтали изрѣдка лишь тѣнь независимости во время раздоровъ, предшествовавшихъ римскому владычеству.

вленіе ихъ новымъ поколѣніемъ, родившимся уже на чужбинѣ; состояніе политической зависимости, изъ котораго евреи съ тѣхъ поръ уже больше не выходили. Бѣглый взглядъ, брошенный на эти историческія причины, выяснитъ намъ наглядно весь процессъ развитія «іудейства».

1) У жителей Іудеи какъ бы вошло въ привычку дѣйствовать лишь подъ вліяніемъ иниціативы старшаго, сильнѣйшаго и болѣе даровитаго брата—Израиля (они, нѣкоторымъ образомъ, чувствовали себя несовершеннолѣтними). Теперь они внезапно остались одни, обладая, по всей вѣроятности, лишь обломками традицій, и видѣли себя лицомъ къ лицу съ необходимостью самостоятельно руководить собственнымъ дальнѣйшимъ духовнымъ развитіемъ. Это было нѣчто въ родѣ неожиданнаго насильственнаго толчка, реакція на который могла быть тоже лишь насильственной и мало-гармоничной.

2) Если бы ассиріяне напали на Іудею немедленно же послѣ уничтоженія Израильскаго царства и разсѣяли ея жителей, то послѣдніе, несомнѣнно, исчезли бы съ лица земли такъ же безслѣдно, какъ населеніе сѣвернаго царства. Но Іудея уцѣлѣла еще на столѣтіе слишкомъ и находилась при этомъ въ такомъ положеніи, которое прямо-таки заставило ее использовать до послѣдней степени и развить до крайности полученное ею отъ умиравшаго Израиля духовное достояніе; а это были поученія пророковъ Амоса и Осіи о нравственномъ перерожденіи, о смиреніи передъ Богомъ и объ упованіи на Его всемогущество. И дѣйствительно, это былъ послѣдній лучъ надежды и единственный якорь спасенія: одержать побѣду человѣческими силами надъ полчищами надви-

гавшейся великой державы нельзя было и думать. Но іудеи поняли возвышенное ученіе Амоса съ чисто матеріалистической точки зрѣнія. Подъ впечатлѣніемъ угрожавшей имъ бѣды, они, какъ безумные, возмечтали о неприступности Іерусалима, служившаго якобы мѣстопребываніемъ Іеговѣ [1]). Здравомыслящіе люди недовѣрчиво качали головой; но когда армія Сенахериба, опустошивъ окрестности Іерусалима и начавъ его осаду, внезапно отступила, то правда оказалась на сторонѣ пророковъ; отступленіе это было вызвано, по словамъ однихъ, — появившейся въ лагерѣ ассиріянъ чумой, по свѣдѣніямъ же другихъ—возникшими между ними раздорами [2]). Такъ или иначе, но врагъ отступилъ: въ то утро (701 г. до Р. Хр.), когда жители Іерусалима убѣдились въ исчезновеніи арміи Сенахериба, осаждавшей стѣны города, на свѣтъ Божій появился «іудей» и вмѣстѣ съ ними—знакомый намъ изъ Библіи Іегова. Этотъ день—точка отправленія іудейской исторіи. Даже чужеземные народы видѣли въ спасеніи Іерусалима божественное чудо. Осмѣиваемые и подвергавшіеся дотолѣ гоненіямъ, пророки Исаія и Михей вдругъ обратились въ героевъ дня. Царь былъ принужденъ перейти на сторону ихъ партіи и приняться за очищеніе страны отъ чужихъ боговъ. Вѣра въ покровительство Іеговы, убѣжденіе, что всякое благополучіе зависитъ

---

[1]) См. Исаія XXXVII, въ особенности 33—37.

[2]) Сравни по этому вопросу Cheyne: «Introduction to the Book of Isaiah», стр. 231 и слѣд. Интересное сообщеніе содержатъ ассирійскіе источники, изъ которыхъ мы узнаемъ, что Іерусалимъ защищалъ отрядъ арабскихъ наемниковъ: іудеи искони отличались отсутствіемъ способностей къ военному дѣлу.

лишь отъ пассивнаго повиновенія Его велѣніямъ, что каждое національное несчастіе является либо испытаніемъ, либо наказаніемъ, непоколебимая увѣренность, что іудеи — избранный Богомъ народъ, тогда какъ всѣ другіе народы стоятъ неизмѣримо ниже его, словомъ сказать—весь кругъ понятій, обратившійся затѣмъ въ самую основу іудейства, возникъ въ это время и развился довольно быстро изъ зародышей, которые, при нормальныхъ условіяхъ, никогда не дали бы такого роста и столь богатаго расцвѣта; вмѣстѣ съ нимъ евреи пріобрѣли большую устойчивость; но одновременно съ этимъ новое міровоззрѣніе загубило въ нихъ много разумнаго, здороваго и естественнаго; оно обратилось въ «idea fixa» (навязчивую идею). Лишь теперь были написаны знаменательныя по своимъ послѣдствіямъ слова: «Только отцовъ твоихъ принялъ Господь и возлюбилъ ихъ, и избралъ васъ, сѣмя ихъ послѣ нихъ, изъ всѣхъ народовъ, какъ нынѣ видишь» (Второзаконіе X, 15). Между 701 г. и 586 до Р. Хр., въ которомъ былъ разрушенъ Іерусалимъ, прошло больше столѣтія; въ теченіе этого времени идея іудейства могла достигнуть своего полнаго развитія. Пророки и священники, взявшіе теперь бразды правленія въ свои руки, основательно использовали этотъ срокъ. Не взирая на либеральную реакцію Манассіи, они сперва добились изгнанія всѣхъ другихъ боговъ, а затѣмъ сумѣли вселить народу безумную мысль, что Богу можно поклоняться лишь въ одномъ Іерусалимѣ; вслѣдствіе этого царь Іосія разрушилъ жертвенники «на холмахъ» и всѣ другіе алтари, составлявшіе предметъ народнаго поклоненія. Онъ умертвилъ большинство левитовъ, служившихъ

при этихъ храмахъ, основаніе которыхъ преданіе приписывало патріархамъ, святость же ихъ была какъ бы засвидѣтельствована явленіями свыше; оставшіеся въ живыхъ священники этихъ святилищъ были сдѣланы второстепенными служителями Іерусалимскаго храма. Съ этого времени существовалъ лишь одинъ Богъ, одинъ алтарь и одинъ первосвященникъ. Свѣтъ обогатился новымъ понятіемъ—о «Церкви» (хотя слово это еще не существовало); основаніе нынѣшней римско-католической Церкви съ ея непогрѣшимымъ главой было такимъ образомъ положено. Но для осуществленія этого были принуждены прибѣгнуть къ искусному подлогу, который послужилъ образцомъ для многихъ другихъ, послѣдовавшихъ за нимъ. Въ 622 году при ремонтѣ храма «нашли» якобы «сборникъ законовъ» [1]); въ настоящее время уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ былъ написанъ тогда же. Второзаконіе, или V книга Моисея [2]), имѣло цѣлью установить царство священниковъ, какого никогда не существовало ни въ Израилѣ, ни въ Іудеѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно должно было обосновать (какъ всегда у евреевъ,—на исторической почвѣ) исключительныя права и преимущества Іерусалима,—мысль, которая никогда не могла бы возникнуть, пока существовало сѣверное государство; даже такому фанатику-патріоту, какимъ былъ Исаія, всѣ помыслы котораго сосредоточивались на Іерусалимѣ, она была еще окончательно чужда [3]).

[1]) II книга Царствъ XXII.

[2]) Лютеръ судитъ о ней такъ: «Совершенно лишнее расширеніе десяти заповѣдей».

[3]) R. Smith. «Prophets of Israel», стр. 438. Во Второзаконіи положено основаніе истинному іудейству. Оно служитъ цен-

Все это дѣлалось не съ дурными цѣлями, не ради обмана, а чтобы сохранить впредь въ полной своей неприкосновенности поклоненіе Богу Іеговѣ, избавителю отъ всѣхъ бѣдствій, а также чтобы положить основаніе нравственному возрожденію народа. Такъ, напримѣръ, въ это время впервые появляется, хотя робко и условно, заповѣдь: «Возлюби Господа Бога твоего»; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой книгѣ содержится фанатически-догматическій тезисъ, что одни лишь іудеи—народъ Божій, и въ связи съ нимъ—въ первый разъ раздается запретъ, налагаемый на смѣшанные браки; тамъ же мы читаемъ заповѣдь объ «истребленіи» всѣхъ язычниковъ въ мѣстахъ жительства іудеевъ и о побитіи камнями каждаго мужчины и всякой женщины, отступившихъ отъ истинной вѣры (Второзаконіе XVII, 6): «По словамъ двухъ свидѣтелей, или трехъ свидѣтелей, долженъ умереть осуждаемый на смерть»: такимъ образомъ свѣтъ обогатился понятіемъ о религіозной нетерпимости. До какой степени идея эта была еще чужда народу и что она могла укорениться въ немъ лишь благодаря совсѣмъ исключительнымъ условіямъ, то есть — въ силу грозившей ему ежечасно опасности и чудеснаго спасенія Іерусалима отъ меча Сенахериба,—видно изъ постоянно повторяющейся формулы: и Господь Богъ заповѣдалъ: «пусть онъ (народъ) читаетъ его (законъ) во всѣ дни жизни своей, дабы научался бояться Господа Бога своего

тромъ Ветхаго Завѣта въ теперешнемъ его видѣ: «Начиная съ него можно и должно изучать въ обоихъ направленіяхъ Писаніе, если хочешь правильно понимать его», говорилъ уже много лѣтъ тому назадъ въ своемъ фундаментальномъ трудѣ Reuss, «Geschichte des Alten Testaments», § 286.

и старался исполнять всѣ слова закона сего и постановленія сіи».

Всюду—съ одной стороны ужаснѣйшія угрозы и наказанія, съ другой—безмѣрныя обѣщанія; кромѣ того—безконечное множество разъ повторяющійся перечень всѣхъ чудесъ, сотворенныхъ Іеговой ради Израиля—вотъ средства для убѣжденія народа, къ которымъ прибѣгаетъ Второзаконіе — первый самостоятельный трудъ іудеевъ въ области религіи [1]). Я принужденъ утверждать, вопреки всѣмъ іудейскимъ и христіанскимъ комментаторамъ этой книги, что религіозные мотивы эти не отличаются возвышенностью; но воспринятая фанатическою вѣрою, она внушаетъ и поддерживаетъ неимовѣрную религіозную силу. Съ этого момента всѣ старанія были направлены къ тому, чтобы дать этой вѣрѣ возможность окрѣпнуть, чему опять-таки удивительно благопріятствуютъ обстоятельства.

3) Казалось бы, что разрушеніе Іерусалима и Вавилонскій плѣнъ должны были подорвать довѣріе къ Іеговѣ; но ударъ, уничтожившій Іудейское царство, обрушился на него не сразу, и мощная вѣра такого человѣка, какъ Іеремія, успѣла вполнѣ примѣниться къ новымъ усло-

---

[1]) Въ главѣ XXVIII (правда, написанной уже послѣ возвращенія іудеевъ изъ Вавилонскаго плѣна) послѣ словъ въ ст. 15: «Если не будешь слушать гласа Господа Бога твоего и не будешь стараться исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія Его, которыя Я заповѣдую тебѣ сегодня»,—слѣдуютъ рядъ благословеній, а затѣмъ проклятія—числомъ болѣе 100, въ которыхъ перечислено все, что только можетъ создать болѣзненная фантазія; въ заключеніе (ст. 63) говорится: «Такъ будетъ радоваться Господь, погубляя васъ и истребляя васъ».

віямъ. Между тѣмъ у великихъ міра сего нравственное возрожденіе быстро перешло въ противоположность: они безъ зазрѣнія совѣсти творили зло. Но Іеремія смотрѣлъ на будущее другими глазами: пророкъ этотъ видѣлъ въ вавилонянахъ бичъ Божій, посланный съ цѣлью наказанія іудеевъ за ихъ прегрѣшенія; какъ спасеніе народа отъ врага было слѣдствіемъ любви Іеговы къ избранному имъ народу, такъ же точно теперешнее наказаніе являлось результатомъ той же любви. И вотъ, Іеремія, въ противоположность Исаіи, порицаетъ разрушеніе Іерусалима и подвергается за это преслѣдованіямъ,—какъ предатель, заподозрѣнный въ шпіонствѣ для вавилонянъ. Но и на этотъ разъ правда осталась на сторонѣ пророка, а умные свѣтскіе люди оказались опять неправыми; теперь они понадѣялись на Іегову: развѣ ихъ не учили вотъ уже цѣлое столѣтіе, что Іерусалимъ неприступенъ? И когда разрушеніе совершилось, —начали говорить: «Смотрите, пророкъ сказалъ правду—это рука Іеговы!» — Нетрудно понять, какое глубокое вліяніе имѣлъ Вавилонскій плѣнъ на дальнѣйшее развитіе и еще бо̀льшее укорененіе этого безумно-ложнаго представленія. Не будь выселенія евреевъ изъ Іудеи, истинное, столь изумительное по своему искусственному происхожденію іудейство никогда не стало бы жизнеспособнымъ. Цари Езекія, Іосія и Седекія могли (безъ особеннаго ущерба для народа) опрокинуть алтари и срубить священныя деревья,—тогда онъ еще крѣпко держался своей святыни: ея нельзя было отнять у него; теперь же онъ вдругъ оказался внѣ всякой связи съ прежними традиціями; 60-лѣтнее пребываніе въ Вавилонскомъ царствѣ какъ бы прервало нить іудейской

исторіи. Никто изъ покинувшихъ страну уже въ зрѣломъ возрастѣ не возвратился въ нее. Если единичная личность послѣ 50-ти или даже только 20-лѣтняго отсутствія возвращается опять на свою родину, то она чувствуетъ свою полную отчужденность отъ родныхъ и прежнихъ знакомыхъ; она уже не въ состояніи сжиться съ органическими законами, управляющими жизнью и ростомъ своего родного народа, въ особенности, если отчизна была покинута въ ранней молодости. Здѣсь же цѣлая нація выселилась изъ своей исторической родины; возвратившіеся обратно іудеи родились почти всѣ безъ исключенія на чужбинѣ и выросли или даже, быть можетъ, состарились тамъ,—не было ни одного человѣка среднихъ лѣтъ, сохранившаго сознательныя воспоминанія объ Іудеѣ. А между тѣмъ въ то время, какъ благотворная связь съ прошлымъ была порвана (связь, подобная отношенію дитяти къ матери), озлобленные фанатики среди плѣнныхъ, жившихъ въ Вавилонѣ, предавались мрачнымъ размышленіямъ о постигшей ихъ тяжкой судьбѣ и додумывались до заключеній, которыя не могли бы придти имъ въ голову, если бы они не покинули своего отечества.

Специфическому іудейству было положено твердое основаніе именно на чужбинѣ, во время Вавилонскаго плѣненія іудеевъ, и притомъ основателемъ его былъ Іезекіиль, священникъ изъ семьи первосвященниковъ; вотъ почему на іудействѣ лежалъ съ самаго начала отпечатокъ изгнанія: религія его—не вѣра здороваго, свободнаго народа, честно борющагося за свое существованіе наряду съ другими націями, а вѣра, дышащая безсиліемъ и жаждой мести и пытающаяся забыть горе

и отчаяніе настоящаго, рисуя себѣ картины несбыточнаго будущаго. Книга Іезекіиля—ужаснѣйшая во всей Библіи. Этотъ скудный по мысли отвлеченный формалистъ, бывшій однако вмѣстѣ съ тѣмъ благороднымъ патріотомъ [1]), надѣялся спасти поколебавшуюся вѣру своихъ братьевъ и вмѣстѣ съ нею—всю націю примѣненіемъ самыхъ крайнихъ средствъ: ужаснѣйшихъ угрозъ и преступнѣйшихъ обѣщаній. До него израильская религія была, какъ въ Римѣ, Греціи и Египтѣ, однимъ изъ явленій народной жизни, а сословіе священниковъ—однимъ изъ членовъ государственной организаціи. Іезекіиль же училъ: Израиль созданъ не для того, чтобы трудиться и воевать, работать и изобрѣтать, какъ другіе народы, а чтобы быть святыней Іеговы; если онъ будетъ соблюдать законъ Іеговы, то все остальное приложится ему; отнынѣ государство должно быть замѣнено господствомъ религіознаго закона; теперь имѣлась въ виду такъ называемая номократія. Даже Второзаконіе еще допускало, что у другихъ народовъ могутъ быть свои боги; Амосъ, какъ единичный великій умъ, предчувствовалъ существованіе космическаго бога, превосходящаго своимъ значеніемъ по-

---

[1]) Прекрасная характеристика въ 12-ой гл. Duhm'a «Theologie der Propheten». — Eduard Meyer: «Die Entstehung des Judentums», стр. 219, говоритъ: «Іезекіиль былъ, очевидно, вполнѣ честной натурой, но вмѣстѣ съ тѣмъ—ограниченнымъ человѣкомъ, выросшимъ въ узкихъ воззрѣніяхъ духовнаго сословія; его нельзя ставить на одну доску съ мощными образами, съ которыми онъ самъ дерзалъ сопоставлять себя» (О вліяніи вавилонской касты жрецовъ на Іезекіиля см. въ прибавленіи), стр. 246.

литическую «deus ex machina» маленькаго отдѣльнаго народца. Іезекіиль связалъ эти два понятія и выковалъ изъ нихъ представленіе о іудейскомъ Іеговѣ, то есть о монотеизмѣ въ страшно искаженномъ образѣ. Іегова дѣйствительно единый всемогущій богъ, но Онъ стремится лишь къ собственной славѣ; Онъ жалостливъ и милостивъ только къ іудеямъ (ибо черезъ нихъ Онъ хочетъ возвѣстить міру о своей славѣ и проявить свое могущество, подъ условіемъ, чтобы они посвятили себя исключительно служенію Ему); для всѣхъ же другихъ народовъ Онъ богъ жестокій, который хочетъ испытать ихъ «моромъ и кровью», чтобы вѣсть о Его величіи, святости и могуществѣ распространилась по всему свѣту. Всѣ другіе народы подлежатъ уничтоженію, и Іегова приказываетъ своему пророку созвать земныхъ птицъ и звѣрей, «чтобы они пожрали плоть сильныхъ и выпили кровь ихъ царей». Рядомъ съ этимъ въ книгѣ Іезекіиля содержатся планы захвата власти духовнымъ сословіемъ и новаго культа, связывающихъ народъ по рукамъ и по ногамъ,—все вещи, которымъ могъ отдаться живший въ плѣну священникъ, одаренный необузданной фантазіей; это было бы невозможно, если бы онъ жилъ здоровой національной жизнью, гдѣ каждое новое предписаніе въ такомъ родѣ нашло бы отпоръ въ нравахъ и унаслѣдованныхъ обычаяхъ страны. Вскорѣ послѣ смерти Іезекіиля Вавилонское царство было завоевано благороднымъ персидскимъ царемъ Киромъ. Съ наивностью добродушнаго индоевропейца онъ разрѣшилъ евреямъ возвратиться въ Іудею и оказалъ имъ помощь при постройкѣ новаго храма. Тогда подъ сѣнью арійской терпимости былъ заложенъ очагъ, который затѣмъ, въ теченіе цѣлыхъ

тысячелѣтій распространялъ по всей земной поверхности ядъ семитической нетерпимости — всему высокому, благородному на погибель и христіанству на вѣчный позоръ. Тотъ, кто хочетъ дать ясный отвѣтъ на вопросъ: «кто такой іудей?» никогда не долженъ забывать слѣдующаго: благодаря Іезекіилю, іудей сталъ учителемъ всѣхъ родовъ нетерпимости, религіознаго фанатизма, всѣхъ убійствъ, совершенныхъ и совершаемыхъ именемъ религіи. Онъ ссылался на терпимость лишь тогда, когда чувствовалъ себя угнетеннымъ, самъ же онъ никогда не былъ поборникомъ терпимости и не могъ, не смѣлъ имъ быть, ибо законъ запрещалъ ему это; запретъ этотъ не снятъ съ него до настоящаго времени и будетъ обязателенъ для него и впредь.

4) Іезекіилю грезились упомянутыя картины, но, благодаря возвращенію іудеевъ на родину, грезы эти обратились въ дѣйствительность. Его книга стала съ этого момента идеаломъ, сообразно съ которымъ сорганизовалось іудейство,—не исторія Израиля и не поученія великихъ пророковъ. А это опять-таки могло случиться лишь въ силу историческаго условія, заключавшагося въ томъ, что этотъ процессъ начался съ возвращеніемъ на родину новаго поколѣнія, успѣвшаго забыть даже языкъ отцовъ, такъ что только одни священники еще понимали его [1]). Исключительно вслѣд-

[1]) Вскорѣ послѣ этого, за 400 слишкомъ лѣтъ до Р. Хр., еврейскій языкъ былъ преданъ окончательному забвенію (Peschel, «Völkerkunde», 2 изд., стр. 532). Возрожденіе его много столѣтій спустя было вызвано искусственнымъ путемъ и исключительно съ цѣлью обособленія евреевъ отъ европейскихъ народовъ, гостепріимствомъ которыхъ они пользовались;

ствіе совпаденія столь необычайныхъ обстоятельствъ стало возможно то, чему нѣтъ второго примѣра въ исторіи: нѣсколькимъ немногимъ лицамъ, относившимся вполнѣ сознательно къ намѣченной ими цѣли, удалось навязать цѣлому народу придуманную ими по всѣмъ правиламъ искусства чрезвычайно сложную исторію религіи и культуры, подъ видомъ издревле священныхъ для него преданій! Это явленіе совсѣмъ иного рода, чѣмъ христіанскіе церковные соборы, постановлявшіе, во что̀ именно надлежитъ вѣрить человѣку, какъ въ вѣчную, неизмѣнную истину; понятіе о догматѣ въ нашемъ значеніи этого слова совершенно чуждо еврею; матеріалистическое воззрѣніе, всюду преобладающее, гдѣ господствуетъ семитическій духъ, даже если онъ является, какъ въ данномъ случаѣ, лишь въ качествѣ spiritus rector, требуетъ, чтобы всякое убѣжденіе непремѣнно опиралось на историческій фундаментъ. Вотъ почему новая вѣра исключительно въ Іегову, всѣ новыя постановленія относительно храмовой обрядности и всѣ новые религіозные законы [1]) были представлены и затѣмъ вве-

---

слѣдствіемъ этого были такія своеобразныя явленія, какъ напримѣръ то, что нынѣшніе французскіе граждане «іудейскаго вѣроисповѣданія» въ Алжирѣ могутъ писать свои избирательные листки лишь на еврейскомъ языкѣ, тогда какъ Іуда Маккавей не былъ бы въ состояніи сдѣлать это! Отсутствіе филологическаго такта у нашихъ теперешнихъ евреевъ происходитъ отъ того, что у нихъ нѣтъ роднаго языка вотъ уже много столѣтій: мертвый языкъ не можетъ быть воскрешенъ по приказанію, и евреи калѣчатъ свое собственное еврейское нарѣчіе совершенно такъ же, какъ и всѣ остальные языки.

[1]) Законъ и религія у евреевъ синонимы,—этого никогда не слѣдуетъ забывать (Cf. Moses Mendelssohn).

дены, какъ нѣчто исторически установленное уже въ глубокой древности самимъ Богомъ и постоянно исполнявшееся всѣми (за исключеніемъ грѣшниковъ, отступившихъ отъ истинной вѣры). Намъ извѣстно, что начало этому движенію было положено еще до Вавилонскаго плѣна поддѣлкой Второзаконія (V кн. Моисея); но это былъ лишь первый, нерѣшительный шагъ и притомъ не особенно удачный, въ виду неуспѣвшаго еще заглохнуть народнаго сознанія. Теперь положеніе дѣлъ было совсѣмъ иное. Во-первыхъ, переселеніе въ Вавилонъ, какъ я уже сказалъ, прервало историческую нить, а во-вторыхъ, возвратившіеся плѣнники принадлежали по преимуществу лишь къ двумъ сословіямъ: съ одной стороны—это были бѣднѣйшіе, невѣжественнѣйшіе и зависимѣйшіе элементы народа; съ другой—священники и левиты [1]). Болѣе состоятельные іудеи свѣтскаго направленія предпочли остаться на чужбинѣ: они чувствовали себя тамъ привольнѣе, чѣмъ въ собственномъ государствѣ, но остались (по крайней мѣрѣ по большей части) евреями, то есть не измѣнили своей вѣры; это произошло, безъ сомнѣнія, отчасти потому, что ихъ религія отвѣчала свойственнымъ имъ духовнымъ потребностямъ, но отчасти и вслѣдствіе того, что они сумѣли всюду добиваться для себя привилегій; важнѣйшей изъ нихъ было освобожденіе ихъ отъ воинской повинности [2]). Легко понять, что это (присвоившее себѣ

[1]) Ср. Wellhausen, «Israelitische und jüdische Geschichte», стр. 159. Тотъ же авторъ пишетъ въ своемъ сочиненіи «Prolegomena», стр. 28: «Изъ плѣна возвратилась не нація, а лишь религіозная секта».

[2]) На историко-философской почвѣ эту своеобразную приверженность іудеевъ къ подчиненности,—такъ сказать къ по-

власть) духовное сословіе держало всецѣло въ своихъ рукахъ слѣдующіе два элемента: невѣжественныхъ, не связанныхъ никакими преданіями, вернувшихся на родину переселенцевъ и хотя и образованныхъ, но отдаленныхъ отъ единственнаго центра культа членовъ общины эмигрантовъ. Итакъ, духовенство принялось за сооруженіе

ложенію, подобному состоянію паразита,—можно объяснить какъ слѣдствіе ихъ продолжительной зависимости отъ Израиля. Впрочемъ, въ высшей степени замѣчательно, что евреи, не дождавшись плѣна (а тѣмъ паче—разсѣянія ихъ по всей земной поверхности), уже раньше проявили предпочтеніе, отдаваемое ими такого рода жизни. Въ цѣломъ рядѣ городовъ, находившихся на берегахъ Тигра и Евфрата, были найдены еврейскія печати изъ болѣе древнихъ эпохъ, и уже во времена Сенахериба, — слѣдовательно, за 100 лѣтъ до перваго разрушенія Іерусалима, — самымъ большимъ банкирскимъ домомъ въ Вавилонѣ былъ іудейскій домъ подъ фирмою «Братья Эгиби»; говорятъ, что онъ тогда занималъ на Востокѣ такое же положеніе, какъ въ настоящее время въ Европѣ домъ Ротшильдовъ (Ср. Sayce, «Assyria, its princes, priests and people», стр. 138).—Пусть же не разсказываютъ намъ басенъ о томъ, что евреи были «по природѣ своей» земледѣльцами и обратились лишь въ средніе вѣка, скрѣпя сердце, въ ростовщиковъ, потому что всякое другое занятіе было имъ недоступно. Почитайте внимательнѣе книги пророковъ, постоянно сѣтующихъ на ростовщичество, служащее богатымъ людямъ средствомъ для разоренія земледѣльцевъ; вспомните знаменитое мѣсто въ Талмудѣ, которое гласитъ: «У кого 100 гульденовъ въ оборотѣ, тотъ можетъ ежедневно ѣсть мясо и пить вино; у кого же 100 гульденовъ помѣщено въ земельной собственности, тотъ принужденъ питаться кореньями и капустой, а кромѣ того — копать землю, недосыпать и, вдобавокъ, наживать себѣ враговъ. Но мы созданы, чтобы служить Богу; развѣ справедливость не требуетъ, чтобы мы находили себѣ пропитаніе безъ страданій?» Гердеръ, у кото-

искусственнаго зданія (Торы): Второзаконіе было дополненно (въ особенности 11-ью первыми, столь эффектными, историческими главами); затѣмъ составили такъ называемое «законодательство священниковъ» [1]) (всю книгу Левитъ, три четверти книги Чиселъ, половину книги Исходъ и, приблизительно, 11 главъ книги Бытія); кромѣ того, въ это же время были собраны и составлены книги Ветхаго Завѣта изъ разныхъ источниковъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли

раго я нашелъ эту цитату, присовокупляетъ: «Безъ страданій—пожалуй! Но не путемъ обмана и плутовства» («Adrastea», V, 7). Прочтите также V гл. Нееміи и обратите вниманіе на то, какъ старѣйшины и священники, видя, что іудеи запускаютъ свои хозяйства, ради сооруженія новаго храма вмѣсто разрушеннаго, воспользовались этимъ торжественнымъ моментомъ, чтобы, путемъ ростовщичества, присвоить себѣ «поля, виноградники, масличные сады и дома» болѣе бѣдныхъ соотечественниковъ. Ничто не поразило іудеевъ въ арійскихъ мидянахъ до такой степени, какъ то обстоятельство, «что они не цѣнятъ серебра и не любятъ золота» (Исаія XIII, 17). Въ числѣ ужасныхъ проклятій, которыми Іегова угрожаетъ своему народу въ случаѣ неповиновенія съ его стороны (Второзаконіе XXVIII, 44) есть и такое: «Ты не будешь давать ему (пришельцу) взаймы». Вспомните также, какъ въ книгѣ Товіи (написанной приблизительно за 100 лѣтъ до Р. Хр.) ангелъ посылается съ неба, чтобы содѣйствовать полученію отданныхъ за границей въ ростъ — проценты на проценты — денегъ. (V гл. и IX гл.). Въ связи съ этимъ надо также упомянуть, что уже во времена Соломона евреи были лошадиными барышниками для всей Сиріи! (Saysce, «Hittites», стр. 13).

[1]) Ср. Montefiore, «Ancient Hebrews», стр. 315, а для подробнаго аналитическаго перечня—Driver, «Introd. to the Literature of the Old Testament», 1892, стр. 150 (перепечатано у Montefiore, стр. 354).

до насъ, конечно,—послѣ тщательнаго ихъ пересмотра, очищенія и дополненія, съ цѣлью создать надежную поддержку новой іерократіи, новой вѣрѣ въ Іегову, а также новому закону, подъ бременемъ котораго отнынѣ предстояло томиться бѣднымъ іудеямъ. Но работа эта, по трудности и сложности своей, оказалась выше тогдашняго образовательнаго уровня, такъ что противорѣчія бросаются намъ въ глаза на каждомъ шагу, и мы можемъ прослѣдить совершенно ясно весь ходъ усерднаго труда, исполненнаго руками благочестиваго произвола [1]). Затѣмъ эта Тора (что значитъ «законъ») была постепенно дополнена изреченіями, выбранными изъ отчасти очень древней литературы притчъ, а также—собраніями книгъ пророковъ, подвергнутыхъ не менѣе основательной обработкѣ, чѣмъ остальныя, и снабженныхъ возможно большимъ числомъ «vaticina exeventibus»; но онѣ редактированы такъ неумѣло, что въ настоящее время неимовѣрно трудно обнаружить истинныя

[1]) Древніе христіане отлично знали, что Ветхій Завѣтъ—обработанный продуктъ позднѣйшаго времени. Такъ Абеляръ ссылается въ своемъ отвѣтѣ на 41-й вопросъ Элоизы, напримѣръ, на историка Беда (Beda), писавшаго въ началѣ VIII столѣтія; ему приписываютъ слова: «Ipse Esdras, qui non solum legem, sed etiam ut communis majorum fama est, omnem sacrae Scripturae senim prout sibi videbatur legentibus sufficere rescripsit» («Самъ Ездра, который передѣлалъ не только законъ, но, согласно давно установившемуся преданію, и все Св. Писаніе въ такой мѣрѣ, въ какой это, по его мнѣнію, удовлетворяло читателей»). Итакъ, все открытое новѣйшей «высшей библейской критикой», къ которой относятся одинаково враждебно какъ строгіе протестанты, такъ и католики, является лишь научнымъ подтвержденіемъ факта, бывшаго 1000 лѣтъ тому назадъ, communis fama (общеизвѣстнымъ) и нисколько не служившимъ соблазномъ для самыхъ набожныхъ душъ.

намѣренія пророковъ. Впослѣдствіи ко всему этому еще присовокупили нѣсколько фантастическихъ произведеній дидактическаго характера, каковы: книга Есфири, кн. Іова, кн. Даніила, Псалмы и т. д. Еще въ теченіе долгаго періода времени послѣ Ездры работала (согласно еврейскимъ преданіямъ) коллегія книжниковъ, состоявшая изъ 120 членовъ, — такъ называемая «Великая Синагога»; она занималась дополненіемъ и исправленіемъ редакціи каноническихъ книгъ; такъ, напримѣръ, обѣ книги Паралипоменонъ (лѣтопись) появились лишь 200 лѣтъ спустя,— «уже послѣ паденія Персидскаго царства, какъ плодъ самаго разгара іудаизма» [1]). Мнѣ придется сейчасъ возвратиться къ этой религіи Іезекіиля, но я хочу сперва разсмотрѣть пятое и послѣднее историческое обстоятельство, безъ котораго она, несмотря на все предыдущее, никогда не могла бы укорениться.

5) Послѣ Вавилонскаго плѣна іудеи уже никогда больше не были независимой націей. Гердеръ вѣрно указалъ на то сильное вліяніе, которое этотъ фактъ долженъ былъ имѣть на характеръ этого народа. Онъ говоритъ: «Іудейскій народъ былъ испорченъ воспита-

---

[1]) Wellhausen, «Prolegomena», стр. 170. Я не знаю общедоступнаго изложенія исторіи происхожденія Ветхаго Завѣта въ родѣ сочиненій Wellhausen'a «Israelitische und jüdische Geschichte». Фундаментальный трудъ Eduard Reuss'a «Geschichte der heiligen Schriften des alten Testaments» задуманъ и написанъ для ученыхъ, а Zittel'я «Die Entstehung der Bibel»—Reclam'a Universal-Bibliothek—ни въ какомъ отношеніи не отвѣчаетъ заглавію и поэтому не можетъ удовлетворить даже самымъ скромнымъ требованіямъ, не взирая на то, что книжечка эта содержитъ много интереснаго.

ніемъ, потому что онъ никогда не достигъ зрѣлости по части политической культуры на собственной почвѣ, а слѣдовательно — и развитія истинныхъ чувствъ чести и свободы» [1]). Нельзя утверждать, что евреи были лишены съ самаго начала чувства чести и свободы и что это составляло какъ бы органическій пробѣлъ ихъ духовнаго «я»; быть можетъ, и судьба ихъ оказалась бы безсильной вызвать такую глубокую атрофію этихъ цѣнныхъ психическихъ благъ, если бы теперь къ ней не присоединилась та вѣра, которая окончательно лишила индивидуумъ всякой свободы и такимъ образомъ искоренила въ немъ «истинное чувство чести», — между прочимъ и тѣмъ, что не признавала его за другими народами, стоявшими по развитію своему выше іудеевъ. Но именно этой-то вѣры іудейскій народъ никогда не позволилъ бы навязать себѣ, если бы политическое безсиліе не связало его по рукамъ и по ногамъ, обративъ въ маленькое вассальное государство, обязанное своимъ существованіемъ лишь великодушію сосѣдей, и не выдало его съ головой его законоучителямъ.

Такіе краткіе эпизоды, какъ, напримѣръ, возвышеніе Симона Маккавея, поведшее къ нѣкоторой самостоятельности Іудеи, лишь доказываютъ, что эта религія, чтобы стать истинно-народной вѣрой, должна была подвергнуться кореннымъ измѣненіямъ, иначе она не могла устоять при столкновеніяхъ съ практической, дѣйствительной жизнью. Вѣдь Маккавеи были обязаны своимъ возвышеніемъ тому обстоятельству, что они (уроженцы

---

[1]) «Ideen zur Geschichte der Menschheit», т. III, кн. 12, отд. 3.

дальняго Модина, лежавшаго въ горной части бывшей области колѣна Ефремова) осмѣлились нарушить одну изъ строжайшихъ заповѣдей — заповѣдь о соблюденіи субботы [1]). Что эту придуманную священниками вѣру, этотъ сочиненный ими культъ и этотъ установленный ими же законъ невозможно было навязать независимому народу, ясно уже изъ того, что даже при данныхъ условіяхъ это было сопряжено съ большими трудностями и никогда вполнѣ не удалось бы безъ сильной поддержки со стороны вавилонскихъ царей. Хотя сами іудеи и были вырваны изъ связи со всѣми прежними преданіями, но сосѣдей ихъ, а также и истинно-хананаанское коренное населеніе, оставшееся въ значительномъ числѣ въ Іудеѣ во время Вавилонскаго плѣна, эта судьба не постигла. Въ первое время по возвращеніи іудеевъ на родину между ними и этими жителями Палестины начали опять завязываться разнаго рода отношенія. Хеттейско-аморейскіе земледѣльцы желали, по примѣру прежнихъ временъ, участвовать въ жертвоприношеніяхъ, устраиваемыхъ въ честь Іеговы; они не могли представить себѣ и не хотѣли допустить, что ихъ мѣстный богъ Іегова отнынѣ долженъ обратиться какъ бы въ монополію іудеевъ. Съ другой стороны болѣе обстоятельные изъ возвратившихся израильтянъ попрежнему заключали браки съ сосѣдними жителями не-еврейскаго происхожденія, не обращая никакого вниманія на то, покланяются ли они Милькому или Молоху, или Ваалу, или какому-нибудь другому божеству. Мы знаемъ, что, подобно нашему дворянству, предпочитающему, вопреки

[1]) Кн. Маккавеевъ II, 41.

ксеркса окончательными организаторами іудейства» [1]). Дѣло, основанное Іезекіилемъ, было закончено ими: они навязали іудеямъ іуданзмъ.

Итакъ, вотъ тѣ пять историческихъ причинъ, которыя обусловили возможность возникновенія іудейства и способствовали его развитію. Резюмирую ихъ еще разъ вкратцѣ, чтобы запечатлѣть ихъ по возможности глубже въ памяти: внезапное обособленіе іудеевъ отъ Израиля; 100-лѣтнее дальнѣйшее существованіе крошечнаго, окруженнаго со всѣхъ сторонъ врагами, государства (Іудеи), которое всю надежду на спасеніе возлагало на сверхъестественную помощь; пресѣченіе исторической нити и связи со всѣми мѣстными преданіями вслѣдствіе переселенія всего народа изъ родной страны въ чужую; возобновленіе прежнихъ отношеній поколѣніемъ, родившимся на чужбинѣ и почти забывшимъ даже языкъ своихъ отцовъ; установившееся затѣмъ навсегда состояніе зависимости, послужившее священникамъ источникомъ власти для порабощенія народа.

XXII.

Новый завѣтъ.

Когда Ездра въ первый разъ читалъ собравшемуся народу выдержки изъ новыхъ постановленій, слышихъ «закономъ Моисеевымъ», то «плакалъ весь народъ, слушая слова закона»,—такъ повѣствуетъ Неемія [2]), и мы

---

[1]) Wellhausen, «Israelitische und jüdische Geschichte», 3 изд., стр. 173.

[2]) Неемія VIII, 9. Примѣч. переводч.

въ данномъ случаѣ вѣримъ ему. Но слезы эти были тщетны, потому что всѣ слова сіи были заповѣданы великимъ Іеговой, «всемогущимъ и грознымъ» [1]). Послѣ этого былъ возобновленъ такъ называемый «ветхій завѣтъ» и на этотъ разъ—письменно, какъ нотаріальный контрактъ. Всѣ священники, левиты и князья (IX, 38), а также всѣ знавшіе Писаніе должны были приложить къ нему свои печати; затѣмъ они и всѣ іудеи и «жены ихъ, сыновья ихъ и дочери ихъ» вступили въ обязательство съ клятвою поступать по закону Божію, который данъ рукою Моисея, раба Божія, и соблюдать и исполнять всѣ заповѣди Господа Бога» [2]) (X, 28, 29). Такимъ образомъ теперь былъ заключенъ «новый завѣтъ». Несомнѣнно, что это единственный случай, когда религія была установлена такимъ путемъ: исторія не знаетъ второго! Къ счастью, въ народѣ, изъ среды котораго еще недавно вышли такіе люди, какъ Іеремія и Deutero-Исаія, религіозныя черты еще не совсѣмъ заглохли—человѣческую природу нельзя окончательно искалѣчить и уничтожить; но надо сказать, что здѣсь было сдѣлано все возможное, чтобы добиться именно этого; и если евреи впослѣдствіи стали ненавистны всѣмъ народамъ земного шара, остались среди нихъ всюду чужими и возбудили всѣхъ противъ себя, то причина этого явленія кроется исключительно въ созданной столь искусственнымъ путемъ религіи, навязан-

---

[1]) Согласно Талмуду, самъ Іегова въ субботу занимается чтеніемъ Торы! (Wellhausen, «Israelitische u. Jüd. Geschichte», стр. 297. Montefiore, «Religion of the ancient Hebrews», стр. 461).

[2]) См. кн. Неемія VIII—X.

своему антисемитизму, богатыхъ еврейскихъ невѣстъ всякимъ другимъ, и члены первосвященнической касты считали бракъ съ идумеянками или аморитянками вполнѣ «соотвѣтствующимъ своему званію», если за дѣвушкой давали достаточно большое приданое. Существовала ли какая-нибудь возможность при этихъ условіяхъ привить народу новую вѣру по ученію Іезекіиля и укоренить въ немъ новый законъ со всѣми его безчисленными предписаніями? Не успѣло бы вымереть и одно поколѣніе, какъ противоестественное порожденіе болѣзненной фантазіи священниковъ отправилось бы ad patres. Но Іудея не была самостоятельнымъ государствомъ. Жители ея возвратились въ Іерусалимъ подъ предводительствомъ полуперсидскаго намѣстника, получившаго, безъ сомнѣнія, точныя инструкціи оказывать духовенству свое покровительство и, напротивъ, подавлять всякое проявленіе политическаго честолюбія.

Когда религіозная партія увидѣла, что начатому ею дѣлу угрожаютъ опасностью вышеупомянутыя обстоятельства, она обратилась за помощью въ Вавилонъ. Ей оттуда, прежде всего, прислали подкрѣпленіе въ лицѣ тѣхъ книжниковъ и священниковъ съ «искуснымъ ученымъ мужемъ» Ездрой во главѣ, которымъ предстояло редактировать Тору; за ними послѣдовали царскіе указы и деньги [1]). Но и этого оказалось еще мало:

---

[1]) Однѣми деньгами Ездра привезъ съ собою даръ царя, превышавшій 5 милліоновъ марокъ (около $2^1/_2$ милл. рублей)! Подлинность приводимыхъ Ездрой персидскихъ документовъ (по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ) доказана, вопреки мнѣнію Wellhausen'a, между прочимъ Eduard Meyer'омъ, «Die Entstehung des Judentums», изд. 1896 г., стр. 1—71. Этимъ

требовался человѣкъ дѣла. И вотъ, виночерпія царя Артаксеркса—Неемію—снабдили диктаторскими полномочіями и отправили въ Іерусалимъ. Тогда началась энергичная дѣятельность. Поклонниковъ Іеговы, не принадлежащихъ офиціально къ іудейскому народу, устранили «съ отвращеніемъ» отъ богослуженія; отнынѣ рѣшающимъ факторомъ въ этомъ вопросѣ должна была служить не вѣра, а родовитость; всѣ іудеи, состоявшіе въ бракѣ съ иноплеменницами, были принуждены либо развестись съ женами, либо покинуть страну; въ книгу Левита вписали заповѣдь: «И я отдѣлилъ васъ отъ народовъ, чтобы вы были Мои» (Лев. XX, 26); съ того времени іудеямъ было запрещено, подъ страхомъ смерти, заключать браки внѣ своего народа; въ особенности мужчина, бравшій жену изъ другого племени, совершалъ «грѣхъ передъ Господомъ Богомъ» [1]). Неемія, кромѣ того, возвелъ вокругъ Іерусалима высокія стѣны, выходы изъ которыхъ были снабжены крѣпкими воротами; затѣмъ онъ вообще запретилъ иноплеменникамъ доступъ въ городъ, чтобы «очистить народъ отъ всего чужеземнаго». «Ездра и Неемія», справедливо замѣчаетъ Вельгаузенъ, «стали милостію царя Арта-

---

разрѣшенъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ исторіи. Кто читалъ маленькую, необыкновенно содержательную книгу Мейера, тотъ пойметъ его заключительныя слова: «Іудейство было создано именемъ персидскаго царя и въ силу авторитета его власти. Такимъ образомъ вліяніе царства Ахаменидовъ сказывается съ силой, свойственной лишь немногимъ другимъ причинамъ, еще теперь непосредственно на нашемъ времени».

[1]) Неемія XIII, 27. Ср. съ сказаннымъ въ началѣ этой главы.

ксеркса окончательными организаторами іудейства» [1]). Дѣло, основанное Іезекіилемъ, было закончено ими: они навязали іудеямъ іудаизмъ.

Итакъ, вотъ тѣ пять историческихъ причинъ, которыя обусловили возможность возникновенія іудейства и способствовали его развитію. Резюмирую ихъ еще разъ вкратцѣ, чтобы запечатлѣть ихъ по возможности глубже въ памяти: внезапное обособленіе іудеевъ отъ Израиля; 100-лѣтнее дальнѣйшее существованіе крошечнаго, окруженнаго со всѣхъ сторонъ врагами, государства (Іудеи), которое всю надежду на спасеніе возлагало на сверхъестественную помощь; пресѣченіе исторической нити и связи со всѣми мѣстными преданіями вслѣдствіе переселенія всего народа изъ родной страны въ чужую; возобновленіе прежнихъ отношеній поколѣніемъ, родившимся на чужбинѣ и почти забывшимъ даже языкъ своихъ отцовъ; установившееся затѣмъ навсегда состояніе зависимости, послужившее священникамъ источникомъ власти для порабощенія народа.

XXII.

Новый завѣтъ.

Когда Ездра въ первый разъ читалъ собравшемуся народу выдержки изъ новыхъ постановленій, слышихъ «закономъ Моисеевымъ», то «плакалъ весь народъ, слушая слова закона»,—такъ повѣствуетъ Неемія [2]), и мы

---

[1]) Wellhausen, «Israelitische und jüdische Geschichte», 3 изд., стр. 173.

[2]) Неемія VIII, 9. Примѣч. переводч.

въ данномъ случаѣ вѣримъ ему. Но слезы эти были тщетны, потому что всѣ слова сіи были заповѣданы великимъ Іеговой, «всемогущимъ и грознымъ» [1]). Послѣ этого былъ возобновленъ такъ называемый «ветхій завѣтъ» и на этотъ разъ—письменно, какъ нотаріальный контрактъ. Всѣ священники, левиты и князья (IX, 38), а также всѣ знавшіе Писаніе должны были приложить къ нему свои печати; затѣмъ они и всѣ іудеи и «жены ихъ, сыновья ихъ и дочери ихъ» вступили въ обязательство съ клятвою поступать по закону Божію, который данъ рукою Моисея, раба Божія, и соблюдать и исполнять всѣ заповѣди Господа Бога» [2]) (X, 28, 29). Такимъ образомъ теперь былъ заключенъ «новый завѣтъ». Несомнѣнно, что это единственный случай, когда религія была установлена такимъ путемъ: исторія не знаетъ второго! Къ счастью, въ народѣ, изъ среды котораго еще недавно вышли такіе люди, какъ Іеремія и Deutero-Исаія, религіозныя черты еще не совсѣмъ заглохли—человѣческую природу нельзя окончательно искалѣчить и уничтожить; но надо сказать, что здѣсь было сдѣлано все возможное, чтобы добиться именно этого; и если евреи впослѣдствіи стали ненавистны всѣмъ народамъ земного шара, остались среди нихъ всюду чужими и возбудили всѣхъ противъ себя, то причина этого явленія кроется исключительно въ созданной столь искусственнымъ путемъ религіи, навязан-

---

[1]) Согласно Талмуду, самъ Іегова въ субботу занимается чтеніемъ Торы! (Wellhausen, «Israelitische u. Jüd. Geschichte», стр. 297. Montefiore, «Religion of the ancient Hebrews», стр. 461).

[2]) См. кн. Неемія VIII—X.

ной народу чисто механическимъ способомъ и затѣмъ постепенно обратившейся въ неискоренимую національную идею, которая заглушила въ ихъ сердцахъ общее намъ всѣмъ истинно-человѣческое наслѣдіе. Въ хананско-израильскомъ поклоненіи природѣ, обновленномъ семитической серьезностью и аморейскимъ идеализмомъ, вѣроятно, было не мало зародышей, обѣщавшихъ въ будущемъ богатый расцвѣтъ: какъ иначе объяснить религіозное развитіе, которое, начавшись дикой пляской вокругъ золотого тельца (сохранившейся какъ во всемъ Израильскомъ царствѣ, такъ и въ Іудеѣ почти до Вавилонскаго плѣна), завершилось понятіемъ о богѣ пророка Амоса, который «возненавидѣлъ праздники» и «всесожженія и хлѣбнаго приношенія не принимаетъ» (кн. пр. Амоса V, 21, 22) и Deutero - Исаіи, считающаго всякій храмъ недостойнымъ своего величія и которому жертвоприношенія и ѳиміамъ «омерзительны»; послѣдній пророкъ написалъ даже слѣдующія слова какъ бы чисто индійскаго происхожденія: «Иной, заколая вола, все равно что убиваетъ человѣка» (Исаія LXVI, 1—3). Но съ этого момента всякое дальнѣйшее развитіе становится невозможнымъ. И я долженъ повторять тысячу разъ, въ виду того, что кромѣ меня этого никто не говоритъ, тогда какъ вся суть дѣла именно въ этомъ: только такимъ образомъ можно объяснить и теперешнее положеніе евреевъ среди насъ, сыновъ XIX столѣтія. Такъ называемая «реформа Ездры,—въ дѣйствительности основаніе іудейства,—осуществившаяся, благодаря совпаденію пяти указанныхъ мною историческихъ условій, не есть высшая ступень религіознаго развитія, а напротивъ — сильнѣйшая реакція противъ всякаго

развитія; она не срубила самаго дерева, но подрѣзала ему подъ почвой всѣ корни и предоставила ему засохнуть стоя, подперевъ его со всѣхъ сторонъ аккуратно-обточенными столбами 13.600 постановленій закона, дабы оно не свалилось. Такъ, если даже такой выдающійся ученый, какъ Деличъ (Delitzsch), говоритъ: «Тора въ жизни и сознаніи еврейскаго народа служитъ отраженіемъ тысячелѣтняго процесса постепеннаго развитія Моисеева закона», то мы должны возразить противъ этого, что въ Торѣ, напротивъ, сдѣлано все возможное, чтобы замаскировать процессъ религіознаго развитія, предшествовавшаго ея появленію; составители ея не остановились ни передъ какою ложью, давшей имъ возможность представить законъ чѣмъ-то абсолютно неподвижнымъ и искони существовавшимъ, — ни даже передъ такой явной нелѣпостью, какъ басня о скиніи и о ея устройствѣ, и мы принуждены утверждать, что Тора была орудіемъ не только противъ такъ называемаго «идолопоклонства» (послужившаго источникомъ всему іудейскому культу), но въ той же мѣрѣ и противъ свободнаго вѣянія истиннаго религіознаго духа, проявившагося въ ученіи пророковъ. Ни одинъ изъ прежнихъ великихъ мужей—ни Илья, ни Амосъ, ни Осія, ни Михей, ни Исаія, ни Іеремія, ни Deutero - Исаія не приложили бы своей печати къ упомянутому документу новаго завѣта—вѣдь имъ пришлось бы, скрѣпляя его, отречься отъ собственныхъ словъ.

XXIII.

Пророки.

Я долженъ остановиться хоть на минуту на только что перечисленныхъ пророкахъ, потому что лишь изъ рѣзкаго контраста между ихъ ученіемъ и постановленіями іерусалимскихъ іерократовъ становится яснымъ, до какой степени еврея сдѣлали іудеемъ, добившись этого, такъ сказать, чисто искусственнымъ путемъ, причемъ главнымъ двигателемъ была вполнѣ сознательная и разсчитанная политика немногихъ отдѣльныхъ лицъ и извѣстныхъ общественныхъ круговъ, дѣйствовавшихъ вопреки всякому закону органическаго развитія. Необходимо подчеркнуть это, чтобы составить себѣ правильное понятіе о характерѣ израильтянина, потерпѣвшемъ до извѣстной степени крушеніе, разбившись объ іудейство. Въ новомъ завѣтѣ центръ тяжести составляютъ относящіяся къ культу постановленія; слово «святость», повторяющееся на каждомъ шагу, означаетъ прежде всего лишь строгое соблюденіе всѣхъ обрядовъ и касающихся ихъ предписаній [1]),— сердечная чистота при этомъ совсѣмъ не имѣется въ виду [2]); «чистота кожи и посуды важнѣе», говоритъ Рейсъ не безъ нѣкотораго преувеличенія [3]); центромъ этихъ предписаній въ свою

---

[1]) Montefiore, «Religion of the ancient Hebrews», стр. 236.

[2]) Robertson Smith, «Prophets of Israel», стр. 424.

[3]) «Geschichte der heiligen Schriften des alten Testaments», § 379.

очередь является, какъ наивысшая святыня, необыкновенно сложный ритуалъ жертвоприношеній [1]). Трудно представить себѣ болѣе явное отступленіе отъ ученія пророковъ. Обратимся къ нимъ. Богъ говоритъ устами Осіи: «Я милости хочу, а не жертвы, и Боговѣдѣнія болѣе, нежели всесожженій» (кн. пр. Осіи VI, 6). Цитату изъ Амоса я уже привелъ выше. Михей пишетъ: «Съ чѣмъ предстать мнѣ предъ Господомъ, преклониться передъ Богомъ небеснымъ? Предстать ли передъ Нимъ со всесожженіями, съ тельцами единолѣтними?.. О человѣкъ! Сказано тебѣ, что̀ — добро, и чего требуетъ отъ тебя Господь: дѣйствовать справедливо, любить дѣла милосердія и смиренномудренно ходить предъ Богомъ твоимъ» (кн. пр. Михея VI, 6, 8). Исаія повторяетъ совершенно то же самое, но еще подробнѣе. Какъ бы чудомъ уцѣлѣлъ одинъ изъ его стиховъ, въ которомъ онъ говоритъ: «Новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавидитъ душа Моя». — Онъ совѣтуетъ народу заняться вмѣсто нихъ слѣдующимъ: «Научитесь дѣлать добро, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову» (кн. пр. Исаіи I, 14 и 17).

[1]) Тотъ, кто хочетъ получить объ этомъ понятіе, пусть прочтетъ, кромѣ книгъ Левитъ, Чиселъ и др., 11-й трактатъ о жертвоприношеніяхъ (Kadaschim) изъ Вавилонскаго Талмуда (все относящееся къ торжественному богослуженію составляетъ IV томъ единственно достовѣрнаго перевода его на нѣмецкій языкъ, сдѣланнаго Wünsche). Нельзя сказать, чтобы евреи избавились отъ этого ритуала послѣ разрушенія Іерусалима, такъ какъ они изучаютъ его теперь не меньше прежняго; кромѣ того нѣкоторыя явленія ихъ настоящей жизни связаны съ нимъ, какъ, напримѣръ, убой скота, почему животное, зарѣзанное не рукой еврея (не коширникомъ) считается «падалью» (См. Traktat Chullin, f. 13d).

Іеремія, со свойственной ему страстностью, идетъ еще дальше: онъ «становится во вратахъ дома Господня и провозглашаетъ слово сіе входящимъ сими вратами на поклоненіе Господу: «Не надѣйтесь на обманчивыя слова: «здѣсь храмъ Господень, храмъ Господень, храмъ Господень!» Но если совсѣмъ исправите пути ваши и дѣянія ваши, и будете вѣрно производить судъ между человѣкомъ и соперникомъ его, не будете притѣснять иноземца, сироты и вдовы, и проливать невинной крови на мѣстѣ семъ (то есть приносить животныхъ въ жертву)... то Я оставлю васъ жить» (кн. пр. Іереміи VII, 2. 4—7). Даже объ иудеяхъ считавшемся священнымъ ковчегѣ завѣта Іеремія ничего не хочетъ знать: онъ совѣтуетъ больше не вспоминать и не учить о немъ: «Онъ и на умъ не придетъ и не вспомнятъ о немъ и не будутъ приходить къ нему, и его уже не будетъ» (кн. пр. Іер. III. 16). Въ псалмахъ мы тоже читаемъ: «Жертвы Ты не желаешь,—я далъ бы ее; къ всесожженію не благоволишь. Жертва Богу — духъ сокрушенный; сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже!» (Псал. L. 18, 19 [1]). То обстоятельство, что за этими изреченіями слѣдуютъ фанатическія выраженія съ чисто національнистической окраской, какъ, напримѣръ, «Іерусалимъ—престолъ Божій», «всѣ другіе боги—идолы» и т. п., лишь указываетъ на свойственную тѣмъ временамъ ограниченность [2]), но не можетъ уничтожить факта, что всѣ эти выдающіеся люди стремились къ постепен-

---

[1]) См. также Пс. XXXIX, 7 и Пс. XLIX, 13.

[2]) Кромѣ того доказано, что почти всѣ подобныя мѣста — вноски гораздо позднѣйшаго времени.

ному упрощенію культа, считали, подобно неграмъ племени Іоруба, обитающимъ Невольничій берегъ, жертвоприношенія лишенными всякаго смысла и были готовы требовать отмѣны богослуженій въ храмѣ, какъ тотъ великій незнакомецъ [1]), устами котораго Богъ говоритъ: «Небо—престолъ Мой, а земля—подножіе ногъ Моихъ; гдѣ же построите вы домъ для Меня, и гдѣ мѣсто для покоя Моего?.. А вотъ на кого Я призрю: на смиреннаго и сокрушеннаго духомъ и трепещущаго предъ словомъ Моимъ» (кн. пр. Исаіи LXVI, 1, 2). Болѣе рѣзкаго контраста между ученіемъ пророковъ и введеннымъ вскорѣ послѣ нихъ закономъ Торы нельзя себѣ представить, тѣмъ болѣе, что всѣ стремленія первыхъ были, очевидно, направлены къ тому, чтобы перенести область набожности въ сердце; по ихъ воззрѣніямъ, благочестивъ не тотъ, кто приноситъ жертвы и соблюдаетъ субботу, а тотъ, кто творитъ добро и защищаетъ угнетеннаго. Надо также замѣтить, что національныя тенденціи у пророковъ нигдѣ не прини-

---

[1]) Объ авторѣ XL—LV главъ кн. пр. Исаіи, называемаго обыкновенно Исаіей II или Deutero-Исаіей, см. Cheyne, «Introduction to the book of Isaiah» (1895) и Duhm, «Iesaia» (1892). Это единственный пророкъ, у котораго встрѣчаются, мѣстами, указанія на пришествіе Христа; характерно, что евреи, обыкновенно старающіеся прослѣдить генеалогію до сотаго колѣна, сейчасъ же послѣ смерти этого пророка забыли его имя. Deutero-Исаія писалъ во второй половинѣ эпохи Вавилонскаго плѣна, слѣдовательно черезъ 150 лѣтъ послѣ историческаго Исаіи. Согласно Cheyne, главы LVI — LXVI, приписываемыя обыкновенно Deutero-Исаіи, принадлежатъ перу еще позднѣйшаго автора.

мают̀ того догматическаго и безчеловѣчнаго характера, какъ впослѣдствіи въ офиціальной религіи (за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ въ ихъ сочиненіяхъ, которыя оказались позднѣйшими вносками). Амосъ, чудная личность, произведенія котораго были сильно искажены «Великой Синагогой», дѣлаетъ слѣдующее юмористическое замѣчаніе, быть можетъ, единственное во всей Библіи: «Не таковы ли, какъ сыны Еѳіопянъ, и вы для Меня, сыны Израилевы? говоритъ Господь» (кн. пр. Амоса IX, 7), и тутъ же: «Не Я ли вывелъ Израиля изъ земли Египетской и филистимлянъ—изъ Кафтора и арамлянъ—изъ Кира?» Той же терпимостью отличается Михей: «Ибо всѣ народы ходятъ, каждый—во имя своего бога; а мы будемъ ходить во имя Господа Бога нашего» (кн. пр. Михея IV, 5). Deutero-Исаія, единственный и дѣйствительно сознательный монотеистъ среди нихъ, говоритъ просто: «Богомъ всей земли назовется Онъ» (кн. пр. Исаіи LIV, 5). Мы видимъ, слѣдовательно, что и въ этомъ отношеніи былъ намѣченъ новый путь, затѣмъ насильственнымъ образомъ отрѣзанный. Такъ были уничтожены въ самомъ зародышѣ многообѣщавшія стремленія и робкія попытки перейти къ болѣе истинной религіи, которая отличалась бы не столько историческимъ, сколько индивидуальнымъ характеромъ, въ противоположность вѣрѣ въ судьбы всего народа. Она, конечно, отъ времени до времени оживала въ сердцахъ единичныхъ личностей, но уже не была въ силахъ вдохнуть жизнь въ окоченѣвшій, подъ вліяніемъ законодательства священниковъ, организмъ,—для дальнѣйшаго развитія не оставалось простора. А между тѣмъ Іеремія сдѣлалъ значительныя попытки въ этомъ направленіи; онъ (или кто-нибудь

другой его именемъ) пишетъ: «Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности, чтобы воздать каждому по пути его и по плодамъ дѣлъ его (кн. пр. Іереміи XVII, 10). Намъ даже кажется, что мы видимъ вдали мерцаніе понятія о милости Божіей, какъ полной противоположности іудейскаго ханжества, когда Іеремія горячо восклицаетъ: «Исцѣли меня, Господи,—и исцѣленъ буду, спаси меня,—и спасенъ буду» (кн. пр. Іереміи XVII, 14). А чудныя слова Deutero-Исаіи, гдѣ Богъ говоритъ: «Мои мысли—не ваши мысли, ни ваши пути—пути Мои» (кн. пр. Исаіи LV, 8), приводятъ насъ къ порогу той двери, за которой скрывается предчувствуемая нами трансцендентальная тайна, и гдѣ для индусовъ и для Христа начинается истинная религія. Какъ правъ богословъ Думъ (Duhm), когда онъ пишетъ, что составители Второзаконія и пророкъ Іезекіиль, а съ ними и все іудейство до нашихъ дней включительно стоятъ «въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ неизмѣримо ниже Іереміи» [1]).

---

[1]) Duhm, «Die Theologie der Propheten», стр. 251. Предчувствіе Іереміи о «милости Божіей» исчезло вмѣстѣ съ нимъ, чтобы никогда больше не всплывать на поверхность; даже благороднѣйшіе, даровитѣйшіе іудеи, какимъ былъ, напримѣръ, Іисусъ сынъ Сираховъ, учатъ: «Тотъ, кто знаетъ законъ—добродѣтеленъ»; Богъ сотворилъ человѣка и затѣмъ «предоставилъ его самому себѣ»; изъ этихъ положеній логично вытекаетъ ученіе о безусловной свободѣ воли, обособленной отъ всякой помощи со стороны Божіей: передъ человѣкомъ жизнь и смерть, онъ избираетъ согласно своей волѣ... «если ты хочешь, то ты можешь соблюдать законъ». Только одни іессеи составляли исключеніе: согласно историку Іосифу, они придержи-

Но я все-таки считаю болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы при общихъ семитическихъ душевныхъ свойствахъ, сказывающихся и у этихъ благороднѣйшихъ представителей еврейскаго народа, вообще могла сложиться религія въ нашемъ значеніи этого слова, и вотъ почему: всѣ приведенныя цитаты (за исключеніемъ двухъ послѣднихъ) доказываютъ, что пророки всегда противопоставляли культу мораль, а не новый или преобразованный религіозный идеалъ [1]). Еврейскіе пророки (къ нимъ же слѣдуетъ причислить и нѣкоторыхъ авторовъ псалмовъ) велики силой своей морали, а не силой своего творчества. Въ этомъ отношеніи они истые семиты, — у которыхъ воля всегда центръ ихъ индивидуальности; дѣятельность ихъ на чисто религіозномъ поприщѣ по большей части лишь реакціонная, напра-

---

вались ученія о предопредѣленіи (Iosephus, «Jüd. Altertümer», 520); но секта эта никогда не была признана и подвергалась гоненіямъ; къ ней, вѣроятно, принадлежало мало истыхъ іудеевъ; она была лишь преходящимъ явленіемъ, не имѣвшимъ вліянія.

[1]) Это относится въ еще большей степени къ позднѣйшимъ авторамъ, какъ, напримѣръ, къ Іисусу сыну Сираха; они ограничивались, собственно говоря, тѣмъ, что давали весьма мудрыя жизненныя правила, какъ-то: совѣтовали не стремиться къ богатству, а творить добрыя дѣла, не искать учености, а мудрости и т. д. (Іисусъ с. Сираха XXIX, XXX, 1 etc.). Единственная попытка іудейскаго религіознаго духа перейти на метафизическую почву, вызванная греческимъ вліяніемъ, кончилась весьма плачевно. Такъ называемый Екклезіастъ приходитъ къ заключенію, что надо заботиться лишь о сегодняшнемъ днѣ, радоваться произведеніямъ своихъ рукъ, а все остальное— суета суетъ».

вленная противъ хананейскаго культа (приписываемаго Моисею) и не дающая ничего новаго взамѣнъ послѣдняго. Но думать, что у народа можно отнять одинъ культъ, не замѣнивъ его другимъ,—признакъ не особенно глубокаго пониманія человѣческаго характера; въ такой же мѣрѣ свидѣтельствуетъ о плохомъ пониманіи религіозныхъ потребностей человѣческой души то, что пророки предполагали, будто вѣра въ Бога, съ понятіемъ о которомъ не было связано никакого опредѣленнаго представленія, который никогда и никѣмъ не былъ изображенъ, а почти исключительно проявлялъ себя въ ходѣ политическихъ событій, могла удовлетворять хотя бы самымъ скромнымъ потребностямъ фантазіи. Именно въ силу возвышеннаго образа мыслей пророковъ и благодаря ихъ пламеннымъ рѣчамъ, предъ взоромъ одного изъ сиро-семитическихъ народовъ, столь матеріалистическихъ по своему направленію и бѣдныхъ религіозными представленіями, вдругъ раскрылась въ первый разъ пропасть, отдѣляющая человѣка отъ Бога; теперь она угрожающе зіяла у ногъ его, но не было сдѣлано ни малѣйшей попытки, чтобы соединить ея противоположные другъ другу берега. А между тѣмъ, въ чемъ же и заключается сущность религіи, если не въ этомъ? Остальное либо философія, либо этика. Вотъ почему мы въ правѣ назвать греческую миѳологію религіей: она служила посредницей между человѣкомъ и божествомъ, создавая религіозные образы и вызывая представленіе о благости божества [1]). Существенное содержаніе всѣхъ религій со-

[1]) Не лишено значенія, если мы здѣсь замѣтимъ, что Сократъ несравненно глубже понималъ сущность религіозныхъ

ставляетъ идея не о Богѣ, сотворившемъ небо и землю, а о посредникѣ (Paraklet), соединяющемъ его со мною: значеніе Магомета едва ли меньше значенія самого Аллаха, а Христосъ—самъ Богъ, сошедшій на землю. И тутъ мы должны признать, что Исаія, афиширующій свои пророчества на всѣхъ перекресткахъ, Іеремія, проницательнѣйшій политикъ своего времени, Deuterо-Исаія, свѣтлый, отрадный образъ эпохи Вавилонскаго плѣна, землевладѣлецъ Амосъ, видящій въ растлѣніи правящихъ классовъ національную опасность, Осія, признающій священниковъ еще болѣе опаснымъ элементомъ, Михей, земледѣлецъ съ соціалъ-демократическими тенденціями, желающій стереть съ лица земли всѣ города (въ томъ числѣ и Іерусалимъ),—все это замѣчательные люди, въ которыхъ мы видимъ съ удивленіемъ и восторгомъ проявленіе мощной вѣры, прямодушія, благородства и жизненности израильскаго духа, какимъ онъ былъ до тѣхъ поръ, пока его не заковали въ кандалы, и уста его не были забиты заклепами, но религіозными геніями ихъ нельзя назвать ни въ какомъ случаѣ. Обладай они той силой, которой у нихъ не оказалось,—и народъ ихъ не постигла бы его горькая участь: ему не пришлось бы лить слезы, «когда онъ услышалъ слова закона».

потребностей человѣческой души; онъ также училъ, что не сама жертва, не ея цѣнность вызываетъ благоволеніе Бога, а душевное настроеніе жертвоприносителя; тѣмъ не менѣе онъ считалъ обычныя жертвоприношенія обязательными (Xenophon, «Memorabilia» I, 3). Подобнымъ же образомъ относился къ вопросу и Христосъ.

XXIV.

Раввины.

То, чего не сумѣли достичь пророки, было сдѣлано священниками и книжниками. Они установили отношенія между Богомъ и человѣкомъ при помощи вымышленной имп, но исторически обоснованной, традиціи, удержаніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ ритуала жертвоприношеній и въ особенности такъ называемымъ «закономъ»; послѣдній состоялъ изъ множества предписаній, неотступно сопровождавшихъ человѣка на каждомъ шагу его жизни изо дня въ день—зимой и лѣтомъ, весной и осенью, въ полѣ и дома, во снѣ и наяву, за трапезой и за чашей, словомъ сказать, — вездѣ и всюду. Согласно талмудическому преданію, 3,000 такихъ предписаній были забыты и утрачены навсегда въ дни печали послѣ смерти Моисея [1]); это даетъ намъ понятіе о характерѣ «закона». Несомнѣнной цѣлью его было — постоянно поддерживать въ іудеяхъ мысль о Богѣ, а также о томъ, что они избранный народъ съ великимъ будущимъ. Подобную цѣль нельзя назвать неблагородной,—съ этимъ долженъ согласиться всякій безпристрастный человѣкъ. Возможно также, что слѣдствіемъ такого драконовскаго режима была болѣе нравственная, въ формальномъ значеніи этого слова, жизнь, и что тысячи наивныхъ людей были счастливы и довольны, посвящая себя соблюденію и исполненію «закона». И тѣмъ не менѣе то, что совер-

[1]) Talmud, Traktat Themura, fol. 16a, по Wünsche.

шилось здѣсь, было насильственнымъ и противуестественнымъ актомъ; ибо противуестественно задерживать каждый шагъ человѣка; противуестественно изводить цѣлый народъ всевозможными изощреніями, придуманными кастой священниковъ [1]), и лишать его всякой здоровой, свободной духовной пищи; противуестественно проповѣдывать, какъ основу нравственныхъ отношеній къ ближнимъ, высокомѣріе, ненависть и отчужденность отъ нихъ; наконецъ, противуестественно переносить всѣ помыслы и стремленія человѣка изъ настоящаго въ будущее. Съ цѣлью основать іудейство, сперва предали религію закланію, а затѣмъ сдѣлали изъ нея мумію.

Амвросій восхваляетъ въ іудейскомъ религіозномъ ученіи въ особенности «подчиненіе чувства разуму». Слово «разумъ» выбрано имъ здѣсь, быть можетъ, не совсѣмъ удачно: «волѣ»—было бы правильнѣе; но что̀ касается до подчиненности чувства, то онъ совершенно правъ; при этомъ онъ здѣсь высказываетъ въ простой формѣ истину столь многозначительную, что слова его дѣлаютъ излишними подробныя разсужденія съ моей стороны. Но кто желаетъ знать, къ чему приводитъ такая подчиненность чувства въ области религіи, тотъ пусть изучитъ исторію раввиновъ и попытается прочесть хоть нѣкоторые отрывки изъ Талмуда. Онъ встрѣтитъ тамъ

---

[1]) По свидѣтельству современнаго еврея Рубенса (Rubens, «Der alte und der neue Glaube», Zürich, 1878, стр. 79), еврею, строго соблюдающему всѣ предписанія «закона», «необходимо посвящать исполненію всѣхъ религіозныхъ обрядовъ почти полъдня». Равви Chanania ben Akasiah говоритъ, что Богъ хотѣлъ дать Израилю возможность проявить свои заслуги; вотъ почему Онъ обременилъ его предписаніями и постановленіями.

образы нѣсколькихъ благородныхъ раввиновъ и найдетъ въ Талмудѣ больше достойныхъ похвалы правилъ, относящихся къ торговымъ операціямъ, чѣмъ, быть можетъ, ожидаетъ (въ особенности въ отдѣлѣ: «Traktat Pirke Aboth», то есть—«изреченія отцовъ»); но во всей всемірной литературѣ не найдется второго сочиненія столь безнадежно сухого, ребячески скучнаго и совершенно безплоднаго, — какъ бы занесеннаго сыпучими песками пустыни, — какъ этотъ сборникъ наимудрѣйшихъ разсужденій іудеевъ, предметомъ которыхъ въ продолженіе многихъ вѣковъ служила Тора [1]). И это пошлое произве-

---

[1]) Примѣры поучительнѣе мнѣній. Въ Талмудѣ сказано: по поводу вѣры во всемогущество Божіе: «Равви Іанаи до такой степени боялся насѣкомыхъ, что ставилъ четыре сосуда съ водой подъ ножки своей кровати. Однажды онъ протянулъ руку и нашелъ въ своей постели насѣкомое; тогда онъ сказалъ, ссылаясь на псаломъ CXV, 6: «Составьте кровать съ сосудовъ—я уповаю на защиту Божію» (Trakt. Terumoth VIII, 3, 30a). Примѣръ библейской экзегетики: «Равви Израиль училъ: «Въ книгѣ Левитъ XIV, 9 сказано: «Въ седьмой день обрѣетъ (излечившійся отъ проказы) всѣ волосы свои, голову свою, бороду свою, брови глазъ своихъ, всѣ волосы свои обрѣетъ». Всѣ волосы—это понятіе общее; голову свою, бороду свою и брови глазъ своихъ — понятія частныя, а всѣ свои волосы — опять общее понятіе. При указаніи на общее, на частное и опять на общее понятія норма гласитъ, что ты можешь имѣть въ виду лишь то, что̀ схоже съ частнымъ понятіемъ, то есть: какъ въ данномъ случаѣ частное понятіе относится къ части тѣла, поросшей волосами, то и общее понятіе должно обнимать собою лишь части организма, покрытыя волосами» (Trakt. Kidduschin I, 2, 9a). По поводу закона: «Равви Пинхасъ пришелъ въ мѣстность, гдѣ населеніе жаловалось, что мыши поѣдаютъ его хлѣбъ. Онъ пріучилъ мы-

деніе считалось у позднѣйшихъ іудеевъ болѣе священнымъ, чѣмъ Библія (Traktat Pea II, 5)!

шей повиноваться своему зову; онѣ собрались вокругъ него и начали пищать. «Понимаете ли вы», спросилъ равви Пинхасъ, обращаясь къ людямъ, «что онѣ говорятъ?»—Нѣтъ! отвѣтили они. «Онѣ говорятъ, что вы не умѣете удесятерить своего хлѣба». Тогда люди сказали:—«Мы обязаны тебѣ тѣмъ, что ты наставилъ насъ на истинный путь».—Съ тѣхъ поръ мыши уже больше не наносили имъ ущерба» (Traktat Demai I, 3, 3b). По поводу познанія природы: «По мнѣнію равви Іуды, толща неба равна пути, совершаемому пѣшеходомъ въ 50 лѣтъ; а такъ какъ человѣкъ среднихъ силъ можетъ пройти въ день 40 mil (?), а въ то время, когда солнце совершаетъ свой путь черезъ толщу неба—4 mil, то изъ этого слѣдуетъ, что время прохода солнца черезъ небесный слой составляетъ 10-ую часть дня. Но какова толща неба, такова и толща земли, и такова же глубина пропасти». Доказательство это (!) взято изъ кн. Исаіи XL, 20, кн. Іова XXII, 14 и Притчъ Соломона VIII, 27 (Traktat Berachoth I, 4b).—По поводу обыденной жизни: «Равви bar-Huna не завтракалъ, не отведя своего ребенка въ школу» (Traktat Kiddu-schin отд. I).—Съ другой стороны надо указать и на то, что среди всего этого талмудическаго хлама встрѣчаются и нѣкоторыя прекрасныя изреченія, но необходимо присовокупить, что они относятся исключительно къ вопросамъ морали: глубокихъ мыслей въ этомъ сборникѣ нѣтъ или, вѣрнѣе сказать, въ немъ вообще нѣтъ ничего сколько-нибудь похожаго на мысль. Да и прекрасныя нравственныя изреченія слишкомъ часто напоминаютъ стихотворенія Гейне: конецъ ихъ портитъ начало. Вотъ примѣръ: «Пусть человѣкъ стремится къ тому, чтобы его мирныя отношенія къ братьямъ, другимъ родственникамъ и всѣмъ людямъ вообще,—даже къ чужеземцу на большой дорогѣ,—росли и крѣпли». До этого мѣста совѣты такъ хороши, что ни одинъ проповѣдникъ не могъ бы преподать лучшихъ съ каѳедры; но когда требуется обосновать сказанное, то мотивировка обыкновенно хромаетъ у евреевъ. Дальше говорится: «дабы быть угоднымъ наверху и

Они дерзали говорить: «Слова старѣйшинъ важнѣе словъ пророковъ» (Traktat Berachoth I, 4). Такъ вѣрно

пріятнымъ внизу» (Traktat Berachoth, fol. 17a). Или въ другомъ мѣстѣ мы съ удовольствіемъ читаемъ: «Пусть человѣкъ дорожитъ честью своей жены, такъ какъ благословеніе сказывается на домѣ его лишь благодаря его женѣ».—Хотя это и не совсѣмъ вѣрно, однако слова эти свидѣтельствуютъ объ образѣ мыслей, производящемъ хорошее впечатлѣніе; но заключеніе и здѣсь портитъ все дѣло: «чтите своихъ женъ, чтобы достичь богатства»! (Trakt. Baba Mezia, fol. 59a). Но нельзя умолчать также о томъ, что рядомъ съ прекрасными нравственными изреченіями въ Талмудѣ есть и мерзкія и даже прямо отвратительныя; такъ, напримѣръ, тамъ говорится, что еврей не можетъ преступить съ не-еврейкой 6-ой (по правосл. катехизису 7-ой) заповѣди: «потому что у язычниковъ нѣтъ законныхъ женъ, это не ихъ истинныя супруги» (Traktat Sanhedrin, л. 52b и 82a). Я нарочно привожу только одинъ примѣръ, чтобы дать читателю возможность познакомиться съ тономъ—и только; этого достаточно: ab uno disce omnes. Хотя и есть раввины, которые стараются опровергнуть это возмутительное ученіе (тутъ же въ Талмудѣ), но тамъ, гдѣ раввины расходятся въ мнѣніяхъ, еврею предоставлено право свободнаго выбора, и никакая казуистика не въ состояніи уничтожить факта, что принципіальное презрѣніе къ людямъ не-еврейскаго происхожденія—одинъ изъ краеугольныхъ камней іудейской вѣры; оно является прямымъ слѣдствіемъ безумно преувеличенной оцѣнки личнаго «Я».—«Вы—боги», говоритъ Іегова евреямъ (Псал. LXXXI, 6). Толкованіе остальныхъ заповѣдей также доказываетъ, что понятіе о нравственности лишь скользнуло по поверхности этихъ семито-хеттеевъ. Такъ, наприм., раввины учатъ (Sanhedrin, л. 86a): «Слова 7-ой заповѣди (по правосл. катехизису—8-ой) «не укради» относятся, согласно Писанію, лишь къ похищенію людей» (!),—а такъ какъ другая цитата, приводимая болѣе нравственными книжниками и взятая изъ кн. Левитъ XIX, 11—«не крадите», относится исключительно къ іудеямъ:—«не обманывайте другъ

направилъ ихъ новый завѣтъ на дорогу къ неминуемому религіозному упадку. Въ «Безбрежномъ морѣ» — какъ

друга», то и здѣсь опять простая этическая заповѣдь утопаетъ въ концѣ концовъ въ цѣломъ океанѣ казуистическихъ разсужденій; правда, Талмудъ (насколько я могу судить по оказавшимся доступными мнѣ отрывкамъ) нигдѣ не учитъ: тебѣ разрѣшается обкрадывать иноплеменника; но онъ и нигдѣ не говоритъ обратнаго. —Ужасны также въ Талмудѣ безчисленныя предписанія, касающіяся преслѣдованія и истребленія іудеевъ-отступниковъ отъ истинной вѣры. Таковы указанія, какъ должны быть побиты камнями единичныя личности и преданы мечу массы людей; а еще ужаснѣе описанія пытокъ и казней, о которыхъ эта столь же отвратительная, сколь и пошлая книга распространяется съ удовольствіемъ. И здѣсь—всего одинъ примѣръ: «Преступника закапываютъ по колѣна въ навозъ, затѣмъ завертываютъ жесткій платокъ въ мягкій и этимъ жгутомъ завязываютъ ему горло; одинъ изъ свидѣтелей тянетъ за одинъ конецъ платка, второй—за другой до тѣхъ поръ, пока преступникъ не откроетъ рта. Тѣмъ временемъ держатъ на-готовѣ расплавленный свинецъ, который вливаютъ ему въ ротъ, такъ что металлъ, проникая въ кишки, обжигаетъ ихъ» (Sanhedrin, л. 52a). По этому поводу затѣмъ въ Талмудѣ ведутся ученыя бесѣды; такъ, напримѣръ, выдающійся своимъ благочестіемъ равви Іехуда высказываетъ мнѣніе, что было бы цѣлесообразнѣе открывать бѣдному подсудимому ротъ щипцами и вливать ему свинецъ въ ротъ по возможности быстрѣе, чтобы онъ не могъ умереть раньше отъ удушенія, и въ такомъ случаѣ его душа не сгорѣла вмѣстѣ съ тѣломъ!—Вотъ къ чему приводитъ «подчиненіе чувства разуму»! До сихъ поръ все еще не существуетъ полнаго перевода Талмуда на нѣмецкій языкъ. Многіе изъ этого вывели заключеніе, что онъ должно быть содержитъ ужасныя вещи по адресу «гоевъ» и угрожаетъ ихъ безопасности; увѣряютъ, что евреи, которые до сихъ поръ препятствуютъ переводу Талмуда безъ пропусковъ, умѣютъ помѣшать всякой попыткѣ въ этомъ направленіи. Евреи чувствуютъ себя очень польщенными этими подозрѣніями. Историкъ Грецъ

іудеи сами называютъ Вавилонскій Талмудъ,—навсегда затонули ихъ благороднѣйшія религіозныя душевныя движенія [1]).

дѣйствительно возстаетъ противъ тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые разоблачаютъ «передъ глазами христіанъ слабыя стороны іудейства», и намекаетъ на ужасы, скрытые въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ испанскихъ евреевъ, въ которыхъ будто бы слабыя стороны христіанскаго символа вѣры и таинствъ разоблачены до такой очевидности, что тамъ, гдѣ христіанская религія является господствующей, нельзя рисковать изложить ихъ содержаніе» (III, 8). Однако, мы не настолько невинны и слабы, чтобы бояться такихъ «разоблаченій»; они насъ нисколько не смущаютъ; если евреи скрытничаютъ со своими литературными произведеніями, то это ихъ дѣло; но трусливая подозрительность здѣсь неумѣстна: дѣло просто сводится къ понятному чувству совѣстливости съ ихъ стороны. Всѣ вышеприведенныя цитаты взяты изъ единственно заслуживающаго довѣрія перевода д-ра Aug. Wünsche, «Der jerusalemische Talmud», Zürich, 1880, «Der babylonische Talmud», Leipzig, 1886—1889; онъ пересмотрѣнъ и провѣренъ двумя раввинами; только цитата о Rabbi bar-Huna заимствована изъ сборника талмудическихъ изреченій, изданнаго Seligmann Grünwald'омъ, «Jüdische Universal-Bibliothek». Сравни, впрочемъ, съ Strack, «Einleitung in den Talmud». № 2 «Die Schriften des Institutum Judaicum in Berlin», гдѣ, между прочимъ, можно найти перечень всѣхъ безъ исключенія переведенныхъ на нѣмецкій языкъ отрывковъ Талмуда (стр. 106 и слѣд.). Гораздо яснѣе изложено, при менѣе ученыхъ пріемахъ, прибавленіе «О Талмудѣ» къ превосходному маленькому сочиненію William Rubens'a «Der alte und der neue Glaube in Judentum», 1878.

[1]) Еще въ настоящее время всякій вѣрующій еврей считаетъ предписанія раввиновъ божественными и придерживается талмудическаго тезиса, который гласитъ: «Если раввины назовутъ правую руку лѣвой, а лѣвую—правой, то ты обязанъ

XXV.

Мессіанство.

Все упомянутое нами до сихъ поръ представляетъ до извѣстной степени лишь однѣ отрицательныя стороны факторовъ, дѣйствовавшихъ при основаніи іудейства. Священники обратили въ мертвый законъ прекрасное наслѣдіе, оставленное іудеямъ отцами, а именно: наивныя, жизнерадостныя воспоминанія прошлаго и народныя сказанія еврейскихъ племенъ, эффектный культъ хананеянъ, а также нравы и обычаи, сложившіеся подъ сумеро-аккадійскимъ вліяніемъ и бывшіе общимъ достояніемъ всѣхъ западно-азіатскихъ народовъ. Все это замерло. Они при помощи колдовства [1]) обратили живую жизненную струю въ холодный металлъ и выковали изъ него для своего народа тиски — нѣчто въ родѣ Нюрнбергской желѣзной дѣвы [2]); они парализовали біеніе пульса его непосредственныхъ душевныхъ движеній

вѣрить этому» (См. книгу антираввиниста-еврея д-ра William Rubens'a, вышеназв. соч., стр. 79). Близкое сродство между іудействомъ и іезуитизмомъ здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, бросается въ глаза.

[1]) Извѣстно, что «кабалистика» — еврейское слово и порожденіе еврейскаго духа. Свойственныя всѣмъ людямъ душевныя движенія, приводящія насъ къ мистикѣ, толкаютъ семита къ увлеченію колдовствомъ. Вездѣ и всюду у него обнаруживается преобладаніе слѣпой воли!

[2]) Die eiserne Jungfrau zu Nürnberg—средневѣковой инструментъ пытки. Примѣч. переводчика.

или, какъ говоритъ Амвросій, — «чувства», и его инстинктивнаго творчества, которыми обусловливается даръ приспособлять вѣру, нравы и мышленіе къ вѣяніямъ новаго времени и воплощать неувядаемую старую истину въ новые жизненные образы. Но дѣло ихъ рукъ оказалось бы тщетнымъ, если бы они остановились на полъ-дорогѣ и удовольствовались этими отрицательными результатами. Когда, при физіологическихъ опытахъ, прерываютъ связь между мозгомъ и сердцемъ, то является необходимость въ примѣненіи искусственнаго дыханія, иначе жизненныя отправленія организма останавливаются; то же сдѣлали священники—основатели новой религіи—введеніемъ понятія о будущемъ царствѣ Мессіи.

Нечего говорить о томъ, что матеріалистическое міровоззрѣніе обусловливаетъ историческій взглядъ на вещи и что, кромѣ того, историческая основа религіознаго ученія требуетъ, чтобы послѣднее обнимало не только прошлое и настоящее, но и будущее. Поэтому мечты о грядущемъ несомнѣнно входили съ наидревнѣйшихъ временъ въ составъ наслѣдства, полученнаго евреями. Но какія это были скромныя, естественныя и не выходившія изъ предѣловъ возможности и дѣйствительности надежды! Іегова обѣщалъ даровать израильтянамъ лишь одинъ Ханаанъ; вѣдь самъ онъ былъ Богомъ одного только Ханаана. Не взирая на частыя неизбѣжныя распри съ сосѣдями, колѣно Іудино, подобно остальнымъ израильскимъ колѣнамъ, жило, вообще говоря, въ мирѣ и согласіи съ окружавшими его племенами вплоть до Вавилонскаго плѣна: выселяясь изъ страны и иммигрируя въ нее (см. кн. Руѳь), считали

естественнымъ поклоняться Богу той страны, въ которой поселялись (кн. Руѳь I, 15, 16). Національное высокомѣріе евреевъ тогда не превышало того же чувства у нѣмцевъ или французовъ нашего времени. Правда, будущее получило болѣе яркую окраску у пророковъ, сообразно съ остальными идеями, составлявшими предметъ ихъ пропаганды; на это въ особенности вліяло въ высшей степени опасное политическое положеніе страны[1]) (такъ какъ пророки появлялись лишь въ эпохи политическихъ кризисовъ, а не въ тихія, мирныя времена); фономъ къ ихъ нравственнымъ увѣщаніямъ и всевозможнымъ наказаніямъ, которыми они угрожали отступникамъ, составлявшимъ почти все содержаніе ихъ проповѣдей, служила яркая картина всѣхъ благъ, выпадающихъ на долю благочестиваго и богобоязненнаго народа; но о всемірномъ господствѣ и тому подобныхъ мечтахъ въ неподдѣльныхъ сочиненіяхъ пророковъ эпохи, предшествовавшей Вавилонскому плѣну, нигдѣ нѣтъ и рѣчи. Даже пр. Исаія (XXXIII, 5, 6) идетъ не дальше утвержденія, что Іерусалимъ неприступенъ, и что враги его понесутъ тяжелую кару; затѣмъ — Господь «наполнитъ Сіонъ судомъ и правдою; настанутъ безопасныя времена твои, изобиліе спасенія, мудрости и вѣдѣнія; страхъ Господень будетъ сокровищемъ твоимъ». Какъ особенное благословеніе Божіе, великому пророку грезится, что тогда не будетъ больше книжниковъ[2])! Я могу сослаться

---

[1]) Wellhausen, по Montefiore, стр. 154.

[2]) См., напр., кн. пр. Исаіи XXXIII, 5, 6.

на высшій изъ современныхъ авторитетовъ по этимъ вопросамъ, утверждая безусловно, что идея объ особенной святости іудейскаго народа была именно идея, лежащая въ основѣ іудейской религіи [1]), то есть совершенно чужда пр. Исаіи. Всѣ мѣста, въ которыхъ говорится о ней, какъ напримѣръ въ гл. IV, 3: «Оставшіеся въ Сіонѣ и уцѣлѣвшіе въ Іерусалимѣ будутъ именоваться святыми», или въ гл. LXII, 12: «И назовутъ ихъ народомъ святымъ» и т. д., какъ несомнѣнно доказано,— позднѣйшія вноски, то есть онѣ дѣло рукъ вышеупомянутой «Великой Синагоги». Языкъ, которымъ онѣ написаны, свидѣтельствуетъ о послѣдующихъ столѣтіяхъ, когда древне-еврейское нарѣчіе уже было забыто; онъ-то и выдалъ благочестивый подлогъ. Въ такой же мѣрѣ подложны и почти всѣ «утѣшительныя дополненія», встрѣчающіяся у Амоса, Осіи, Михея, Исаіи и др. послѣ ихъ грозныхъ призывовъ къ покаянію [2]); и окончательной поддѣлкой съ перваго слова и до послѣдняго надо считать такія главы, какъ, напримѣръ, гл. LX кн. пророка Исаіи, — это знаменитое мессіанское пророчество, согласно которому всѣ цари другихъ народовъ будутъ лежать передъ іудеями во прахѣ, а врата Іерусалима будутъ открыты день и ночь, чтобы сокровища народовъ всего свѣта были вносимы ими туда. Истинный Исаія обѣщалъ своему народу, какъ награду, — «мудрость и знаніе»; еще болѣе великій пророкъ—Deutero-Исаія (отрицавшій значеніе какъ жертвъ, такъ и хра-

---

[1]) Cheyne: «Introduction to Isaiah», 1895, стр. 27 и 53.

[2]) Cheyne, въ его введеніи къ Robertson Smith'овскому «Prophets of Israel», стр. XV и слѣд.

мовъ) мечталъ, какъ о высшемъ счастьѣ для іудейскаго народа, что онъ будетъ «рабомъ Божіимъ», призваннымъ утѣшать обремененныхъ, слѣпыхъ, бѣдныхъ и угнетенныхъ. Теперь же все это измѣнилось: отнынѣ угрожали проклятіемъ Божіимъ тѣмъ, кто осмѣлится утверждать: «Вотъ и домъ Іудинъ, какъ всѣ народы» (кн. пр. Іезекіиля XXV, 8), ибо «Вы будете у Меня царствомъ священниковъ» (Исходъ XIX, 6) [1]; іудеямъ были обѣщаны — всемірное владычество и всѣ сокровища міра, въ особенности — все золото и все серебро [2]). «И народъ твой... навѣки наслѣдуетъ землю» (кн. пр. Исаіи LX, 21)—вотъ будущность, которою, начиная съ этого времени, прельщаютъ іудея. Ему повелѣваютъ смиренно преклониться передъ Богомъ; но это не то смиреніе, о которомъ говоритъ Христосъ: онъ преклоняетъ главу передъ Іеговой, потому что ему обѣщано, что подъ этимъ условіемъ онъ покоритъ себѣ подъ ноги и низвергнетъ въ прахъ всѣ народы на земной поверхности и сдѣлается владыкой міра [3]). Уже въ одномъ этомъ основномъ положеніи іудейской религіи кроется

---

[1]) Что этотъ текстъ (Исходъ XIX, 3—9) вноска, вставленная уже послѣ появленія Второзаконія, доказано Wellhausen'омъ «Composition des Hexateuchs», стр. 93; ср. также стр. 97.

[2]) Кн. пр. Исаіи, вся XX глава. См. также книгу пр. Аггея, написанную въ эпоху, послѣдовавшую послѣ Вавилонскаго плѣна; этотъ пророкъ обѣщаетъ іудеямъ сокровища всѣхъ язычниковъ, ибо: «Мое серебро и Мое золото, говоритъ Господь Саваоѳъ» (кн. пр. Аггея II, 8).

[3]) Нелѣпость предположенія, что эта религія—корень, изъ котораго выросло христіанство, и что послѣднее является ея

преступное покушеніе на существованіе всѣхъ другихъ народовъ; нельзя отрицать это преступленіе въ силу того, что до сихъ поръ еврейскій народъ былъ лишенъ власти, чтобы достигнуть этого: это желаніе само по себѣ преступно и отравляетъ душу іудея [1]). Къ непонятымъ и намѣренно искаженнымъ пророчествамъ присоединились еще другія мечты о будущемъ, но и здѣсь дѣло обстояло не лучше. Во время Вавилонскаго плѣна евреи впервые услышали отъ персовъ смутные намеки на без-

---

расцвѣтомъ, должна бросаться въ глаза даже самому пристрастному человѣку.

[1]) Іудейскіе апологеты выражаютъ, что они повинуются закону не «потому», что видятъ въ этомъ средство для достиженія власти, а въ силу обѣта Іеговы, что послѣдній даруетъ евреямъ, какъ своему народу, весь міръ, и это сдѣлается не ради нихъ, а съ цѣлью возвѣстить о собственной славѣ. Но, на мой взглядъ, это очевидная подтасовка, не заслуживающая возраженія. Монтефіоре, авторъ, достойный полнаго довѣрія, говоритъ буквально: «Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что главный мотивъ, лежащій въ основѣ Второзаконія, слѣдующій: Повинуйся закону, потому что тебѣ за это воздастся» (вышеназв. его соч., стр. 531). Что среди евреевъ много благочестивыхъ людей, соблюдающихъ законъ и ведущихъ праведную жизнь и не думающихъ при этомъ о наградѣ, это лишь доказываетъ, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, этика и религія расходятся, и что всюду въ свѣтѣ есть люди, которые несравненно лучше исповѣдуемой ими вѣры. Но еще и въ настоящее время довольно либеральные евреи говорятъ: «Существованіе іудейства обусловливается твердой вѣрой въ пришествіе Мессіи». Итакъ, непоколебимая надежда на всемірное владычество все еще воодушевляетъ іудейство.

смертіе души и на будущую жизнь; они узнали также сказанія объ ангелахъ и діаволѣ, о царствіи небесномъ и объ адѣ [1]). Тогда на этой почвѣ расцвѣла обширнѣйшая апокалипсическая литература (образцомъ которой можетъ служить, но съ еще слишкомъ хорошей стороны, не взирая на свою безсмысленную таинственность,— книга пророка Даніила); предметомъ ея служили: конецъ міра, воскресеніе праведныхъ и т. д.; но это нисколько не повліяло существеннымъ образомъ на идеализацію надежды на пришествіе Мессіи; въ лучшемъ случаѣ дѣло касалось вопроса о воскресеніи плоти. Ученіе это имѣло цѣлью поддержать вѣру въ шаткое обѣщаніе: «теперь ты обязанъ исполнять законъ; потомъ ты получишь свою награду» (Talmud, Traktat Erubin отд. 2); это іудейское «царство Божіе», по увѣренію Саади, одного изъ самыхъ выдающихся еврейскихъ мыслителей X-го столѣтія, «осуществится на землѣ». Цитаты изъ Апокалипсиса Баруха на страницѣ 141 свидѣтельствуютъ о представленіи, которое сложилось у евреевъ объ этой будущей жизни; она отличалась отъ теперешней почти исключительно однимъ всемірнымъ владычествомъ еврейской націи. Интересно, что это воззрѣніе оставило случайный слѣдъ даже въ Новомъ Завѣтѣ. Такъ, согласно Евангелію отъ Матѳея, двѣнадцать апостоловъ «сядутъ на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ», что, безъ

---

[1]) О непосредственномъ заимствованіи представленій у Зороастра (понятыхъ только наполовину) основателями іудейства см. Montefiore, «Religion of the ancient Hebrews» стр. 373, 429, 453 etc.

сомнѣнія, указываетъ на убѣжденіе, что въ царствіе небесное будутъ приняты лишь одни іудеи [1]).

Такимъ образомъ, вымышленное и совершенно поддѣльное прошлое дополняется столь же вымышленнымъ и утопическимъ будущимъ, и, не взирая на матеріалистическій характеръ своей религіи, іудей витаетъ въ пространствѣ между мечтами и призраками. Миражи прародительской пустыни продолжаютъ очаровывать полусемита и сулятъ ему, какъ вознагражденіе за его трагическую судьбу, отраду въ будущемъ; это утѣшеніе эфемерное, безсодержательное и обманчивое, но для мощной воли, называемой вѣрой, оно обращается въ жизненную силу, часто угрожающую другимъ племенамъ великой опасностью. Здѣсь торжество идеи проявляется ужасающимъ образомъ: въ хорошо одаренномъ, хотя и не выдающемся ни въ физическомъ, ни въ духовномъ отношеніи народѣ она создаетъ заблужденіе о какомъ-то его избранничествѣ и объ особенной угодности Богу, рисуетъ ему картины безпримѣрнаго будущаго, обособляетъ его въ безумномъ высокомѣріи отъ всѣхъ другихъ націй земного шара, навязываетъ ему

---

[1]) Ев. отъ Матѳ. XIX, 28 и ев. отъ Луки XXII, 30. Приписанныя здѣсь Христу слова прямо противорѣчатъ тому, что Онъ говоритъ въ еванг. отъ Матѳ. XX, 23. Чисто раввинская черта сказывается и въ упорномъ упоминаніи 12 колѣнъ Израиля, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ существовало уже цѣлыхъ 500 лѣтъ всего только два. Раввины же особенно настаиваютъ въ своемъ ученіи, что «всѣ люди не іудейскаго происхожденія исключены отъ причастности къ будущей жизни» (Ср. Laible, «Jesus Christus und Talmud», стр. 53).

какъ бы данный Богомъ мертвый, неразумный и на практикѣ неисполнимый законъ, питаетъ его вымышленными воспоминаніями и усыпляетъ его преступными надеждами. И въ то время, какъ эта идея, такимъ образомъ, возноситъ еврейскій народъ въ его воображеніи на головокружительную высоту Вавилонской башни, дѣйствительность унижаетъ его психически такъ глубоко, тяготѣетъ на лучшихъ его душевныхъ способностяхъ съ такой силой, до такой степени обособляетъ его отъ всего страждущаго, стремящагося и трудящагося человѣчества, такъ безнадежно заковываетъ его въ созданныя имъ же злосчастныя навязчивыя идеи, столь очевидно обращаетъ его во всѣхъ его проявленіяхъ (начиная съ крайней правовѣрности и кончая абсолютнѣйшимъ свободомысліемъ) въ явнаго или тайнаго врага всѣхъ другихъ людей и въ угрожающую опасность для всякой культуры, что онъ всюду и во всѣ времена внушалъ высокоодареннымъ избранникамъ человѣчества глубочайшее недовѣріе, а вѣрному, чуткому народному инстинкту — отвращеніе. Я только что сказалъ, что здѣсь правовѣріе и свободомысліе для насъ одинаково опасны. И дѣйствительно: въ настоящее время важно не то, во что̀ вѣритъ еврей, а то, во что̀ онъ *можетъ* вѣрить, во что̀ онъ *способенъ* вѣрить (если читатель согласенъ допустить также противорѣчащее общему мнѣнію противопоставленіе). Интеллектуальное дарованіе и нравственность индивидуальны; еврей, какъ и всѣ другіе люди, либо уменъ, либо глупъ; либо добръ, либо золъ; но «les plis de la pensée», какъ говорятъ французы, прирожденный складъ души, на-

правленіе, даваемое имъ мысли и дѣйствіямъ, извѣстный духовный обликъ, порождаемый привычкой и передаваемый изъ поколѣнія въ поколѣніе, — вотъ что̀ не индивидуально [1]). Вслѣдствіе этого мы видимъ евреевъ-атеистовъ самаго современнѣйшаго направленія, проявляющихъ склонность принимать нелѣпыя гипотезы или чисто вспомогательныя теоріи, къ которымъ приходится прибѣгать наукѣ, за дѣйствительные, голые факты; отличающихся неспособностью стать выше самой ограниченной исторической точки зрѣнія; обнаруживающихъ талантъ создавать самые несбыточные соціальные и экономическіе планы будущаго, оставаясь при этомъ совершенно равнодушными къ вопросу, не погубятъ ли они попутно пріобрѣтенныя нами съ такимъ трудомъ цивилизацію и культуру своей ребяческой вѣрой въ постановленія и законы, которыми, будто бы, можно переродить народную душу въ одно мгновеніе, и поражающихъ своимъ крайнимъ непониманіемъ всего дѣйствительно великаго, возвышеннаго, выходящаго изъ предѣловъ ихъ узкаго умственнаго кругозора, а также преувеличенной до смѣшного оцѣнкой всякаго безконечно-малаго интеллектуальнаго труда, если только авторъ его еврей. Мы видимъ, такимъ образомъ, что эти мнимые вольнодумцы сплошь и ря-

---

[1]) Если считать на каждое поколѣніе по 24 года (цифра эта оправдывается раннею возмужалостью еврея), то теперешняго іудея отъ возвратившихся изъ Вавилонскаго плѣна евреевъ, а слѣдовательно и отъ возникновенія іудейства, отдѣляетъ 100 поколѣній. Это, конечно, относится лишь къ мужской линіи: женскихъ поколѣній по прямой линіи слѣдуетъ считать 150.

домъ оказываются въ несравненно бо̀льшей степени истинными и поразительными продуктами неподдѣльной религіи Торы и Талмуда, чѣмъ какой-нибудь набожный раввинъ, проявляющій высокія добродѣтели смиренія и вѣрности своему закону въ связи съ любовью къ ближнему, самоотверженнымъ служеніемъ бѣднымъ, терпимостью къ исповѣдникамъ другихъ религій и живущій такъ, что могъ бы быть красой всякаго народа и столбомъ любой вѣры.

XXVI.

Законъ.

Мною уже было указано въ одной изъ предыдущихъ главъ, что̀ именно придавало специфическо - іудейскому воззрѣнію на жизнь величіе вопреки всему изложенному. Если даже согласиться съ мнѣніемъ Робертсона Смита, что при столь знаменательной по своимъ послѣдствіямъ централизаціи культа исключительно въ Іерусалимѣ имѣли значеніе чисто матеріальные интересы касты высшаго духовенства и ея политическое честолюбіе [1]), то я всетаки убѣжденъ въ томъ, что непроницательные критическіе умы всегда придаютъ такимъ обстоятельствамъ слишкомъ большой вѣсъ. Одного лишь чистаго эгоистическаго расчета мало, чтобы создать націю, способную пережить свое разсѣяніе по поверхности всего земного

[1]) Robertson Smith, «Prophets of Israel», стр. 365.

шара; такое предположеніе — плодъ недомыслія [1]). Къ тому же мы не видимъ, чтобы Іезекіиль, Ездра и Неемія, на которыхъ лежала вся тяжесть отвѣтственности и которымъ грозила наибольшая опасность, достигли какихъ-нибудь личныхъ выгодъ. Чтобы промѣнять Вавилонъ на Іерусалимъ, нужна была уже извѣстная доля идеализма; іудеи, дорожившіе своими удобствами и съ болѣе свѣтскимъ направленіемъ, предпочли остаться въ столицѣ на берегахъ Евфрата. И впослѣдствіи еврею всюду жилось лучше, чѣмъ на родинѣ; а раввинъ, зарабатывавшій себѣ скудный кусокъ хлѣба сапожнымъ или портняжнымъ ремесломъ, чтобы затѣмъ посвящать часы своего досуга изученію Св. Писанія, обученію другихъ и религіознымъ диспутамъ, былъ всѣмъ, что̀ угодно, только не поборникомъ личныхъ матеріальныхъ интересовъ. Онъ дѣйствительно былъ эгоистомъ,—бѣшенымъ эгоистомъ,—но объектомъ этого эгоизма былъ не лично онъ, а весь его народъ. Слѣдовательно, и здѣсь, какъ всюду, одинъ лишь идеализмъ является силой творческой и поддерживающей, такъ что даже религія матеріализма зиждется на немъ. Эти люди совершили подлогъ,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, а поддѣлывать исторію въ нѣкоторомъ смыслѣ еще преступнѣе, чѣмъ поддѣлывать векселя, такъ какъ послѣдствія этого могутъ имѣть неизмѣри-

[1]) Дѣйствительно, классическій примѣръ такого якобы критическаго, но въ сущности—антикритическаго и лишеннаго вдумчивости направленія являетъ изъ себя трудъ проф. Oldenberg'a «Religion des Veda», въ которомъ символизмъ и мистика индусовъ представлены всецѣло, какъ орудіе обмана въ рукахъ жрецовъ!

*

мое значеніе: милліоны людей, пролившіе свою кровь за христіанство [1]), а также множество евреевъ, погибшихъ за свою вѣру, — все жертвы подлога Ездры и Великой Синагоги; но чистоту мотивовъ этихъ людей мы не въ правѣ заподозрѣть. Они дѣйствовали, побуждаемые къ тому глубочайшимъ отчаяніемъ; они стремились къ осуществленію невозможнаго: къ спасенію своей націи отъ гибели. Это была несомнѣнно благородная цѣль; одержать побѣду можно было лишь примѣненіемъ самыхъ крайнихъ мѣръ; они дѣйствовали подъ вліяніемъ заблужденія, но далеко не изъ подлости, ибо первой ихъ цѣлью было служить своему Богу: «Я соберу домъ Израилевъ... и явлю святость Мою предъ глазами племенъ» (кн. прор. Іезекіиля XXVIII, 25); «Этотъ народъ Я образовалъ для Себя; онъ будетъ возвѣщать славу Мою» (кн. пр. Исаіи XLIII, 21),—вноска эпохи, слѣдовавшей за Вавилонскимъ плѣномъ). Исчезни іудейскій народъ,—и славѣ Іеговы пришелъ бы конецъ. Основателямъ іудейства источникомъ силы служили чистота и самоотверженіе ихъ помысловъ, а также то, что взоры ихъ были обращены къ Богу. Мысль изолировать націю путемъ строгаго запрещенія смѣшанныхъ браковъ и обратить израильтянъ, вышедшихъ изъ племенной помѣси самыхъ разнородныхъ элементовъ, въ благородную чистокровную расу, можетъ быть названа истинно-геніальной идеей; то же относится и къ

---

[1]) Voltaire, «Dieu et les hommes». Въ этомъ сочиненіи Вольтеръ подробно высчитываетъ число жертвъ, погибшихъ за ученіе христіанской Церкви: ихъ 10 милліоновъ; но онъ всюду сильно убавлялъ числа,—иногда на половину,—чтобы его не могли упрекнуть въ преувеличеніи.

попыткѣ представить чистокровность іудейскаго народа какъ его историческое наслѣдіе и какъ его особенное, характерное свойство. Сюда же относится и весь «законъ», потому что лишь при помощи его удалось искоренить всѣ другіе помыслы, кромѣ мысли о Іеговѣ, то есть сдѣлать народъ дѣйствительно «святымъ» (въ семитическомъ значеніи этого понятія). Одинъ изъ еврейскихъ авторовъ сообщаетъ: «Одной субботѣ посвящено 39 главъ, въ которыхъ перечисляются только запрещаемыя въ этотъ день занятія; каждая глава опять подраздѣляется на отдѣлы — до безконечности»[1]). По преданію, Моисею были сообщены на горѣ Синаѣ 365 запрещеній и 258 заповѣдей[2]), которыя послужили лишь остовомъ для дальнѣйшаго уже разработаннаго «закона». Монтефіоре также утверждаетъ, что соблюденіе закона вскорѣ обратилось у іудея въ господствующую идею, что оно стало для него summum bonum, то есть лучшимъ, благороднѣйшимъ и пріятнѣйшимъ занятіемъ въ свѣтѣ[3]). На

---

[1]) Montefiore, «Religion of the ancient Hebrews», стр. 504.

[2]) Talmud, Traktat Makkoth, отд. 3, по Grünwald'y.

[3]) Montefiore, вышеназван. соч., стр. 530. «Огромное число обрядовыхъ предписаній—великое преимущество Израиля», говоритъ Талмудъ (Montefiore, стр. 535), а въ «Плачѣ» (ошибочно приписываемомъ Іереміи) мы читаемъ: «Благо человѣку, когда онъ несетъ иго въ юности своей... полагаетъ уста свои въ прахъ, помышляя: «можетъ быть еще есть надежда» (Плачъ Іереміи III, 27 и 29). Чтобы познакомиться съ противоположнымъ воззрѣніемъ, прочтите прекрасныя примѣчанія къ религіознымъ обязанностямъ въ соч. Immanuel Kant'a «Anthropologie», § 10a, гдѣ великій мыслитель высказываетъ мысль,

память и вкусъ, такимъ образомъ, былъ наложенъ арестъ, но и съ разсудкомъ дѣло обстояло не лучше,— законъ его окончательно надломилъ: бѣдная женщина, собирая въ субботу валежникъ для своего очага, совершала такимъ нарушеніемъ закона преступленіе, равносильное прелюбодѣянію [1]). Итакъ, я повторяю еще разъ: люди, положившіе основаніе іудейству, руководились не дурными, эгоистичными цѣлями, а ихъ направляла демоническая сила, свойственная исключительно честнымъ фанатикамъ, ибо ужасное дѣло рукъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенно.

XXVII.

Тора.

Вѣчнымъ памятникомъ этого совершенства является Тора, то есть книги Ветхаго Завѣта. Здѣсь исторія творитъ исторію! Какое научное сочиненіе могло бы льстить себя падеждой имѣть такое же вліяніе на жизнь человѣчества?! Неоднократно увѣряли, что евреи лишены творчества. Разсматривая эту замѣчательную книгу, мы приходимъ къ другому заключенію; по крайней мѣрѣ въ годину величайшихъ бѣдствій сила творчества была

что для разумнаго человѣка нѣтъ ничего болѣе тяжелаго, какъ исполненіе «Заповѣдей дѣловитаго ничегонедѣланія («Gebote einer geschäftigen Nichtsthuerei»), въ родѣ тѣхъ, которыя лежатъ въ основаніи іудейства».

[1]) По закону (см. Числъ XV, 32—36), она подлежитъ смертной казни.

имъ дарована, и они создали истинное произведеніе искусства. Художественная сторона его заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ этой всемірной исторіи, начинающейся съ сотворенія неба и земли и кончающейся будущимъ царствіемъ Божіемъ на землѣ, вся перспектива построена такъ, что въ самомъ центрѣ зданія со всѣхъ сторонъ виденъ окруженный ореоломъ іудейскій народъ. Въ чемъ же коренится сила этого народа и жизнеспособность его, побѣждавшая до сихъ поръ всѣ превратности судьбы, если не въ этой книгѣ? Мы узнали, что въ болѣе ранній періодъ своего существованія израильтяне ничѣмъ не отличались отъ многочисленныхъ еврейскихъ сосѣднихъ племенъ; мы видѣли въ хеттеяхъ хотя и весьма устойчивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ поразительно «анонимный» человѣческій типъ, самой замѣчательной особенностью котораго былъ развѣ только носъ. А іудеи? Они были такіе плохіе воины, такіе ненадежные солдаты, что ихъ царь былъ принужденъ поручать оборону страны и свою личную охрану чужеземнымъ наемнымъ войскамъ; въ іудеяхъ было такъ мало предпріимчивости, что одинъ видъ моря пугалъ ихъ, тогда какъ родственные имъ финикіяне достигли богатства и полнаго расцвѣта своего могущества только благодаря этому морю; способности ихъ къ промышленности были такъ минимальны, что для всѣхъ предпріятій приходилось выписывать изъ сосѣднихъ государствъ художниковъ, мастеровъ и для болѣе тонкихъ работъ— даже ремесленниковъ; они были до такой степени неспособны къ земледѣлію, что (по неоднократному свидѣтельству какъ Библіи, такъ и Талмуда) хананеяне были не только ихъ учителями по этой части, но

остались рабочей силой страны до самаго конца [1]). Даже въ политическомъ отношеніи они были такими противниками устойчивыхъ, упорядоченныхъ условій жизни, что никакая разумная форма правленія не могла установиться у нихъ, и они искони чувствовали себя привольнѣе всего подъ чужимъ владычествомъ, что однако не мѣшало имъ подкапываться и подъ послѣднее... Повидимому, предназначеніе такого народа—быстрое его исчезновеніе изъ всемірной исторіи; и дѣйствительно, отъ другихъ, гораздо болѣе способныхъ полу-семитическихъ племенъ того времени остались лишь одни имена. Что̀ же спасло маленькій іудейскій народъ отъ той же участи? Что̀ еще служило крѣпкой связью между его членами, когда онъ уже былъ разсѣянъ по всей земной поверхности? Что̀ дало ему возможность выдѣлить изъ своей среды новый міровой, великій принципъ христіанства? Исключительно одна эта книга. Мы слишкомъ отвлеклись бы въ сторону, если бы захотѣли анализировать здѣсь свойства этой столь важной для всемірной исторіи книги. Гёте гдѣ-то говоритъ: «Эти сочиненія сопоставлены такъ удачно, что мы не можемъ отдѣлаться отъ иллюзіи, что эти чуждые другъ другу элементы составляютъ одно цѣлое. Они достаточно полны, чтобы удовлетворять, достаточно

[1]) Поэтому одной изъ страшнѣйшихъ угрозъ Іеговы [illegible], если они нарушатъ Его законъ, является слѣдующая: «Вамъ придется исполнять всѣ работы самимъ внѣ [illegible] (Talmud, Traktat [illegible]). Свидѣтельство, [illegible], встрѣчается также [illegible] 5.

Мессіи, единодержавнымъ владыкой всего свѣта — на вѣчную славу Іеговѣ. Талмудъ говоритъ: «Какъ слѣдствіемъ нарушеннаго тобою закона является твоя гибель, такъ послушаніе твое, въ смыслѣ ненарушенія запрещеній, вознаградится тѣмъ, что ты самъ будешь повелѣвать» (Talmud, Traktat Aboth IV, 5, по Montefiore).

XXVIII.

Іудейство.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. На вопросъ: кто такой іудей? я отвѣтилъ, прежде всего, указаніемъ на его происхожденіе въ физическомъ отношеніи, а затѣмъ попыткой выяснить руководящую идею іудейства, коснувшись какъ ея возникновенія, такъ и самой ея сущности. Больше этого я не могу сдѣлать, такъ какъ личность есть принадлежность индивидуума, и не можетъ быть бо̀льшаго заблужденія, какъ широко распространенная привычка судить о народѣ по его отдѣльнымъ представителямъ. Моему разсмотрѣнію не подлежалъ ни «хорошій», ни «дурной» еврей. «Никто не благъ», сказалъ Іисусъ Христосъ, «и гдѣ настолько падшій человѣкъ, чтобы мы рѣшились назвать его безусловно дурнымъ?» Предо мною лежитъ нѣсколько судебно-статистическихъ отчетовъ: одни изъ нихъ стремятся доказать, что евреи самые кроткіе и безвредные граждане Европы; другіе—діаметрально противоположное. Меня удивляетъ, что изъ однихъ и тѣхъ же цифровыхъ данныхъ можно, путемъ всевозможныхъ ухищреній, получить такіе разнорѣчивые результаты; но меня еще больше поражаетъ,

что люди воображаютъ, будто такимъ образомъ можно изучать народную психологію. Нѣтъ человѣка, который кралъ бы ради удовольствія, развѣ только больной, страдающій клептоманіей. Неужели тотъ, кто сдѣлался воромъ изъ нужды или вслѣдствіе дурного примѣра, дѣйствительно абсолютно дурной человѣкъ, а тотъ, кому не представлялось ни малѣйшаго повода красть—хорошій? Лютеръ говоритъ: «Кто беретъ у булочника хлѣбъ съ прилавка, не побуждаемый къ тому голодомъ, тотъ воръ; если же онъ дѣлаетъ это въ силу голода, то онъ правъ, потому что другіе обязаны дать ему хлѣба». Дайте мнѣ статистическій отчетъ, показывающій, сколько людей, находясь въ крайней нуждѣ, въ несчастіи и всѣми покинутые, не сдѣлались преступниками: изъ него въ извѣстныхъ случаяхъ можно вывести нѣкоторыя заключенія, но и то — мало, очень мало! Развѣ предки нашего феодальнаго дворянства не были разбойниками, грабившими на большихъ дорогахъ, и развѣ потомки ихъ не гордятся этимъ? Развѣ не было папъ, убивавшихъ королей при помощи наемныхъ убійцъ? Не считаются ли въ нашемъ современномъ цивилизованномъ обществѣ ложь и обманъ принадлежностями хорошаго тона высокой дипломатіи? Поэтому оставимъ лучше нравственность въ сторонѣ, а также и не менѣе щекотливый вопросъ о даровитости; вѣдь то обстоятельство, что число еврейскихъ присяжныхъ повѣренныхъ у насъ въ странѣ больше, чѣмъ число европейскихъ адвокатовъ, доказываетъ лишь, что быть повѣреннымъ — доходное занятіе: особенныхъ способностей для этого не требуется. Относительно всѣхъ этихъ вопросовъ, въ особенности, когда они рѣшаются

на основаніи статистическихъ данныхъ, можетъ быть доказано все, что̀ угодно. Напротивъ, раса и идеалъ—двѣ вещи несомнѣнно незыблемыя. Хорошихъ и дурныхъ людей нѣтъ, по крайней мѣрѣ для насъ; этотъ вопросъ можетъ разсудить только Богъ, потому что слово «хорошій» относится здѣсь къ нравственной оцѣнкѣ, которая, въ свою очередь, связана съ знаніемъ внутреннихъ побужденій, навсегда скрытыхъ отъ насъ. Уже Іеремія восклицаетъ: «Лукаво сердце человѣческое болѣе всего... кто его узнаетъ?» (Кн. пр. Іереміи, XVII, 9) [1]). Расы же дѣйствительно бываютъ хорошія и дурныя, потому что здѣсь суть дѣла касается физическихъ условій и общихъ законовъ органической природы, изученныхъ и провѣренныхъ путемъ опыта; это условія, относительно которыхъ цифровыя данныя,—въ противоположность тому, что̀ было сказано о нравственности и о степени даровитости,—служатъ неопровержимыми доказательствами; о нихъ исторія человѣчества сообщаетъ намъ много поучительнаго. Не менѣе уловимы также и руководящія идеи. Послѣднія должны быть, конечно, разсматриваемы относительно расы прежде всего какъ слѣдствіе: однако нѣтъ основанія оцѣнивать эту невидимую внутреннюю анатомію слишкомъ низко; это своего рода духовныя долихоцефалія и брахицефалія, которыя вліяютъ также въ значительной степени въ качествѣ причинъ. Вотъ почему дѣйствительно сильная нація отличается въ такой вы-

[1]) Kant, «Kritik der reinen Vernunft» (Erläut. der kosmol. Idee der Freiheit). Кантъ говоритъ: «Истинная нравственность поступковъ (заслуга и виновность), даже нашихъ собственныхъ, остается навсегда совершенно скрытой отъ насъ.

сокой мѣрѣ способностью примѣняться. Переходъ въ новый общественный союзъ на первыхъ порахъ не измѣняетъ ни единаго волокна физической структуры и лишь очень медленно, черезъ нѣсколько поколѣній, начинаетъ измѣняться составъ крови. Идеи же дѣйствуютъ гораздо быстрѣе, давая почти всей личности сразу новое направленіе.

Іудейская же національная идея, повидимому, производитъ особенно мощное дѣйствіе, быть можетъ, именно потому, что въ данномъ случаѣ нація существуетъ лишь какъ идея и никогда не была, съ самаго начала, нормальной «націей»; іудейство было всегда прежде всего—идеей или надеждой. Вотъ почему совершенно неосновательно придавать особенное значеніе притоку въ еврейскій народъ чужой крови, отъ времени до времени поступавшей въ его жилы, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Ренанъ съ большой настойчивостью въ послѣдніе годы своей жизни. Ренанъ зналъ лучше всѣхъ, что переходъ грековъ и римлянъ въ іудейство не имѣлъ ровно никакого значенія. Кто были эти «эллины» изъ Антіохіи, о которыхъ онъ намъ разсказываетъ въ своей лекціи «Judaisme—race ou religion?», что они будто бы переходили цѣлыми толпами въ іудейство? (Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ лишь еврейскимъ историкомъ Іосифомъ, заслуживающимъ очень мало довѣрія). Это была помѣсь евреевъ съ сирійцами, въ жилахъ которыхъ, вѣроятно, не были ни одной капли греческой крови,—и только! А эти «римляне», относительно которыхъ Ренанъ ссылается на Ювенала? (Juvenal, Sat. XIV, 95 и слѣд.).—Подонки общества, состоявшіе изъ бѣглыхъ азіатскихъ и африканскихъ рабовъ! Пусть онъ назоветъ

намъ хоть одного выдающагося римлянина, принявшаго еврейскую вѣру. Такія утвержденія равносильны намѣренному введенію въ заблужденіе публики, не принадлежащей къ сонму ученыхъ. Но если бы даже оказалось, что они основаны на правдивыхъ данныхъ, а не на тенденціозныхъ подлогахъ, то какой былъ бы выводъ изъ этого? Развѣ іудейская національная идея лишена силы, свойственной идеямъ всѣхъ другихъ націй? Напротивъ, мы видѣли, что она до такой степени мощна, что не имѣетъ соперницы и пересоздаетъ людей по образу и подобію своему. Нѣтъ надобности обладать типичнымъ хеттейскимъ носомъ, чтобы быть «іудеемъ»: слово это прежде всего указываетъ на извѣстное направленіе чувства и мысли. Не будучи евреемъ, человѣкъ можетъ очень быстро обратиться въ іудея; есть люди, которымъ для этого достаточно свести знакомство съ евреями, бывать часто въ ихъ обществѣ, читать еврейскія газеты и привыкнуть къ еврейскому воззрѣнію на жизнь, къ еврейскимъ литературѣ и искусству. Съ другой стороны, лишено всякаго смысла считать іудеемъ чистокровнаго еврея, которому удалось сбросить съ себя оковы Ездры и Нееміи, въ умѣ котораго нѣтъ больше мѣста для Моисеева закона, а въ сердцѣ—презрѣнію къ другимъ народамъ. «Что, если бы мы могли надѣяться на полное гуманизированіе іудейскаго образа мыслей!», восклицаетъ Гердеръ [1]). Но вполнѣ гуманизированный еврей уже не іудей, такъ какъ онъ отрекся отъ идеи іудейства и этимъ фактически вышелъ изъ іудейской націи, связывающимъ элементомъ которой является цѣлый кругъ представле-

[1]) Herder, «Adrastea», V, 7 отд. «Fortsetzung».

ній и извѣстная «вѣра». Мы должны научиться раздѣлять взглядъ апостола Павла, говорящаго, что не тотъ іудей, кто по наружности своей еврей, а тотъ, кто іудей въ душѣ.

Такіе національные или религіозные идеалы могутъ проявлять свое преображающее вліяніе двояко: положительно и отрицательно. Мы видѣли, какъ у евреевъ нѣсколько человѣкъ навязали народу извѣстную національную идею совершенно противъ его воли; что они такъ глубоко отмѣтили его печатью этой идеи, что онъ, повидимому, никогда не будетъ въ состояніи избавиться отъ этого клейма; но, чтобы достичь этого, необходимо содѣйствіе кровнаго (Konsanguinität) и духовнаго (Kongenialität) родства. Здѣсь, слѣдовательно, дѣйствіе идеи было положительно творческое. Такимъ же замѣчательнымъ примѣромъ въ томъ же смыслѣ является внезапное перерожденіе кровожадныхъ и дикихъ монголовъ въ кроткихъ, благочестивыхъ людей, изъ которыхъ приблизительно $^1/_3$ поступили въ монахи, благодаря принятію ими буддизма [1]). Но идея можетъ имѣть также чисто отрицательное вліяніе; она можетъ выбить человѣка изъ свойственной ему колеи, не замѣнивъ ея другой, сообразно съ особенностями его расы. Общеизвѣстнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служитъ вліяніе магометанства на туркменовъ: благодаря дѣйствію новаго для нихъ фаталистическаго міровоззрѣнія, этотъ дикій, энергичный народъ началъ мало-по-малу погружаться въ какое-то пассивное состояніе, въ кото-

---

[1]) Ср. по этому предмету—Döllinger, «Akademische Vorträge» I, 8.

ромъ онъ наконецъ и погрязъ окончательно. Если бы еврейское вліяніе одержало въ Европѣ верхъ на духовномъ и культурномъ поприщахъ, то эта побѣда іудейства обогатила бы насъ еще новымъ примѣромъ отрицательнаго и разрушительнаго дѣйствія идеи.

Я только что указалъ на примѣненный мною методъ изслѣдованія и на добытые мною главные результаты. Разюмировать эту книгу иначе я не намѣренъ. По отношенію къ органическимъ явленіямъ формулы остаются всегда лишь фразами. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ: «Le voilà, le chameau!» Даже относительно верблюда такая претензія смѣшна, и мнѣ никогда не могло прійти въ голову заключить этотъ очеркъ обобщающими формулами, какъ бы съ цѣлью сказать: «Le voilà, le Juif!» Вѣдь тема эта неисчерпаема и не можетъ быть изслѣдована до самаго основанія,—даже въ данномъ случаѣ мнѣ удалось использовать едва двадцатую часть моихъ замѣтокъ и выписокъ по этому предмету. Но я питаю твердую надежду, что читатель, познакомившись съ этой книгой, будетъ въ состояніи составить болѣе опредѣленное и ясное сужденіе объ іудействѣ и его продуктѣ—іудеѣ, чѣмъ то, какое онъ имѣлъ до этого. Затѣмъ, изъ сложившагося такимъ образомъ взгляда, какъ необходимое слѣдствіе, выяснится значеніе появленія евреевъ въ исторіи западно-европейскихъ народовъ. Прослѣдить, какъ выразилось это вліяніе въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи за всѣ вѣка нашей эры вплоть до нашего столѣтія,—не моя задача. Но въ виду того, что косвенное вліяніе іудейства на христіанство было значительно и продолжаетъ быть таковымъ донынѣ, а прямое его вліяніе, кромѣ того, даетъ себя знать въ нашъ вѣкъ

и даже именно начиная съ XIX столѣтія, какъ новый элементъ въ исторіи нашей культуры, такъ что «еврейскій вопросъ» принадлежитъ къ числу самыхъ жгучихъ проблемъ нашего времени, — я счелъ своимъ долгомъ положить здѣсь основаніе, на которое могло бы опереться наше сужденіе объ этомъ предметѣ. Ни страстныя утвержденія антисемитовъ, ни догматическія пошлости поборниковъ «правъ человѣка», ни даже всѣ ученыя книги, изъ которыхъ я почерпнулъ столько богатыхъ свѣдѣній для этой книги, не могутъ привести насъ къ цѣли (всѣ онѣ освѣщаютъ вопросъ лишь съ какой-нибудь одной стороны — по большей части либо съ чисто богословской, либо съ археологической). Я сознаю и признаюсь, что мое предпріятіе—положить такое основаніе — было въ высшей степени смѣло; но я повиновался закону необходимости и надѣюсь, что мое стремленіе добиться ясныхъ и правдивыхъ представленій осталось небезуспѣшнымъ, ибо всѣ мы крайне нуждаемся въ нихъ. Вопросъ этотъ касается не только нашего настоящаго, но и нашего будущаго.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Къ стр. 10.—Вѣнскія газеты отъ 30-го и 31-го іюля 1901 г. сообщаютъ о рѣчи, сказанной вѣнскимъ раввиномъ д-ромъ Леопольдомъ Каномъ (D-r Leopold Kahn) о сіонизмѣ въ залѣ Ортодоксальной еврейской школы въ Пресбургѣ. Д-ръ Канъ дѣлаетъ въ этой рѣчи слѣдующее признаніе: «Ассимиляція евреевъ невозможна; они никогда не примутъ нравовъ и обычаевъ другихъ народовъ. Еврей при всѣхъ условіяхъ остается евреемъ. Всякая ассимиляція его лишь чисто внѣшняго характера». Достопримѣчательныя слова! Своеобразно и столь же замѣчательно,—хотя и съ совершенно иной точки зрѣнія,—изреченіе, находящееся въ автобіографическомъ отрывкѣ ботаника Фердинанда Кона (Ferdinand Cohn). Конъ, проповѣдующій, въ противоположность Кану, ассимиляцію, высказываетъ мнѣніе, что еврей способенъ сдѣлаться, «если и не германцемъ, то — нѣмцемъ» (Ferdinand Cohn, «Blätter der Erinnerung», 1901, стр. 13). Я думаю, что едва ли возможно такъ окончательно отдѣлять понятіе о «нѣмцѣ» отъ понятія о «гер-

манцѣ». Тогда остается не болѣе, какъ чисто географическое представленіе о мѣстѣ рожденія.

Къ стр. 62.—По поводу моего утвержденія объ армянахъ Альбрехтъ Виртъ (Albrecht Wirth, «Volkstum und Weltmacht in der Geschichte», стр. 25) говоритъ: «Мнѣ кажется, что Чамберлэнъ зашелъ слишкомъ далеко, признавая за армянами лишь 10% арійской крови; это справедливо относительно жителей городовъ, дѣти у которыхъ рождаются у насъ въ Европѣ; что же касается армянскаго сельскаго населенія, — по крайней мѣрѣ тѣхъ жителей, которыхъ я видѣлъ въ горахъ сѣвернаго Курдистана,—то у него часто встрѣчаются русые волосы и голубые глаза, и его лишь съ трудомъ можно отличить отъ курдовъ арійскаго происхожденія».

Къ стр. 64 и слѣд. — Относительно названія «хетте» я еще разъ подчеркиваю во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній,—хотя и самый текстъ не допускаетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній,—что оно имѣетъ для меня такое же значеніе, какъ для математика y въ несомнѣнно вѣрно составленномъ, но еще не вычисленномъ уравненіи. Читатель найдетъ сопоставленіе всего новѣйшаго по части нашихъ теперешнихъ свѣдѣній о хеттеяхъ у Винклера (Winckler, «Die Völker Vorderasiens», 1900 г., стр. 18 и слѣд.).

Къ стр. 88 и слѣд. — Нѣкоторые еврейскіе критики высказались съ особенной горячностью противъ всего изложеннаго мною здѣсь о еврейскомъ воззрѣніи на «грѣхъ». Но это не говоритъ въ ихъ пользу, потому что они, съ цѣлью дискредитированія меня, совершенно умолчали объ источникахъ, которыми я воспользовался для своего труда; между тѣмъ я ссылаюсь

на всѣми признанные величайшіе современные авторитеты; вслѣдствіе этого они представили своимъ читателямъ дѣло такъ, какъ будто вопросъ касается лишь частнаго мнѣнія лица, признаннаго непринадлежащимъ къ сонму ученыхъ. Въ дѣйствительности же дѣло идетъ о вполнѣ достовѣрномъ, неоспоримомъ и научно-обоснованномъ фактѣ.

Дополненіемъ къ сказанному по этому поводу въ текстѣ могутъ служить еще слѣдующія двѣ цитаты:

«На еврейскомъ языкѣ слова «добро и «зло» означаютъ прежде всего «полезное» и «вредное», они примѣняются къ добродѣтели и грѣху лишь по стольку, по скольку дѣйствіе послѣднихъ оказывается полезнымъ или вреднымъ» (Wellhausen, «Prolegomena zur Geschichte Israels», 4 изд., стр. 307).

«У евреевъ... нѣтъ внутренней связи между добромъ и матеріальными благами («zwischen dem Guten und dem Gute»); между дѣломъ рукъ и сердечными помыслами у нихъ нѣтъ единства» (Wellhausen, «Israelitische und judische Geschichte», 3 изд., стр. 380).

Къ стр. 102.—О несемитическомъ происхожденіи нашихъ письменныхъ знаковъ надо сказать еще слѣдующее. Съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе, что употребленіе письменныхъ знаковъ было извѣстно въ области, гдѣ господствовали эллинская и до-эллинская культуры, въ гораздо болѣе древнія времена, чѣмъ это предполагали еще недавно. Такъ, напримѣръ, теперь найдены цѣлыя библіотеки и архивы на островѣ Критѣ въ такъ называемомъ дворцѣ Миноса, новѣйшія части котораго построены, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, не позже 1550 г. до Р. Хр. Письмена эти еще не разобраны, но уче-

ные поражены ихъ «свободнымъ европейскимъ видомъ» («freies europäisches Aussehen») сравнительно со всѣми азіатскими и египетскими письменными знаками (См. A. I. Evans въ «The Annual of the British School at Athens», № VI, сессія 1899—1900, стр. 57).

Къ стр. 133.—Одинъ изъ выдающихся молодыхъ семитологовъ недавно сообщилъ мнѣ, что новѣйшія изслѣдованія съ каждымъ днемъ раскрываютъ все съ большей и большей ясностью чисто идолопоклонническій и связанный съ фетишизмомъ характеръ всѣхъ первобытныхъ семитическихъ религій. Эволюція къ болѣе возвышенному воззрѣнію могла осуществиться лишь подъ вліяніемъ воздѣйствія извнѣ и племенного смѣшенія съ другими народами (какъ у іудеевъ).

Къ стр. 149.—Въ виду того, что мои утвержденія касательно Панины (Pâṇini) и филологіи индусовъ оспариваются несвѣдущими критиками (см. напр. «Die Grenzboten», 1900, № 14, стр. 23), я привожу здѣсь еще двѣ выдержки.

Бенфей (Theodor Benfey), право котораго на рѣшающее въ этомъ вопросѣ сужденіе могутъ отрицать лишь невѣжды, говоритъ въ своемъ сочиненіи, упомянутомъ мною въ текстѣ (стр. 150), слѣдующее: «Что касается филологіи, то индусы уже въ глубочайшей древности не только намѣтили путь, по которому эта наука должна была слѣдовать, но и воздвигли одинъ изъ главнѣйшихъ столбовъ ея,—научно разработанный самостоятельный языкъ, доведенный ими до совершенства, вызывающаго удивленіе и восторгъ всѣхъ, кому приходится близко знакомиться съ нимъ; и теперь еще онъ не только не превзойденъ другими, но все еще

стоитъ на недосягаемой высотѣ и продолжаетъ служить во многихъ отношеніяхъ образцомъ для научныхъ трудовъ въ этой области; приложенные къ нему методы и добытые имъ результаты преимущественно и даже почти исключительно дали современной филологіи возможность приняться, по общему признанію, столь успѣшно за свое дѣло и направить его къ намѣченной цѣли».

А. Г. Габеленцъ (Georg von der Gabelentz) говоритъ въ своемъ фундаментальномъ сочиненіи («Die Sprachwissenschaft», 2 изд., 1901, стр. 22): «Дивное твореніе Панини, единственная дѣйствительно полвая грамматика, какой не имѣетъ ни одинъ другой языкъ».

Къ стр. 172 и слѣд.—Съ каждымъ днемъ становится яснѣе, какъ сильно было вліяніе вавилонянъ на евреевъ, и до какой степени послѣдніе и здѣсь лишь разработали чужія идеи. Винклеръ говоритъ (Hugo Winkler, «Die politische Entwickelung Babyloniens und Assyriens», 1900, стр. 17—18):

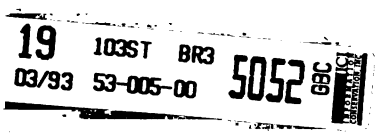
«Мы уже теперь можемъ заключить изъ ассирійскихъ надписей, что нѣкоторыя изреченія пророковъ намекаютъ на подобные же изреченія и девизы (Paroleausgaben), имѣвшіе источникомъ дворъ ассирійскихъ царей. Само собою разумѣется, что пророки-«глашатаи» были продуктомъ не одного лишь израильскаго народа: весь Востокъ принужденъ говорить такимъ путемъ съ народомъ.

«Косвенныя свидѣтельства о политическихъ ученіяхъ, схожихъ въ своихъ основныхъ чертахъ съ міровоззрѣніемъ вавилонскаго жречества, обнаруживаются въ столь поощряемой христіанствомъ апокалипсической литературѣ, начавшейся для насъ съ пророка Даніила.

Кромѣ того все больше и больше выясняется, что теократическое развитіе іудейскаго народа шло рука объ руку съ стремленіями, господствовавшими въ Вавилонѣ и во всемъ Ассирійскомъ царствѣ. Государственный строй, введенный при царяхъ Езекіи и Іосіи, соотвѣтствуетъ анологичнымъ явленіямъ въ Ассиріи и Вавилонѣ; къ тому же іудейство окончательно пропиталось теократическимъ духомъ именно во время Вавилонскаго плѣненія, вслѣдствіе соприкосновенія съ вавилонской наукой и подъ вліяніемъ вавилонскихъ ученій».

Къ стр. 236.—Альб. Виртъ прекрасно прослѣдилъ въ своей книгѣ, уже упомянутой въ этихъ примѣчаніяхъ (Albrecht Wirth, «Volkstum und Weltmacht in der Geschichte»), отношеніе, существующее между расой и идеями. Съ этимъ связанъ его замѣчательный тезисъ, что цивилизація можетъ быть усвоена всякимъ, какъ внѣшняя оболочка, культура же, напротивъ, прививается исключительно путемъ племенного смѣшенія.

Къ стр. 240.—Я, повидимому, придалъ слишкомъ мало значенія деморализующему вліянію еврейской крови. Сайсъ говоритъ въ своемъ трудѣ (Saysce, «Races of the Old Testament», 2 изд., стр. 74): «Среди испанскаго дворянства мало родовъ, не зараженныхъ іудейской кровью». А у Барта (Prof. Dr. Paul Barth, «Vierteljahresschrift, für wissenschaftliche Philosophie», Jahrgang 1901, стр. 75) мы читаемъ: «Чамберлэнъ могъ бы указать на вліяніе семитической крови, сказывающееся на испанцахъ, еще настоятельнѣе, чѣмъ онъ это дѣлаетъ. Вслѣдствіе примѣси семитической крови испанцы обратились въ фанатиковъ и извратили всѣ понятія до послѣдней крайности, такъ что они утра-

тили свое разумное значеніе: религіозное самоотверженіе выродилось у нихъ въ слѣпое повиновеніе главѣ Церкви, вѣжливость въ тягостный, церемонный этикетъ, честь — въ безумнѣйшую щепетильность, гордость — въ смѣшную величавость, такъ что слово «испанскій» въ настоящее время въ нѣмецкомъ народномъ языкѣ почти равносильно слову «неразумный».

Цена 1 руб.